

МАЙ 2001

НА БОЕВОМ ПОСТУ

ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

Так ковалась Победа

Чей ты, город Грозный?

Противнику
не скажешь: "Подожди"

Одиночество волка

Крест для воина Евгения

ИПСО
СПЕЦИАЛЬНЫХ
МАТЕРИАЛОВ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

IV ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО- ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Санкт-Петербург
3 - 6 апреля 2001 г.

«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ И БЕЗОПАСНОСТИ»

Фото Игоря АКИМОВА и Павла МАРКИНА

Материал о
IV Всероссийской
конференции см. на
странице 36

Главный редактор
УЛЬЯНОВСКИЙ В.Н.

**Редакционная
коллегия:**

АРТЮХОВ Е.А., АШУРКОВ И.А.,
БЕЛЬСКИЙ В.Ю., ГЕРАСИМОВ В.Н.,
ГЕРАЩЕНКО В.П. (зам. главного
редактора - ответственный секретарь),
ДОМОЖИРОВ В.К. (зам. главного
редактора), ЕРМАКОВ П.И.,
ЖУРАВЕЛЬ В.П., КАЗАКОВ Н.Н.,
КАРПОВ Б.В., КИСЛЫЙ Ю.П.,
КЛОЧКОВ В.И., КУДРЯШОВ А.В.,
МАКАРОВ А.В., ЛЕВКОВИЧ В.Г.,
ПАНЧЕНКОВ В.В., ТОНКОНОГОВ В.П.,
ЮРЧЕНКО С.П.

**Художественное
оформление**
БАННИКОВ А.Ю.
КОПЫЛОВ Э.П.

Верстка
ПЕТРОВОЙ Л.А.

Корректоры
БОГДАНОВА Е.А.
ГАВРИЛОВА Е.Ю.

На 1-й странице обложки
коллаж КОПЫЛОВ Э.П.
фото МАРМУРА М.Л.

Издается с 1958 года

УЧРЕДИТЕЛЬ —
МВД России

ИЗДАТЕЛЬ —
Главное командование
внутренних войск

Журнал зарегистрирован в
Министерстве печати и
информации Российской

Федерации.
Регистр. № 01420.
Имеет приложения:
газету «Ситуация» и сборник
учебно-методических
материалов
«Войсковой вестник»

При перепечатке материалов
ссылка на наш журнал
обязательна

© Журнал
«На боевом посту», 2001

Сдано в набор 19.3.2001
Подписано к печати 26.4.2001
Формат бумаги 84x108 1/16.
Тираж 3700
Печать офсетная. Усл.печ. л. 8,8.
Уч.-изд. л. 14,2. Зак. № 922
Индекс для индивидуальных
подписчиков — 70610
для предприятий и организаций —
73175

Ордена «Знак Почета»
типография
«Красная звезда».
123826, ГСП, Москва, Д-317,
Хорошевское шоссе, 38

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

НА БОЕВОМ ПОСТУ

Содержание

№ 5 ♦ 2001

Обсуждается проект закона	2
Е. КЛИМОВИЧ И помнит мир спасенный.....	4
С. ШТУТМАН Так ковалась Победа	6
Г. ИВАШКОВ Надежная связь, михайловская	10
Г. КИРИЛЕНКО Чей ты, город Грозный?	12
Е. ПОСТНИКОВА До дембеля было рукой подать.....	14
А. ИВАНОВ Противнику не скажешь: «Подожди»	16
Д. ДАЖИН На земле князя Игоря	22
В. РУССКИХ Бежал последний немец... (стихи)	25
Л. АННИНСКИЙ Одиночество волка	26
Епископ ФЕОФАН Крест для воина Евгения	33
Б. КАРПОВ На повестке дня — безопасность России	36
Н. КАЗАКОВ Фронтовики, прячьте ордена!	37
А. ВИНОГРАДОВ От Рюрика до Александра I	38
А. МАКАРОВ От войны до войны (рассказы)	41
М. БОРИСОВ Навстречу стоящим в строю обелискам... (стихи)	59
Письмо в номер Т. СИБИРЦЕВ В его руках был королевский меч	63
Кроссворд	64

Редакция вправе сокращать и литературно обрабатывать принятые к публикации тексты. Редакция может публиковать материалы, не разделяя точку зрения авторов. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов, имен собственных, неразглашение тайны отвечают авторы публикаций, за достоверность рекламных объявлений — рекламодатели, за качество печати — типография. Переписка с читателями ведется только на страницах журнала.

Адрес редакции: 107120, Москва, Б-120, Сыромятнинский проезд, 8
Телефон для справок: 361-81-71

Обсуждается проект закона

26 марта в Государственной Думе прошел “круглый стол” по вопросу “О совершенствовании правового положения ветеранов боевых действий”.

В этот день в Думе собрались депутаты, представители правительства, министерств и ведомств, законодательных и исполнительных органов субъектов РФ, представители ветеранских организаций из 28 субъектов Российской Федерации, думских комитетов по обороне и делам ветеранов. Хотя встреча и была ограничена ветеранскими делами, основной разговор шел вокруг разработанного группой депутатов проекта Федерального закона “О статусе участников боевых действий”.

***

Сегодня слово “ветеран” для многих означает лишь участника Великой Отечественной войны или человека, длительное время проработавшего на производстве и вышедшего на пенсию. Между тем само понятие куда шире, к ветеранам с полным основанием можно отнести и лиц, участвовавших в боевых действиях, и тех, кто на военной службе получил ранение или травму, стал инвалидом. А войн после 1945 года было немало. Здесь участие наших военнослужащих в боевых действиях в Северной Корее, Вьетнаме, Анголе, Эфиопии, Египте и других странах. Не все наши офицеры вернулись оттуда, некоторые получили ранения и стали инвалидами.

За десять лет сотни тысяч военнослужащих прошли Афганистан, горячие точки на территории бывшего Советского Союза, наконец, и сегодня на Северном Кавказе идут боевые действия, а значит, все больше солдат и офицеров проходит через них, получая право на определенные льготы.

По словам заместителя председателя Комитета Государственной Думы по делам ветеранов Владимира Вишневца, сегодня свыше 34 миллионов человек подпадают под действие ветеранских законов.

Развернувшаяся на “круглом столе” дискуссия касалась проблем социальной защищенности этих лиц.

Зачем нужен новый закон

Чуть ли не у любого из наших военнослужащих скопилось немало справок о пребывании в местах ведения боевых действий. Посмотрите на приведенный в них список постановлений и приказов, определяющих положенные вам льготы и компенсации. Список внушительный, в пору запутаться.

Принятие закона — процесс длительный, да и не стоит издавать новый закон на каждый новый вооруженный конфликт, хотя все эти нормативные акты позволили бы оперативно реагировать на изменения обстановки.

Казалось бы, благое дело, да вот беда: приказ министра, постановление правительства, указ президента ими же могут быть легко отменены. К тому же приказы МВД действуют внутри ведомства и уволенному со службы инвалиду или ветерану уже мало чем могут помочь в его гражданской жизни.

С законом же не так просто: принятый после долгих обязательных процедур и согласований, он становится обязательным для всех органов исполнительной власти.

Старым багажом не обойтись

Сегодня статус участников и ветеранов Великой Отечественной войны, других войн и боевых действий определяется целым рядом федеральных законов, таких, как “О ветеранах”, “О статусе военнослужащих”, “Об обороне”, “О чрезвычайном положении”, “О воинской обязанности и военной службе”, “О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, и членов их семей”, “О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим, проходящим военную службу на территориях государств Закавказья, Прибалтики и Республики Таджикистан, а также выполняющим задачи по защите конституционных прав граждан в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах”, и других. Как видите, законов немало, да только не всегда они стыкуются между собой, к тому же не учитывают дополнительные льготы участникам контртеррористической операции в Чечне. Поэтому было решено создать один федеральный закон, регулирующий статус участников боевых действий, в котором государство взяло бы на себя перед ними материальные и моральные обязательства.

Закон определит и само понятие “участник боевых действий”, и все положенные ему конкретные выплаты, льготы и привилегии, порядок обеспечения членов

смерти погибшего (пропавшего без вести) военнослужащего.

Правительство против

На проект Федерального закона "О статусе участников боевых действий" правительство дало отрицательный отзыв.

Помимо ссылок на то, что ряд внесенных в законопроект льгот уже есть в других законах (в частности в законе "О ветеранах"), главной причиной отрицательного заключения стало то, что "закон значительно расширит круг лиц, имеющих право на льготы, что потребует дополнительных финансовых затрат".

Понимай так — денег на это нет.

Для справки: в США на нужды ветеранов ежегодно выделяется сумма, равная двум российским бюджетам.

Мнения с мест

Участники "круглого стола", приехавшие на встречу из регионов, поделились своими взглядами на подготовку и издание законов, направленных на улучшение положения ветеранов и участников боевых действий.

Законодательные собрания многих регионов, не ожидая команды сверху, сами приняли программы социальной поддержки инвалидов боевых действий, вдов погибших, участников боевых действий на Северном Кавказе.

Такие программы есть в Краснодарском крае, Омске, других субъектах Федерации. В Республике Коми особое внимание обратили на трудоустройство отслуживших в горячих точках солдат срочной службы. На эти цели будет выделено 465 рублей на каждого уволенного солдата. Одна из причин принятия региональных программ, по мнению представителя Тверской области Виктора Королева, — отсутствие единой российской программы реабилитации и пробелы в федеральных законах.

А ведь впереди очередное сокращение Вооруженных сил, в результате которого на рынок труда попадут тысячи уволенных военнослужащих.

В выступлениях многих участников

говорилось, что и принятые федеральные законы о льготах ветеранам и участникам боевых действий работают лишь в Москве, да и то во многом благодаря деятельности благотворительных фондов. На местах же у чиновников само слово "льгота" вызывает аллергию.

Много претензий у выступавших и к правительству, законодательным органам. Ведь тому, что происходит в Чечне, до сих пор не дано четкого названия, а понятие "контртеррористическая операция" слишком неопределенно для включения в действующие законы.

Говорилось и о том, что сегодня крупнейшие предприятия страны преобразованы в различные ЗАО, ООО, ОАО, и их руководство часто косо смотрит на предоставление сотрудникам положенных им льгот, оплаченных санаторных путевок и дополнительных отпусков. Что уж тогда говорить об обеспечении прав ветеранов, работающих в мелких частных предприятиях!

Заместитель председателя Кировской областной общественно-политической организации "Участники боевых действий на Северном Кавказе" Марат Куватов заметил, что до принятия новых законов хорошо было бы рассчитаться с участниками боевых действий по старым долгам. Прежде всего выплатить "боевые" уволенным солдатам срочной службы. В Кировской области, по его словам, такие выплаты пока получают лишь отслужившие во внутренних войсках.

Сколько стоит льгота

В адрес Министерства финансов прозвучало немало упреков. Причины понятны: слишком много задолжало государство ветеранам и инвалидам. В результате многие закрепленные в законах льготы превратились в фикцию. Да, инвалид военной службы будет обеспечен протезом, только о качестве его в законе ничего не говорится. Между тем хороший, дающий инвалиду возможность вести полноценную жизнь протез обычно импортный, и стоит тысячи долларов. А в таком протезировании сегодня нуждаются десятки тысяч инвалидов. Значит, только на эти цели надо изыскивать миллиарды рублей. И это лишь один из самых больших вопросов. За слож-

ные операции в клиниках с ветеранов требуют оплату наличными. И понять врачей можно, учитывая, что многие лечебные заведения сегодня финансируются из бюджета едва ли наполовину.

Особенно трудно получить полноценную медицинскую и санаторно-курортную помощь бывшим солдатам. Если уволенные по болезни или ранению офицеры и прапорщики остаются прикрепленными к своим ведомственным поликлиникам, то солдат срочной службы, отлежав в госпитале после ранения и пройдя затем реабилитацию, по возвращении домой оказывается предоставленным самому себе.

То же касается и обеспечения санаторными путевками, строительства жилья для ветеранов.

Сегодня такие расходы бюджету просто не потянуть.

Не льготы, а справедливость

Не обошли выступавшие и нравственный аспект закона. Ветеранам, участникам боевых действий нужны не просто льготы, а элементарная справедливость. Директор Института народов России Ким Сагалов отметил, что рассматриваемый закон — это закон о совести государства, имеющий огромное нравственное значение. Его принятие покажет, что государство и общество не забывают тех, кто воювал за его интересы.

***

Закон будет дорабатываться в комитетах Государственной Думы по обороне и делам ветеранов. В заключение, отвечая на вопросы, заместитель председателя Комитета Государственной Думы по обороне генерал-майор Николай Безбородов коснулся и других тем, которые беспокоят людей в погонах, и прежде всего жилищной. Сегодня Государственной Думой готовятся решения о повышении стоимости жилищных сертификатов и законопроект о выделении десяти процентов из строящегося в стране жилья на нужды военнослужащих и лиц, уволенных с военной службы.

Отдел социальных проблем
и воинского воспитания

Дни воинской славы России

И помнит мир спасенный...

**День Победы советского народа
в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.**

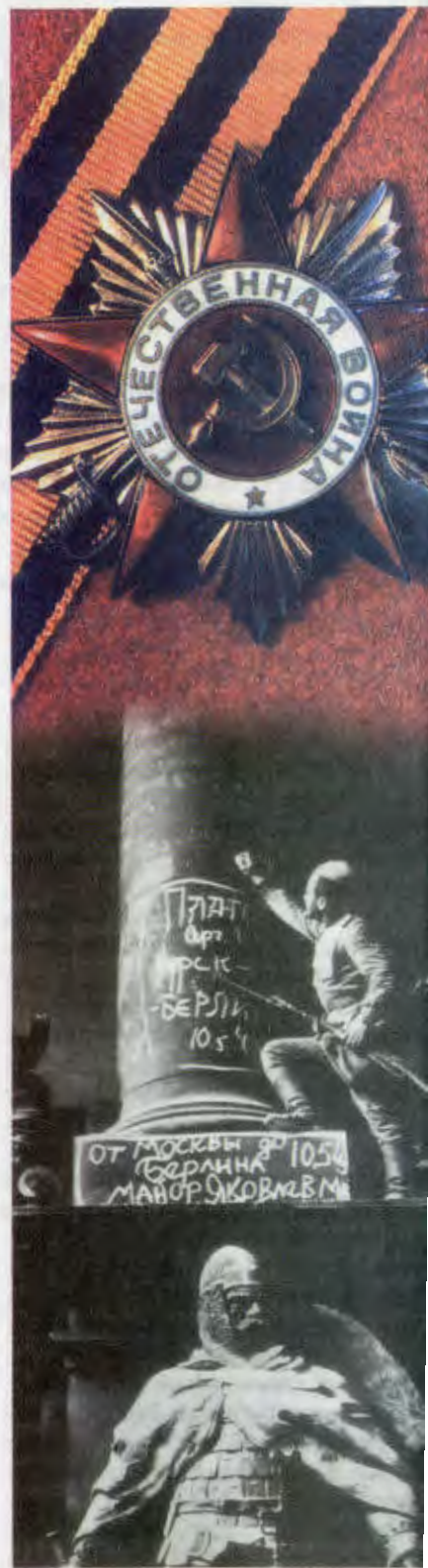
9 мая 1945 года вписано в мировую историю как день, который отмечается с величайшей радостью не только всеми нашими соотечественниками, но и многими народами мира. Великая Отечественная война была составной частью и главным содержанием Второй мировой войны, которая вовлекла в свою орбиту 61 государство с населением 1,7 миллиарда человек. Военные действия велись на территории 40 государств Европы, Азии и Африки, а также на обширных акваториях всех четырех океанов. Основной сражающейся силой народов нашей страны были советские Вооруженные силы. Именно им, советским солдатам и офицерам, обязана наша страна, вся Европа своим спасением от немецко-фашистского рабства.

Фашистская Германия опиралась на военно-экономический потенциал почти всей покоренной Европы. Из 8,5 миллиона человек, входящих в состав сухопутных сил гитлеровской коалиции, против СССР было направлено 190 дивизий (5,6 миллиона человек), 4300 танков, 4980 самолетов, 47,2 тысячи орудий и минометов.

Однако уже в декабре 1941 года под Москвой немецко-фашистские войска потерпели первое крупное поражение во Второй мировой войне. Провалилась теория и практика молниеносной войны. Вооруженные силы немецко-фашистской Германии потеряли более 500 тысяч человек, 1300 танков, много другой техники. Немецко-фашистские войска, которые на протяжении двух с половиной лет вели почти непрерывное победоносное наступление, впервые утратили стратегическую инициативу и вынуждены были перейти к обороне. Весь мир признал победу советского оружия. В выступлении по лондонскому радио генерал Шарль де Голль заявил, что "под Москвой фашистский враг потерпел одно из самых страшных поражений, какие когда-либо знала история".

В результате Сталинградской битвы стратегическая инициатива окончательно перешла в руки советских Вооруженных сил. Эта битва по своему размаху и значению превзошла все битвы и сражения прошлого. Всего в сражениях между Волгой и Доном фашистский блок потерял около 1,5 миллиона солдат и офицеров — одну четвертую часть своих боевых сил, действовавших в то время на советско-германском фронте. Победа под Сталинградом предопределила не только судьбу Советского Союза, но и исход всей Второй мировой войны и судьбы многих народов мира. Она подорвала военную машину фашизма, обострила кризис внутри фашистского блока. Япония и Турция, намеревавшиеся вступить в войну против СССР, уже не осмелились этого сделать. Стратегическая инициатива прочно и окончательно перешла в руки советского Верховного Главнокомандования.

В июле 1943 года после проведения тотальной мобилизации, используя отсутствие второго фронта, немецко-фашистское командование предприняло в районе Курска новое крупное наступление, в котором участвовала миллионная группировка войск. В ходе Курской битвы враг потерял около полумиллиона солдат и офицеров, 1,5 тысячи танков, 3 тысячи орудий и минометов, более 3,7 тысячи самолетов. Курская битва, продолжавшаяся менее двух месяцев, по своему размаху, напряженности и результатам стоит в ряду крупнейших битв Второй мировой войны.

Руководство США и Великобритании убедилось, что время окончательного разгрома Советской Армией фашистского агрессора неумолимо приближается и Советский Союз может оказаться единственным победителем в войне с фашизмом. Это вынудило их летом 1944 года с опозданием на два года открыть второй фронт в Европе. Но и после этого все решающие события происходили на советско-германском фронте.

Почти четырехлетняя напряженная война с гитлеровской Германией завершилась Берлинской операцией. Советские войска, разгромив миллионную вражескую группировку, весной 1945 года водрузили над поверженным рейхстагом Знамя Победы. 8 мая 1945 года гитлеровская Германия безоговорочно капитулировала, потерпев полное политическое, военное и экономическое поражение.

Из 13,6 миллиона общих людских потерь фашистской Германии на советско-германский фронт приходится 10 миллионов человек (более 73 процентов). Советские войска уничтожили 70% самолетов, 75% танков, 74% орудий фашистской Германии.

Экономика СССР практически собственными силами решила задачи материально-технического обеспечения победы в Великой Отечественной войне.

В ходе вооруженной борьбы с фашистской Германией при крайне неблагоприятном для СССР начальном периоде войны Советскому Союзу удалось успешно решить одну из главных задач: добиться перевеса в производстве вооружения и военной техники. Этим в значительной степени определялся исход войны. «Теперь судьба войны будет решаться не таким привходящим моментом, как момент внезапности, а постоянно действующими факторами: прочность тыла, моральный дух армии, количество и качество дивизий, вооружение армии, организаторские способности начальствующего состава армии» (из приказа народного комиссара обороны СССР, февраль 1942 г.).

В экстремальных условиях войны с хорошо подготовленным противником, обладавшим мощной военно-промышленной базой и значительными людскими ресурсами, социалистическая экономика и централизованная система управления, позволявшие сосредоточить все ресурсы страны на решении первоочередных задач, явились основной материально-технической базой победы. Экономическая мощь страны дала возможность Советскому Союзу произвести вооружения и военной техники в два раза больше и лучшего качества, чем фашистская Германия, располагавшая почти всеми ресурсами Европы.

Победа нашего народа в Великой Отечественной войне — это результат беспримерного мужества, отваги и героизма советских людей на фронте и в тылу. Советские люди выполнили священный долг — защитили свободу и независимость своего Отечества. «Все для фронта! Все для победы!» — таков был девиз рабочих, крестьян и интеллигенции, самоотверженно трудившихся в тяжелейших условиях войны.

Важнейшим слагаемым Победы явилось превосходство полководцев советской военной школы. Всему миру стали известны имена выдающихся советских военачальников, под руководством которых была одержана великая Победа, — Г.К.Жуков, А.М.Василевский, К.К.Рокоссовский и многие другие.

Победа нашего народа в Великой Отечественной войне — это результат беспримерного мужества, отваги и массового героизма советских людей на фронте и в тылу.

**Евгений КЛИМОВИЧ,
полковник в отставке**

Нас, сотрудников Центрального музея внутренних войск, не может не радовать тот факт, что из года в год накануне очередного празднования Победы советского народа в Великой Отечественной войне возрастает интерес посетителей музея к экспозиции, посвященной этому, пожалуй, самому знаменательному событию в истории нашего государства. Однако мы понимаем, что, к большому сожалению, далеко не все наши военнослужащие имеют возможность непосредственно познакомиться с экспонатами музея — свидетелями того героического времени. На сколько возможно, мы постараемся возместить этот пробел предлагаемой публикацией, и небольшими фрагментами показать славный путь внутренних войск от первых дней войны до Парада Победы.

**Самуил ШТУТМАН,
полковник в отставке**

Фото из фондов ЦМ ВВ МВД РФ

Так ковалась Победа

Раздел музея, посвященный Великой Отечественной войне, начинается с материалов о боях на границе. Хорошо известно, что первыми приняли на себя удары фашистских войск пограничные заставы. Но мало кто знает, что бок о бок с пограничниками сражались в этих боях и воины небольших гарнизонов, охранявших мосты и другие железнодорожные сооружения, расположенные на границе или близ нее. Увы, мы мало что знаем о героях этих сражений. Но все же отдельные эпизоды и реликвии тех времен дошли до нас.

На одном из стендов помещена фотография младшего лейтенанта Субышева, начальника гарнизона, охранявшего железнодорожный мост близ города Перемышль. Рядом — фото его жены военфельдшера Надежды с дочерью. С потолка свисает красный флаг. До начала боев он находился над казармой их гарнизона. Когда враг подходил к мосту, Субышев отдал приказ об эвакуации семей военнослужащих. Среди них была и Надежда с двумя годовалыми детьми. Ей же был отдан и снятый с крыши флаг. Молодая женщина передала его своей матери, которая с риском для жизни во время оккупации — она проживала в Сумской области — прятала его у себя в погребе. Медсестрой полевого госпиталя прошла всю войну Надежда Субышева. Младший лейтенант Субышев погиб. Спустя много лет, узнав о существовании музея внутренних войск,

мужественная женщина передала на хранение эту реликвию. Казалось бы, простые экспонаты — флаг и фотографии, а за ними человеческая драма, одна из многих за войну...

Среди защитников Брестской крепости находился и 132-й отдельный батальон войск НКВД. Именно на стене казармы, где он располагался, сохранилась нацарапанная штыком известная фраза: "Я умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина. 20.VII.41г." В экспозиции воспроизведен фрагмент стены с этими словами. Поскольку воин ничего не сообщил о себе, его имя так и осталось неизвестным. Рядом помещена фотография Федора Рябова — одного из бойцов батальона. Рассказывая о его подвиге, о том, что он был навечно зачислен в списки части и посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени, экскурсовод обязательно обращает внимание на большой портрет старой женщины — матери героя — с наградой сына.

Не меньшее впечатление остается у посетителей музея, когда среди фронтовых фотографий они видят ту, на которой запечатлен музыкантский взвод во главе с дирижером интендантом 3 ранга Г.А.Иващенко, и узнают, что он спас два знамени (одно из них висит в зале). А произошло это так. Незадолго до войны полк получил оперативное задание и убыл из Таллина — места своей постоянной дислокации. Обратный путь он уже не смог возвратить — был втянут в

бои. Оставшиеся в городе музыканты и другие подразделения участвовали в обороне Таллина. И когда была объявлена эвакуация, погрузились на пароходы, взявшие курс на Ленинград. На борту находились имущество и два знамени. В пути следования караван судов подвергся налету вражеской авиации. Тогда дирижер обмотал вокруг себя полотнища и бросился с тонущего корабля. Несколько часов пробыл Иващенко в холодной воде Финского залива, пока его не подобрала рыбацкая шхуна.

Настоящим украшением экспозиции является диорама "Бой на острове Зеленый", выполненная художником А.И.Интезаровым и рассказывающая об одном из боевых эпизодов первого этапа войны. 230-й конвойный полк войск НКВД, участвуя в Ростовской оборонительной операции 1941 года, успешно защищал остров Зеленый, а затем, перейдя в составе 347-й стрелковой дивизии 56-й армии в наступление, форсировал по тонкому льду Дон и первым ворвался в Ростов.

Экспонаты музея повествуют и о героическом пути 10-й Сталинградской стрелковой дивизии внутренних войск, которая стойко и самоотверженно защищала волжскую твердыню. Экскурсоводы всегда с гордостью отмечают, что это единственное соединение из всех участвующих в Сталинградской битве, которое за воинскую доблесть и мужество удостоено высшей награды — ордена Ленина. В боях за город на Волге также отличились 91-й полк войск НКВД по охране железных дорог и 73-й бронепоезд, награжденные орденами Красного Знамени, и другие части, сформированные ранее войсками НКВД и переданные Красной Армией: бывшие 8-я и 13-я мотострелковые дивизии, ставшие, соответственно, 52-й и 75-й гвардейскими стрелковыми дивизиями.

На стенде обращает на себя внимание фотография: в центре корреспондент "Красной звезды" Констан-

тин Симонов, рядом с ним два Героя Советского Союза: генералы В.А.Горишний — командир 75-й дивизии, и И.А.Власенко — начальник политотдела той же дивизии.

В боях за Сталинград предвосхитил подвиг Александра Матросова рядовой Алексей Ващенко, закрыв собой амбразуру вражеского дзота. Девять улиц города названы в честь воинов — героев дивизии.

Воины внутренних войск проявили массовый героизм и в битве за Кавказ. Пятеро удостоены звания

Воины 230-го полка ведут бой в Ростове-на-Дону. Ноябрь 1941 года

Личный состав 75-й гвардейской дивизии после освобождения завода "Баррикады" в Сталинграде. На переднем плане командир дивизии полковник В.А.Горишний

Ленинградский фронт: проверка документов. 1942 год

Защитники Тулы. 1942 год

Героя Советского Союза, тысячи награждены орденами и медалями, две части стали Краснознаменными. Внимание посетителей музея привлекает скульптурная композиция, отображающая подвиг сержанта 26-го стрелкового полка Петра Тарана. В представленном на него наградном листе сказано: "В бою за высоту 204,3 3 мая 1943 года он первым во главе отделения ворвался во вражеский окоп, броском гранаты уничтожил ручной пулемет противника и огнем из автомата истребил 18 немецких солдат и одного офицера. В бою за высоту 195,5 первым под сильным пулеметно-минометным огнем достиг проволочных заграждений противника. Не имея инструмента для рез-

ки проволоки, он руками вырвал три кола заграждения и держал вверху в окровавленных руках до тех пор, пока вся рота не прошла под проволокой. Затем, обогнав роту, первым ворвался во вражеские окопы, гранатами уничтожил 7 немецких солдат. 9 мая 1943 года был сражен вражеской пулей в дзоте противника". За этот подвиг сержант Петр Таран удостоен звания Героя Советского Союза и навечно зачислен в списки полка.

Широко в наших войсках было развито снайперское движение. Как видно из экспозиции музея, зародилось оно на Ленинградском фронте в 1-й стрелковой дивизии и начинатели его — снайперы И.Д.Вежливцев и П.И.Голиченков — были удостоены звания Героя Советского Союза.

Много экспонатов музея рассказывают об участии воинов в партизанской борьбе. В первый период войны, когда части попадали во вражеское окружение, они закономерно переходили к партизанским методам ведения боевых действий. Именно в таком положении оказался старший лейтенант Петр Брайко из 4-го полка войск НКВД. Попав под Киевом в окружение, он и его боевые товарищи не сложили оружие, продолжали бороться, атакуя тылы противника. Влившись в партизанский отряд А.С.Ковпака, они действовали смело и решительно. Петр Брайко был назначен командиром партизанского полка, а впоследствии удостоен звания Героя Советского Союза.

Особое место в экспозиции по праву занимают материалы об уникальном соединении — Отдельной мотострелковой бригаде особого назначения, ставшей учебным центром для подготовки и заброски в тыл врага разведывательных и диверсионных отрядов и групп. Именно из этой бригады вышли известные партизанские формирования Героев Советского Союза Дмитрия Медведева, Кирилла Орловского, Михаила Прудникова и многих других. Отряду под командованием К.Лазнюка пришлось

вступить в бой с батальоном противника в деревне Хлуднево Калужской области. У поэта Семена Гудзенко, который служил в этой бригаде, есть стихотворение "Их было двадцать пять" — об этих мужественных бойцах. Почти весь отряд погиб, героически сражаясь с многократно превосходящими силами противника. Командующим войсками Западного фронта генералом армии Г.К. Жуковым от имени Президиума Верховного Совета СССР 22 воина этого отряда посмертно награждены орденом Ленина, а указом Президиума Верховного Совета СССР заместитель комиссара отряда Лазарь Паперник, подорвавший себя гранатой, чтобы не быть захваченным врагом в плен, посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

Отдельный стенд в экспозиции раскрывает тему, которую условно можно назвать "Штык, лира и перо". Это о печати военных лет, солдатском досуге, ансамблях песни и пляски, клубной работе. Войсковые газеты публиковали стихи и очерки служивших тогда поэтов и писателей — Дмитрия Дажина, Ефима Дороша и других. В художественной самодеятельности 66-го полка выступал будущий известный артист и кинорежиссер Сергей Бондарчук...

Когда войска Красной Армии вступили на территорию Прибалтики, в западные районы Белоруссии и Украины, в спину нашим воинам раздались выстрелы. Началась тяжелая, изнурительная борьба с "лесными братьями", оуновцами и другими вооруженными националистическими формированиями. В основном ее пришлось вести войскам НКВД. Этой теме в музее посвящены экспонаты трех витрин, макет схрона.

После завершения известной наступательной операции "Багратион" войсками четырех фронтов была пленена значительная часть живой силы противника. И если в начале войны вермахт планировал захватить Москву и готовился победным маршем войти в нашу столицу, то те-

перь по улицам главного города страны действительно прошли 57600 солдат, офицеров и генералов немецкой армии, но уже в качестве военнопленных в сопровождении войск НКВД.

В этой же части экспозиции рассказывается и о знаменитом Параде Победы, участии в нем внутренних войск, о сформированном особом батальоне, который выполнил знаменательный ритуал, бросив к подножию мавзолея трофейные знамена фашистских войск, а также личный штандарт Гитлера.

... Подходит к концу экскурсия по залам, посвященным участию внутренних войск в Великой Отечественной войне. Многие наши посетители отмечают, что в музее царит культ личности. И это действительно так, ибо в первую очередь мы показываем людей — простых тружеников войны — от рядового до генерала. Мы старались создать своеобразный мемориал, где храним память о воинах, совершивших подвиги, отдавших жизнь, защищая Отечество, — будь то часовой, погибший на посту, солдат или командир соединения, павшие в бою.

Около ста тысяч воинов потеряли наши войска на фронтах Великой Отечественной. Значительная часть из них официально считается пропавшими без вести. В основном это те, кто участвовал в первых сражениях либо, попав в окружение, не смог пробиться к своим. Иногда нам удается установить истину, раскрыть обстоятельства гибели. И тогда издается соответствующий приказ, и в учетно-послужных документах вместо никого не удовлетворяющей формулировки "пропал без вести" появляется запись: "Пал смертью храбрых в бою".

Воины внутренних войск на Параде Победы

Фашистские знамена, брошенные к подножию мавзолея

НАДЕЖНАЯ СВЯЗЬ, МИХАЙЛОВСКАЯ

Лейтенант Е. МИХАЙЛОВ.
1944 г.

9 мая — праздник Победы. Светлый и солнечный в любую погоду. Всенародный праздник. Да позволится мне сегодня признаться в любви к своему командиру, замечательному человеку, фронтовику полковнику в отставке Евгению Михайловичу Михайлову.

Вот уже сорок лет, как мы знакомы, а он бесценно остается для меня главным живым примером во всех делах. Благодарю судьбу за то, что в течение почти двадцати лет моей военной службы она, зачастую извилистая и непредсказуемая, была связана с Евгением Михайловичем.

На редкость увлеченный своим делом человек. Высококвалифицированный специалист. В продолжение всей службы его почитали, уважали все: солдаты, прапорщики, офицеры, служащие. И любили все — за скромность, внимание и заботу о людях.

Сердце человека сродни подсолнуху — всегда к солнцу поворачивается, к теплу. Видимо, это сравнение всегда жило в душе Михайлова.

«Наш командир» — так говорили подчиненные, коротко и емко, как родные говорят «наш отец» или «наш брат». До мозга костей военный человек, фронтовой связист Михайлов познал не только цену ответственности, но и цену войскового братства и товарищества.

Его военная биография началась в многотрудном 41-м. Весной Женя Михайлов успешно окончил среднюю школу в поселке Кольшиново Ленинградской области. Несколько лет он всерьез увлекался радиodelом, электротехникой. 27 июля 1941 года он стал курсантом 3-го Ленинградского военного училища. А уже в январе 1942-го новоиспеченный лейтенант Михайлов был направлен в отдельный батальон связи 149-й стрелковой дивизии на Западный фронт. Там получил должность заместителя командира штабной роты. Штабная рота на передовой — это не служба на паркете, в столице. В марте молодой лейтенант оказался в крутом бою, когда защищал командный пункт своей дивизии от

наседавшего врага. Был ранен. Получил «самую военную» награду — медаль «За отвагу».

Отлежал свое в госпитале под Рязанью, и снова на фронт. Много чего было, пока тернистым путем шел он со своими боевыми друзьями к Победе. Ленинград — Тула — Воронеж — Киев — Краков — Катовице — Прага — таков маршрут, который они проложили не только по военным картам. Связисты Михайлова тянули по этому маршруту связь, которая была нервами армии. Победу встретил в Чехословакии в должности начальника связи 90-го пограничного полка 1-го Украинского фронта. К медали «За отвагу» заслуженно прибавились орден Отечественной войны I степени, две «Красные Звезды», медаль «За боевые заслуги».

Маршал Советского Союза В.И. Чуйков в своих воспоминаниях о войне подчеркнул: «Похоже, все рода войск должны кланяться в пояс связистам — до самой земли. Они придают армии слух и зрение».

Весна 45-го... Начало мира,

продолжение жизни, возвращение к незавершенным добрым делам. Фронтовики, мужественно и стойко выдержавшие суровые испытания войной, с солдатской верностью отдают знания, опыт и силы своему народу, Родине. Кому-то порою кажется, что не всегда она справедлива к верным своим сыновьям, что многим они обделены в повседневной своей жизни, но... Родина у нас одна, и другой нам не нужно. Это их сыновнее кредо.

Евгений Михайлович оставался в боевом строю 40 (!) лет. Порою спрашивали: «Не надоела ли военная служба?» Отвечал: «Нет, жизнь мне не надоела». Носить погоны офицера ему никогда не было в тягость. На службу, на военную свою работу, шел всегда с поющей душой.

В 1961 году он окончил Военную академию связи — молнии в петлицах пронесил всю жизнь. Двенадцать последних лет службы он был командиром уникальной воинской части — специального конструкторского бюро внутренних войск. Все эти годы командир прилагал все силы для того, чтобы создать сплоченный воинский коллектив для разработки и внедрения в службу войск современных инженерно-технических средств. Увлеченный своим делом человек, Евгений Михайлович по-отечески помогал молодым специалистам словом и делом. Многие ветераны нашей части любовно называют Михайлова своим крестным отцом. Он требовал от подчиненных полной самоотдачи в творчестве, в службе. И показывал в этом, как настоящий командир, личный пример.

В заветной папке, которую я

назвал бы «бесценной шкатулкой, полной сердец», хранятся письма солдат, сержантов, офицеров, в разные годы служивших в части. Живые человеческие документы. Многие начинаются со слов «Здравствуйте, дорогой товарищ командир!» Навсегда в памяти останутся мои наставники-командиры. Они по-отечески учили меня уму-разуму, вселяли уверенность в том, что я стану настоящим солдатом. Большое спасибо за нелегкий труд, за хлопоты Фе-

чал. А Людмила была просто самой счастливой девушкой на свете — потому и светилась красотой. Так и идут они по жизни вместе. Уже отметили золотую свадьбу, сейчас на пути к бриллиантовой.

23 февраля, в День защитников Отечества, Людмила Васильевна и Евгений Михайлович — фронтовики-патриоты — выступали перед учащимися школы, где учится их... правнучка Маша.

Полковник в отставке Михайлов — бессменный член совета ветеранов части, десять лет он работал военруком в московском медицинском училище № 21. В родной части, в других подразделениях он со своими однополчанами-ветеранами — не просто частые гости. Им есть о чем рассказать, чему научить молодежь в военной форме. А уж встречи фронтовиков сами по себе являют пример боевого братства.

Как не вспомнить здесь А.Твардовского с его поэмой-песней «Василий Теркин»:

*Обнялись они, мужчины,
Генерал-майор с бойцом.
Генерал с родимым сыном,
А боец — с родным отцом...*

Вот и все, что я хотел рассказать о нашем командире в канун светлого праздника — Дня Победы. Этот день и он приближал, как мог. Низкий вам поклон, товарищ командир! Живите долго со своей ненаглядной Людмилой Васильевной!

Григорий ИВАШКОВ,
полковник в отставке
Фото из семейного
альбома Михайловых

Подполковник Е. МИХАЙЛОВ. 1963 г.

Полковник в отставке Е. МИХАЙЛОВ

дякову И.И., Кольхалову И.П. А самое большое спасибо Михайлову Е.М. за его заботу о нас, солдатах.

Рядовой Н.Большаков».

А теперь о самом сокровенном. Январь 1943 года. Молодой офицер Женя Михайлов — начальник курсов радистов Управления войск НКВД Воронежского фронта. Там он нашел свою «вторую половинку» — курсанта-радистку Людмилу. Видел Женя красивых девушек — на Руси их немало. Но таких еще не встре-

Чей ты, город Грозный?

В течение нескольких лет Борис Немцов выступал с различными миротворческими предложениями по урегулированию обстановки в Чечне. В начале февраля нынешнего года депутат Государственной Думы Б.Немцов внезапно изменил свою точку зрения и выступил с предложением обустройства границы с горной Чечней (за 500 млн. долларов!) и размещения там подразделений российских войск.

Однако чтобы серьезно говорить о проблемах Северного Кавказа, Б.Немцову надо знать его по меньшей мере не хуже Нижнего Новгорода, а чтобы рассуждать о возможности использования в Чечне армии, внутренних и пограничных войск, надо как минимум там послужить самому.

Высказывая свою точку зрения, могу предположить, что проблемы Северного Кавказа, и в частности Чечни, известны мне несколько лучше, поскольку я родился и вырос в Дагестане и вся моя жизнь, как и жизнь моих родных и близких, связана с этим регионом. Да и 40 лет службы в Вооруженных силах позволили мне приобрести необходимый опыт и знания в области применения войск.

В последние годы, когда я приезжаю на родину, многочисленные знакомые встречают меня одними и теми же вопросами: что говорят в Москве? когда кончится беспорядок в стране? накажут ли виновных за развал СССР? когда завершится война в Чечне, которая и нам в Дагестане мешает жить и работать?

Не в моей компетенции отвечать на некоторые из этих вопросов, но на последний из них я постараюсь ответить.

Все меры президента и правительства России политического, экономического и военного ха-

рактера, направленные на нормализацию обстановки в Чечне, объективны и справедливы. Но в них я не вижу глубокого понимания причин затянувшейся войны на территории Чечни.

Предлагаю вспомнить, что как в 90-е годы, так и в настоящее время главным звеном в цепи всех боевых действий в Чечне является захват и удержание под контролем старого русского города Грозного, в недалеком прошлом экономического и культурного центра не только Чечено-Ингушской АССР, но и всего Северного Кавказа.

Возомнившие себя политиками авантюристы Удугов, Масхадов, Басаев и их сподвижники, решая в ходе войны задачи своих зарубежных спонсоров, а заодно и экономические проблемы своих собственных кланов, даже между собой повели борьбу за обладание Грозным, поскольку в этом городе находится основной промышленный потенциал республики и наиболее развита инфраструктура.

Для того чтобы разрубить этот gordiev узел, предлагаю раз и навсегда ответить на возникающие в этой связи вопросы: почему и когда русский город Грозный стал столицей Чечни? и нужно ли ему так долго ею оставаться?

В Энциклопедическом словаре (составитель О.А.Платонов, М.: Энциклопедия русской цивилизации, 2000, стр.192) можно найти справку:

“Город Грозный, русский город на Северном Кавказе, на Чеченской равнине в долине реки Сунжи. Основан в 1818 г. как крепость Грозная по распоряжению генерала Ермолова. В крепости проходили военную службу на Кавказе М.Ю.Лермонтов (1840 г.) и Л.Н.Толстой (1851—54 гг.). К 1870 году крепость, утратив стратегическое назначение, была упразднена и преобразована в г.Грозный Терской области”.

После Октябрьской революции на карте СССР появились названия ранее не существовавших республик, областей и краев, границы и названия которых затем многократно менялись — иногда по политическим, иногда по этническим, но чаще по экономическим соображениям.

В 1957 г. после возвращения из Казахстана чеченцев и ингушей в родные края Грозненская область и часть Ставропольского края решением Президиума Верховного Совета СССР были преобразованы в Чечено-Ингушскую АССР со столицей в Грозном. В

1992 г. ингуши, отделяясь от Чечни в самостоятельную республику, справедливо не стали выдвигать требований на обладание русским городом или частью его, а построили свою собственную столицу в Назрани.

Нынешняя обстановка в Чечне и вокруг нее свидетельствует о том, что назрела острейшая необходимость создания и чеченцами своей собственной столицы, например в Гудермесе, Ведено или Аргуне. А город Грозный следует выделить в самостоятельную административную единицу, какими, например, являются теперь города Москва и Санкт-Петербург в России или города Бремен, Берлин и Гамбург в Германии. В результате такого решения г. Грозный станет самостоятельным субъектом Федерации.

Данное решение законодательного органа страны исправит ошибку послереволюционных новаций, восстановит историческую справедливость, наполнит новым содержанием работу правоохранительных органов и в относительно короткие сроки позволит кардинально разрядить обстановку в городе и в регионе:

1. Террористы потеряют юридическую перспективу в борьбе за город Грозный.

2. Глава администрации Грозного получит самостоятельность, целевое финансирование и возможность сосредоточиться исключительно на решении проблем города и его жителей.

3. Новый федеральный статус города создаст более благоприятные юридические условия для работы правоохранительных органов, привлечения отечественных и зарубежных инвестиций в экономику города, будет способствовать активному возвращению его прежних жителей и скорейшему восстановлению в нем нормальной жизни.

4. Отделение города Грозного облегчит руководству задачу по наведению в республике конституционного порядка.

Возможным оппонентам сразу хочу сказать, что если мы считаем своей целью прекращение кровопролития и улучшение жизни всего населения Чеченской республики и г. Грозного независимо от национальной и религиозной принадлежности, то мое предложение направлено на достижение этой цели не только в настоящее время, но и в далекой перспективе.

Несомненно, прав был известный китайский философ, утверждая, что "по-настоящему ошибается тот, кто не исправляет прошлых ошибок".

Думаю, что с этим высказыванием, как и с моим предложением, согласится каждый образованный или просто здравомыслящий человек, не отягощенный национальными или религиозными предубеждениями.

**Генерал-майор
Герман КИРИЛЕНКО,
доктор военных наук,
профессор**

13 марта 2001 года Новосибирский военный институт внутренних войск МВД России посетил полномочный представитель

Президента Российской Федерации по Сибирскому федеральному округу Леонид Драчевский.

Он познакомился с жизнью и бытом личного состава, учебно-материальной базой, осмотрел экспозиции филиала Центрального музея ВВ МВД России.

В этот же день представитель Президента РФ стал почетным гостем построенного на территории военного института храма Святого Равноапостольного князя Владимира.

В лекционном зале состоялась встреча Леонида Драчевского с командованием и офицерским составом военного института, в ходе которой офицеры задавали различные вопросы, касающиеся перспектив социальной защиты, гарантий и прав военнослужащих.

**Майор
Владимир ОРГОНОВ**

Новосибирский военный институт внутренних войск МВД России

Губернатора Ульяновской области Героя России генерала Владимира Шаманова с внутренними войсками связывают давние добрые отношения. Еще в 1990 году в Нагорном Карабахе он, будучи командиром полка, тесно взаимодействовал с 100-й ДОН и поэтому совсем не случайно после избрания на пост губернатора посетил одну из лучших частей внутренних войск, которая вот уже на протяжении длительного периода удерживает лидирующее положение, добиваясь высоких результатов. Командует частью полковник Александр Мигель.

Губернатор поблагодарил личный состав полка, наиболее отличившимся военнослужащим вручил грамоты — майору Федору Солодовникову, майору Алексею Тихонову, капитану Виталию Смирнову, рядовому Сергею Чернову.

**Подполковник
Олег ДОРОЖКИН**

Приволжский округ внутренних войск МВД России

Екатерина ПОСТНИКОВА

ДО ДЕМБЕЛЯ БЫЛО РУКОЙ ПОДАТЬ...

РАННЯЯ осень в Дагестане очень похожа на лето. Горы, словно заросшие зеленым мхом, еще не побиты осенней желтизной, греет теплое солнце.

Они ехали и молчали, думая каждый о своем. Путь был настолько спокойным, что клонило в сон, и не верилось, что где-то рядом, возможно, идут бои.

— У нас в сентябре уже березы желтые, — заметил Андрей Зайцев, лениво поглядывая на дорогу.

— Где это — “у нас”? — поинтересовался старший сержант Гриневский.

— В Стародубе. И в Мордовии тоже — я там служить начинал.

— А ты где на водителя учился? — Гриневский потянулся.

— Вообще-то я тракторист, — сообщил Андрей с некоторой гордостью и почему-то покраснел. — Кстати, я Дагестан по-другому себе представлял. Думал, тут стреляют круглые сутки... А видишь, как тихо...

Он вспомнил свое последнее письмо домой: “... В пяти километрах от нас бомбили часть, рвались снаряды, а у нас пока тихо...” Впрочем, даже если бы снаряды рвались прямо под окнами, он бы все равно об этом не на-

писал. Тревожить родных не хотелось, тем более что до дембеля оставалось всего три месяца...

Их КамАЗ вез боеприпасы на позиции артиллерийско-зенитного дивизиона — обычный рейс, каких было и предстояло еще немало. Правда, вместе они ехали впервые и не могли пока найти общих тем для разговора.

— Так ты из Мордовии сюда, что ли? — спросил Гриневский.

— Нет. Я потом в Зеленокумске служил, а уже после этого... — Андрею показалось, что впереди, метрах в двадцати от дороги, шевельнулись кусты, и он оборвал фразу на полуслове.

— Что после этого? — старший сержант пока еще ничего не замечал.

— Погоди. Там кто-то есть. Вон там!

Он сбавил скорость, внимательно всматриваясь. Сонливость как рукой сняло. Впереди их кто-то ждал, и он сразу догадался кто. А вслед за этой догадкой вдруг ударили автоматные очереди — сначала одна, потом сразу несколько.

— Жми давай! — крикнул Гриневский, толкая его в плечо. Оба пригнулись, как могли, но выстрелы зачастили, и лобовое стекло мгновенно по-

Андрей ЗАЙЦЕВ родился 9 июня 1979 года в городе Стародуб Брянской области. В 1997 году окончил профессионально-техническое училище по специальности “тракторист”, 11 декабря 1997 года был призван на военную службу во внутренние войска на должность водителя. С 3 сентября 1999 года выполнял служебно-боевые задачи в Республике Дагестан. Погиб в бою 5 сентября 1999 года.

Звание Героя Российской Федерации присвоено 22 декабря 1999 года (посмертно).

крылось белыми цветками трещин. Андрей старался не думать о том, что будет, если пуля попадет в бензобак или — что еще хуже — в ящики с боеприпасами, но мысль упорно возвращалась к этому.

— Нет! — крикнул он, нажимая педаль тормоза. — Не прорвемся!

Несколько бандитов выскочили на шоссе и палили прямо в лоб КамАЗу. Остальные стреляли из придорожных зарослей. Гриневский уже пристроил в разбитом боковом окошке свой автомат и посылал длинные очереди в сторону боевиков, но оба — и водитель, и старший машины — понимали, что тонкие стенки кабины их не защитят.

С левой стороны взбирался ступеньками к небу каменистый склон, там и сям валялись в беспорядке огромные валуны. Когда-то здесь, должно быть, случился обвал. Так или иначе, но лучшего укрытия просто не найти.

— Вылезай! — Андрей дернул Гриневского за рукав. — Давай туда!

Через минуту они уже залегли среди камней. По машине тут же перестали стрелять, весь огонь переключился на них. “Естественно. — Анд-

рей даже усмехнулся. — Это добро им самим нужно”.

Боевиков было много, и они приближались.

НЕОЖИДАННО старший сержант громко вскрикнул и выронил автомат. Андрей сперва даже не понял, что его ранили, ему показалось, что сослуживец вдруг чего-то испугался: в его крике было больше удивления, чем боли.

— Ты что? — Он потряс его за плечо, но Гриневский не реагировал, и только тогда Андрей увидел тонкий ручеек крови, бегущий по каменной крошке. Он попытался перевернуть раненого на спину, но тот оказался неожиданно тяжелым.

— Не трогай... — пробормотал он, — больно...

— Погоди. — Андрей вспомнил про аптечку, оставшуюся в машине. — Я сейчас!

Уже открывая дверь засыпанной битым стеклом кабины, он подумал о том, что КамАЗ, пожалуй, даже послужит ему прикрытием: боевики не станут по нему стрелять.

Когда он вернулся, Гриневский лежал в том же положении и глухо постанывал. О том, чтобы перевязать рану, в тот момент не могло быть и речи. Стрельба не прекращалась, и боевики, чувствуя, что им не сопротивляются, шли в полный рост. Андрею пришлось отложить аптечку и долго отстреливаться, пока снова не появилась возможность заняться раненым. Единственное, что он мог сейчас сделать, это обезболить укол.

— Вот. — Отшвырнув в сторону пустой шприц, Андрей осторожно выглянул из укрытия. — Сейчас полегчает... — Он уже думал о том, как догнать старшего сержанта под сплошным огнем до зияющей в горном склоне глубокой трещины. Там его можно на время оставить в относительной безопасности. — Ты ползти сможешь? За меня держись.

Камни были их друзьями: разбросанные по склону, они преграждали путь пулям, позволяя хоть как-то, пусть медленно, но добраться до убежища. У Андрея оставался один запасной магазин, да еще один — у Гриневского, и его придется забрать, пок

инув товарища практически безоружным. Но это необходимо, потому что старший сержант почти не может стрелять, и его водителю придется взять все на себя.

Два магазина. Негусто, учитывая, сколько чужаков пришли по их души.

ВОТ наконец и спасительная расщелина. Вражеский огонь сразу стих, стоило ребятам скрыться из вида. Кроме них двоих воевать бандитам было не с кем.

— Ты меня подожди... — Андрей Зайцев, казалось, разговаривал сам с собой, потому что Гриневский лежал в каменной норке без сознания, безвольно свесив голову. — Эй! Ты очнись! Очнись!.. Тебе нельзя так. Вот автомат, держи, слышишь! — Он с силой тряхнул его.

Раненый пошевелился, разлепил глаза и слабой рукой взял “калашников”.

— Вот так. — Андрей ободряюще потрепал его по плечу. — Если что, стреляй. Патронов, правда, всего ничего.... Только ты не высывайся. Я пойду. Сейчас не больно?.. Кровь не сильно идет?

— Нет... почти...

— Я тебя скоро перевяжу. Вернусь и перевяжу. Десять минут.

Андрей вылез наружу и быстро, как уж, скользнул под защиту камней. Огонь тут же возобновился. Бандиты отлично видели, что он остался один. Они шли, чтобы расправиться с ним, добить раненого и спокойно забрать машину.

Впервые в нем всколыхнулся ужас. Вон их сколько — что он может против них?.. Но страх парализует, а от него сейчас требуются действия. Иначе не спастись.

Он совершенно оглох от грохота выстрелов и превратился лишь в пару настороженных глаз и послушный придачок к своему автомату. Один пустой магазин полетел на землю. А потом и второй... Патронов больше не было.

Андрей сидел, прислонившись щекой к теплому камню, и с тоской слушал приближающиеся шаги. Бандиты перестали стрелять, как только

поняли, что он безоружен, и теперь шли, чтобы взять его живым. Осталось три гранаты. Но сил, чтобы встать, размахнуться и бросить хотя бы одну из них, уже не было. От долгой стрельбы дрожали руки...

Почти спокойно, все еще прислушиваясь к чужим шагам, он оторвал полоску ткани от пропитанного пылью камуфляжа и прочно соединил ею запалы гранат.

Уже близко. Доносится их нервное дыхание, какие-то негромкие слова.

Андрей крепко ухватился за самодельную петлю. Пусть подойдут поближе.

Он дернул, как только на него упала первая тень, и начал считать: “Один...”. Вот они. Их осталось меньше, чем он думал. “Два... три...”. Окружили и смотрят сверху вниз. Ну, сейчас...

“Четыре”.

ОГЛУШИТЕЛЬНЫЙ взрыв всколыхнул воздух, и в тесную щель посыпались острые камешки и песок. Стало очень тихо, только запоздало ответило эхо вдалеке.

Старший сержант Гриневский прислушался. Он почему-то сразу понял, что произошло, и почувствовал себя невыносимо одиноким.

— Андрюха... — пробормотал он и потерял сознание.

Очнулся он уже в полевом госпитале: подоспели свои и вытащили его из укрытия. Об Андрее Зайцеве сказали только, не вдаваясь в подробности, что он погиб, уничтожив и ранив более десяти боевиков. Впрочем, Гриневский все знал и так.

НА КРАСНОМ кладбище города Стародуба среди лип и берез стоит скромный памятник — последняя память о рядовом Андрее Зайцеве. Он и другие такие же мальчишки, погибшие на жестокой, бессмысленной войне, — это не только герои России, это — ее боль, ее вечная память.

Алексей ИВАНОВ

Фото Василия ПАНЧЕНКОВА

Вершина горы, окутанная плотным, слоистым туманом, едва просматривалась на фоне мерцающих в просветах облаков звезд. Лейтенант Сергей Семин*, командир взвода разведроты из оперативной бригады внутренних войск, затаившись за скалой, напряженно всматривался в окрестности. Высота господствовала над местностью, обеспечивала удобный, дальний обзор для тех, кто владел хотя бы временно такой ключевой позицией.

Не случайно ваххабиты облюбовали ее и так упорно рвались на высоту, надеясь закрепиться и совершать отсюда бандитские вылазки в населенные пункты, чтобы держать в страхе и безропотном повиновении округу. Старший начальник, лаконично объясняя суть предстоящей задачи молодому офицеру, подчеркнул:

* Фамилия изменена

— Очень важно для всей операции упредить "духов", не дать им возможности закрепиться, свить здесь разбойничье гнездо...

Уточняя обстановку по карте, лейтенант обратил внимание на то, что склон горы с одной стороны закрыт зарослями кустарника и леса. С другой, более крутой, хорошо просматривается из-за пролысин песчаников. Следовательно, надежнее путь держать именно по краю опушки, тщательно соблюдая максимальную звуковую и зрительную маскировку. Союзники — ночь и ветер. Его завывающий шум скрывает посторонние звуки.

Кроме того, Семин вердо верил в своих орлов, которых настойчиво и терпеливо обучал в любой обстановке, не теряя темпа ходьбы по склонам, двигаться бесшумно, словно призраки. Сейчас они привычно несли груз оружия и снаряжения. Выносливостью гордились в подразделении не только старослужащие, но и первогодки.

Рассвет едва забрезжил, когда лейтенант подал условный сигнал: "Внимание!" Впереди послышались голоса, "черные волки", по-видимому, не предполагали близость крутого поворота в их судьбе. Все пятеро вели себя беспечно, Трое, увешанные оружием, ходили по площадке возле ретранслятора. Стражам не удалось даже разглядеть молниеносный бросок разведчиков. Три бандита остались лежать, сраженные меткими очередями, двое кубарем скатились в чашу кустарника.

Упреждающий удар по выгодной позиций лишил "псов войны" возможности продолжать преступную работу: терроризировать население окрестных сел, корректировать огонь еще сохранившейся артиллерии, собирать сюда заливать раны остатки бандитских формирований. Закономерный финал.

В современной контртеррори-

стической борьбе трудно переоценить огромное значение фактора времени. Часы, минуты, секунды. Только заранее основательно продуманный строгий их учет, точное распределение, рациональное использование дает возможность начальнику, командиру, подчиненным им частям, подразделениям внутренних войск наносить прицельные, губительные удары по ваххабитам, скрывающимся в лесах и горах.

Отсюда вытекает непреложное правило военного искусства, сформулированное еще великим полководцем А.В. Суворовым: "Быстрота, глазомер, натиск". Это вполне естественно. Ведь поиск, обнаружение, полное уничтожение "духов" происходят в обстановке всевозрастающей динамичности, с частыми переходами от одних способов и форм решения задач к другим, более эффективным.

Подобная грамматика боевых действий опирается на огромный и плодотворный опыт военной истории России. Особенно в период ее утверждения на Кавказе. Примеров тому немало. Сошлемся на взятие аула Гуниб 25 августа 1859 года. Тогда Шамиль тешил себя надеждой: русским моя цитадель не по зубам. Как будто на военном совете с мюридами все учел. Кроме одного — стремительности и скрытности ошеломляющих действий горных егерей.

Отвлекающий маневр осаждающих ввел имама в заблуждение: мятежники сосредоточились на одной стороне валов. Решающий удар последовал с тыла. Штурм завершился пленением Шамиля, который долго не мог забыть свой промах.

Да, "Противнику не скажешь: "Подожди", — гласит народная мудрость. Враг, особенно такой, как террористические банды в нынешней Чечне, всегда будет стремиться нанести удары в са-

мый неожиданный момент, в наиболее уязвимое место. Упредить его можно только постоянной готовностью к опережающим по темпу и точности действиям. Это убедительно подтверждается фронтовым опытом, практикой обучения и воспитания личного состава внутренних войск.

Кладезем опыта побеждать не числом, а умением была и остается Великая Отечественная война. В летопись ее славы золотыми строками вписаны подвиги офицеров, сержантов, солдат частей и подразделений внутренних войск. Их готовность к самопожертвованию ради того, чтобы разгромить врага, не раз восхищала наш народ, давала пример патриотического служения Родине.

Осенью 1942 года тяжелые бои на Северном Кавказе не утихали ни днем ни ночью. Фашисты упорно сопротивлялись. Здесь была создана глубокоэшелонированная оборона: сплошные минные поля, густые сети проволочных заграждений, хитроумные ловушки-ямы для танков.

Каждая пядь земли простреливалась перекрестным огнем пулеметов, огнеметов из бетонированных укреплений. 9 ноября рота автоматчиков получила приказ уничтожить вражеские дзоты, прикрывающие подступы к Гизели. Для выполнения задачи была выделена группа бойцов. Неожиданно путь отступающим преградил тщательно замаскированный дзот. Бойцы залегли. Несколько красноармейцев, посланных командиром, чтобы уничтожить дзот, погибли. Вперед пополз младший сержант Петр Барбашев. Приблизившись к амбразуре, швырнул в нее две гранаты. Казалось, фашистским пулеметчикам конец. Но как только наши воины поднялись в атаку, из полуразрушенного дзота вновь застрочил пулемет. Барбашев рванулся вперед и закрыл своим те-

лом амбразуру. Пулемет захлебнулся, грянуло мощное "ура!"

Младшему сержанту Петру Барбашеву посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Эстафета доблести продолжена в буднях контртеррористической борьбы в Кадарской зоне Дагестана. Личный состав калачевской бригады внутренних войск гордится подвигом разведчика рядового Дмитрия Перминова. В ходе операции по уничтожению ваххабитов его подразделение попало в окружение, "духи" яростно наседали. В окоп, где находился Дмитрий, попала граната. Не колеблясь ни секунды, разведчик схватил "эфку", замахнулся для броски... Но взрыв прогремел слишком рано, рядовой Перминов получил тяжелые ранения. Проявив самопожертвование, он ценой своего здоровья спас боевых друзей. За этот подвиг рядовой Перминов Дмитрий Сергеевич удостоен звания Героя Российской Федерации.

"За други своя". Давняя нестареющая формула нашего служения Отечеству. Гранитное основание доблести в огне сражений и ратных буднях, в учебе и службе, где всегда есть место для проявления смелости, мастерства, благородства.

Время быстротечно. Весомы перемены, происшедшие за последние десятилетия во внутренних войсках России. Прежде всего хочется обратить внимание на возросшее значение фактора времени для достижения успеха в службе и учебе, для победы над хитрым, изворотливым, коварным противником — "черными" и другими "волками". В контртеррористической борьбе, происходящей ныне в Чечне, исход противоборства решают не сутки и часы, а минуты и даже секунды.

Подобная особенность, в свою очередь, предъявляет исключительно жесткие требования к интеллекту, воле, организаторским и

другим качествам командиров всех степеней, особенно подразделений, несущих службу на Кавказе. Они, как свидетельствует пример, приведенный в начале статьи, должны обладать почти мгновенной реакцией на возможные изменения обстановки, умением быстро принять обоснованное, грамотное решение, без промедления довести задачу до подчиненных, исполнителей и с неколебимым упорством добиться ее безусловного выполнения с наименьшими потерями в сжатый срок.

Вот почему ныне, как никогда раньше, должно обеспечиваться органическое единство четкости, организованности управления и рационального использования времени, необходимого на замысел контртеррористических операций и его осуществление. Остановимся на формировании упомянутых ценных качеств.

Умение командиров всех степеней ценить и организовывать служебное время, рационально использовать его не рождается по мановению волшебной палочки. Оно развивается и совершенствуется в процессе многогранной воспитательной работы, в ходе решения разнообразных задач на тактических учениях, стрельбах, на специальных тренировках, а также самостоятельных занятиях. Начинается формирование этого качества с повседневного учета времени, когда офицер, прапорщик, сержант учится точно оценивать, сколько часов, минут у него имеется для решения той или иной задачи, осуществления планов обучения и воспитания личного состава на день, неделю и т.д.

Простая истина. Ее плодотворность убедительно подтверждается опытом передовых частей и подразделений внутренних войск. Высокие показатели рождаются там, где постоянно обеспечивается полное ис-

пользование учебного времени по назначению, неуклонно соблюдаются распорядок дня, расписание занятий, строго выполняются требования присяги, уставов.

Это закономерно. Ведь именно организованность позволяет, во-первых, разумно расходовать имеющиеся в распоряжении начальника дни и часы, во-вторых, исправно, без расхолаживающих людей пауз развивать и совершенствовать чувство времени у командиров всех степеней, у личного состава, у каждого солдата. Одновременно непримиримо выкорчевывать еще имеющиеся элементы разболтанности, неповоротливости, безответственности.

В подразделениях и частях внутренних войск накоплен определенный поучительный опыт. Пример, достойный подражания, показывает своим подчиненным офицер Михаил Солодовников. На прошедших стрельбах его подразделение выполнило сложную задачу не только с большим искусством, но и в очень сжатые сроки, значительно перекрыв установленные нормативы. Командир, личный состав проявили настоящее мастерство, метко поражая из любых положений подвижные, появляющиеся и другие цели.

Старший начальник отметил, что для таких воинов не существует понятия "дефицит времени". Давайте вместе вникнем в естественный вопрос: почему?

Во-первых, в подразделении достигнута полная взаимозаменяемость. Каждый воин владеет двумя-тремя специальностями. Следовательно, способен не только сработать за товарища, помочь ему, но и действовать гораздо быстрее тех, кто знает лишь свою специальность. Во-вторых, и это следует подчеркнуть, солдаты, сержанты выпол-

няют свои обязанности на самой большой скорости. У них навыки боевой работы доведены до автоматизма. В-третьих, в коллективе любая задача осуществляется в высоком духе состязательности. Кто раньше, кто лучше!

Тон здесь задает командир. Огневые задачи он отлично выполняет из любого штатного оружия. В ходе тактических учений всегда принимает грамотные решения, быстро доводит их до исполнителей, контролирует выполнение отданных распоряжений. Ни одной запинки, ни одного лишнего слова!

Поучительным в почерке передового офицера, как и многих других лучших командиров подразделений, частей внутренних войск, является то, что он обычно действует по уплотненному режиму, совмещая получение задачи с ее уяснением и расчетом минут, секунд, необходимых для ее решения. При этом максимально сокращает период подготовки исходных данных, таким образом организует труд, чтобы экономно использовать время для себя, предоставляя его большую часть непосредственным исполнителям.

В упомянутом подразделении проводится многоплановая работа по воспитанию у личного состава бережного отношения к учебному времени, умения ценить его самые малые величины. Придается важное значение и развитию психологической устойчивости. Известно, что слабо подготовленные в данном отношении воины теряются в сложной обстановке контртеррористической борьбы. У них замедляется координация движений, притупливается внимание, снижается сообразительность.

Устранение подобных минусов зависит от мастерства обучающих командиров. Вот почему необходимо уделять постоянное

внимание совершенствованию педагогической, психологической квалификации офицеров, особенно молодых. С ними целесообразно организовывать регулярные тренировки, учить хронометрировать действия своих подчиненных, устраивать состязания по задачам и нормативам, выявлять наиболее способных к быстрой работе воинов, изучать их приемы и передавать всему личному составу.

Теперь сделаем короткие выводы. Чувство времени — драгоценная черта офицера, прапорщика, сержанта, солдата. Оно развивается и совершенствуется в ходе учебы, службы, всей жизни личного состава подразделений, частей. Беречь дорогие часы, минуты, секунды может и должен каждый воин. Это достигается, во-первых, ликвидацией потерь времени, обусловленных недисциплинированностью, невысокой квалификацией отдельных военнослужащих; во-вторых, уплотнением учебного процесса — внедрением передового опыта, новых методов обучения и наиболее рациональных действий. Наконец, в-третьих, совмещением, одновременным (там, где это возможно) исполнением различных операций.

Полная эффективность такой работы достигается тогда, когда она ведется на всех уровнях, со всеми категориями военнослужащих.

В заключение подчеркнем: тот, кто научился беречь время в мирных буднях, овладел навыками быстрого действия, сумеет упредить хитрого, коварного врага в бою, непременно добьется победы и в контртеррористической борьбе в сложных условиях лесов и гор.

Война жестока, бывает, после нее о человеке остается лишь одна строчка — пропал без вести. Были такие и в первую чеченскую войну, есть и сегодня. Пропавшие без вести есть и в частях Министерства обороны, у пограничников, милиции, во внутренних войсках. А ведь у каждого из пропавших родные и друзья.

Поэтому мы не могли пройти мимо случая, произошедшего в Сочи.

Несколько месяцев назад на одной из улиц к постовому милиционеру подошел крепкий черноволосый парень и знакомым показал, что ему нужна помощь. Он не мог говорить и ничего не слышал.

УЗНАЙТЕ МЕНЯ!

В сочинском психоневрологическом диспансере парню вернули речь, восстановился слух, но он до сих пор не помнит ничего из своей жизни. Себя самого он называет то Леонидом, то Алексеем. Лишь отдельные обрывки прошлого изредка проявляются в сознании: корабль, палуба, камбуз... зеленая легковушка отца. А еще: зиндан, Чечня и Дагестан, какие-то Абу и Али, много работы. Еще он смутно помнит, как бежал, попал на охранника, забрал его еду и вещи... А потом снова провал.

Впервые в диспансере, взяв в руки карандаш, парень нарисовал автомат. Каждое утро он начинает с физических упражнений. Тренируется до седьмого пота, демонстрирует профессиональные приемы восточных единоборств. Помнит слова "кимоно" и "ринг". Контактен с больными, помогает врачам и медсестрам, убирается в палате.

Никому из врачей, журналистов, местного ОВД не удалось установить, откуда он родом, где жил раньше. Можно лишь предполагать, что Леонид-Алексей служил в одной из частей на Северном Кавказе, попал в плен, затем бежал. Призван он был, по-видимому, из какого-то маленького городка России, поскольку никогда столько машин и больших домов не видел.

По мнению врачей, потеря им памяти связана с черепно-мозговой травмой. Это подтверждают и результаты обследования. Он и сам говорит, что в плену его ударили прикладом по голове. А лучший шанс восстановить память — это встреча с родными. Когда он попадет домой, увидит мать, девушку, с которой дружил, дом, его мозг получит мощный импульс, и память наверняка вернется.

Вот только где этот дом?

Может, кто-нибудь из наших читателей служил вместе с ним, узнает его по фотографии, видел раньше?

Напишите тогда по адресу: 353003, Сочи, улица Дагомыская, 23. Городской психоневрологический диспансер.
Телефон (8-862-2) 91-5-01.

Раф САЙГАНОВ

Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА

Трагические страницы в биографии софринской бригады появились десять лет назад. 7 апреля в Нагорном Карабахе, прикрывая отход подчиненных и мирных жителей, погиб лейтенант Олег Бабак. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Четыре года спустя, в этот роковой день, в бою под Самашками бригада потеряла еще 10 своих бойцов. И, к сожалению, с каждым годом скорбный список становится все длиннее. На холодном граните памятника, установленного в бригаде, высечены имена погибших военнослужащих — их восемьдесят. Пока жива память, живы все те, кто не вернулся из боя...

вает на людей. В такие наши совместные выходы на передний край, как правило предрассветные, не раз доводилось говорить и о личном, о мирной довоенной жизни, о наших родных местах. Тут я немало услышал о Перми и об Урале, о поселке Добрянка, в котором жила жена Карпова — Татьяна Николаевна. Всплывала общая для всех мечта о том, как победим фашистов и вер-

Дмитрий ДАЖИН,
полковник в отставке

На земле князя Игоря

Я РАССКАЖУ о человеке, фронтовая судьба которого оставила в моей памяти светлый и добрый след. Александр Васильевич Карпов был офицером-политработником, любимцем бойцов, храбрым и отзывчивым человеком, всегда верным фронтовому братству. Его офицерское звание — капитан, до армии он учительствовал, потом служил во внутренних войсках в 170-м полку НКВД в городе Перми. Боевое крещение получил на Халхин-Голе в 1939 году и был награжден медалью «За отвагу». А в 1943 году после Курской битвы его доблесть и мужество были отмечены орденом Красной Звезды.

Мы познакомились и подружились в конце 1942 года, когда готовились к отправке на фронт соединения 70-й армии НКВД, в том числе и наша Сибирская стрелковая дивизия (впоследствии 140-я Сибирская, Новгород-Северская). Однако дружба наша особенно окрепла на фронте, в боевой обстановке. Мне часто приходилось бывать с ним в полках и батальонах, наблюдать за тем, как капитан общается с бойцами, какое влияние он оказы-

вается в родные края. А что победим, Карпов был убежден и эту свою убежденность, эту великую веру пробуждал в каждом, с кем встречался.

Он не любил ни лозунговых фраз, ни политических прописей. Он держался главного для себя правила — понять настроение человека, затронуть словом его душу, ободрить личным примером.

Что сблизило нас, потянуло друг к другу? Очевидно, в первую очередь какая-то общность судеб и общность характеров. Хотя он был на пять лет старше меня, да и опытнее в военном отношении, однако начинали мы оба (хотя и в разных местах) с учительства, и наш, пусть небольшой, но ценный педагогический опыт пригодился и в армейские дни. Сказался он и на наших взаимоотношениях. И еще роднила нас увлеченность классической русской литературой и русской историей. Сколько было переговорено на эти темы в короткие моменты затишья, в те дни, когда дивизию выводили во второй эшелон и когда Карпов заглядывал к нам в нашу редакционную избу или землянку!

Разнились мы только в том, что он был политработник-профессионал, а я военный журналист, газетчик. Он увлекал словом и личным примером, чему я не раз был свидетелем. А я боевые подвиги воинов осмысливал и облакал в доходчивые репортажные строки. Карпов, захватывая в дивизионку, корреспонденций не писал, зато много рассказывал, приводил такие впечатляющие факты, что мы сразу же старались сообщить о них в очередном номере. Единственно, чего Карпов не хотел, так это подписывать эти сообщения своей фамилией, и мы вынуждены были ставить под ними: «Наш корр.».

После Курской битвы, после нашего выхода в район Севска, Серединой-Буды и Приднестровья, по мере приближения в сентябре 1943 года к Новгород-Северскому у нас с Карповым все чаще возникали разговоры о том, по какой древней земле доводится продвигаться с боями нашим воинам.

— Здесь что ни город — история, — говорил Карпов, — Севск, Трубчевск, а не так уж далеко и сам Путивль, Новгород-Северский.

И тут Александр Васильевич достал тетрадку, где у него были записаны отрывки из знаменитого «Слова о полку Игореве».

— Знаешь, Дмитрий, в Новосибирске на сборах пропагандистов нам то ли профессор, то ли местный литератор читал «Слово», растолковывая, как его понимать надо. Там же у одного политрука я даже брошюрку видел с отрывками из этого произведения. Увлёкся и кое-что для памяти выписал. Полагаю, пригодится. Мы ж на эту землю Игореву пришли. Тут собирал князь свою дружину, снаряжал ее в большой поход, верил, что «трубы затрубят в Новгороде, стяги заметнутся в Путивле...»

В скором времени я сам убедился, как пригодились Карпову заповедные слова древней поэмы. В решающую ночь перед переправой через Десну и штурмом полками А.С.Митина и И.А.Гусева Новгород-Северского судьба свела меня и капитана Карпова в одном из батальонов 258-го полка с группой воинов, которым выпало первыми обосноваться на противоположном берегу Десны. В группу входили разведчики и опытные пловцы, которых готовил к броску известный спортсмен, чемпион страны по прыжкам в воду лейтенант Георгий Мазуров.

Стояли прохладные сентябрьские сумерки, чуть покрывал дождь, пойма Десны была затянута туманной дымкой. Еле-еле виднелся сквозь кустарник и соснячок высокий берег, в укреплениях которого притаился враг. Изредка вспыхивали осветительные ракеты. При этих вспышках, словно шлемы сказочных богатырей, вырисовывались стога.

Все было готово к переправе. Дето в стороне велся отвлекающий огонь. Время тянулось медленно, и бойцам (это чувствовалось по всему) хотелось отвлечься от мыслей о предстоящей жестокой схватке. Вот тут-то и пришлось кстати задушевное слово Александра Карпова.

— А вы знаете, друзья, что мы с вами находимся рядом с городом, в котором в Древней Руси собирал свою дружину князь Игорь для похода против половцев — заклятых врагов земли русской? И поход этот, и сам князь, и его судьба описаны в древней нашей книге — в «Слове о полку Игореве». Может, есть кто из вас, кто слышал о ней?

— Как же, товарищ капитан, — заметил один разведчик, — в школе нам об этом рассказывали. Отважная дружина была у князя Игоря!

Лейтенант Мазуров даже попытался что-то припомнить из поэмы:

— Там что-то было интересно сказано про курян...

— Верно, лейтенант... Я вам сейчас напомяну, будто про нас сказано. — И Александр Васильевич медленно, чуть нараспев продекламировал:

*А мои ведь куряне
Бывалые воины:
Под трубами повшты,
Под шеломами взлеляны,
Пути им ведомы,
Овраги им знаемы,
Луки у них натянуты,
Колчаны отворены,
Сабли изострены,
Сами скачут,
Словно серые волки в поле,
Ищущи себе чести,
А князю славы...*

ПОЭТИЧЕСКИЕ строки эти западали в душу. Особенно понравились солдатам слова «Под шеломами взлеляны»... Каждый думал о бое, готовил себя к предстоящему нелегкому испытанию. И срок настал — время «Ч».

Загрохотали орудия. Взвились, шипя и разбрасывая искры, ракеты. В разных местах велась артподготовка, отвлекающая немцев от нашей переправы. И вот пошли от островка к островку разведчики на лодках, поплыли опытные, натренированные пловцы во главе с Мазуровым. На всевозможных лодках и понтонах двинулась пехота. С бере-

га пришло первое донесение: «Плацидарм захвачен. Идет бой».

Капитан Карпов был уже на том берегу. Я же переправлялся вместе с артполком и службами тыла. Надо было спешить с выпуском очередной газеты.

Первыми вступили в Новгород-Северский полки А.С.Митина и И.А.Гусева. Войска шли южнее Чулатова и Камня. Один из батальонов полка Митина ворвался в город со стороны вокзала, который полыхал в огне. Это было утром 16 сентября 1943 года. А вскоре радио принесло весть, что нашей 140-й Сибирской дивизии присвоено еще и название «Новгород-Северская».

Мы мало побыли в этом замечательном и красивом городе, расположенном на холмах над чудесной Десной.

На улицах его я случайно встретил среди бойцов усталого, в запыленной шинели и покрытых пылью сапогах Александра Карпова.

— А куряне наши, — сказал он весело, — не подвели. Теперь и они в историю войдут — новгород-северцы!

Войска, отметив победу, почти без передышки двинулись преследовать врага. Теперь уже по направлению к селу Кирово. Операция продолжалась.

С той поры я редко встречался с Карповым. Он большую часть времени проводил в головных полках. Подошел ноябрь с холодными ветрами, заморозками, то снегом, то дождем. И вдруг тяжелая весть в боевом походе, уже на территории Белоруссии, подорвались на mine сотрудник нашей редакции Николай Зачесов и капитан Александр Карпов. Погибли, не дойдя до Победы.

Терять товарищей всегда тяжело. Я достал из полевой сумки фотокарточку, которую подарил мне Александр Васильевич после Курской битвы. На ней надпись: «Дмитрию Павловичу: помни дни большой войны и большого похода. А заодно и Сашку Карпова. 1943 г.». И еще

вспомнились слова одного из однополчан — Матвея Лисичника, знавшего Карпова еще по службе в Перми: «Это был человек большой души».

Я попытался написать

стихи. По счастью, они сохранились, помеченные ноябрем сорок третьего, и, может, представят интерес для воинов, пришедших на смену нашему фронтовому поколению.

Когда теряешь друга

Памяти А.В.Карпова

Осенних дней нахмуренные мысли,
Скользко по ним,
как бы по кромке льда,
Отяжелели и к земле провисли
Под снегом и дождями провода.
Гудят столбы,
а кажется, что стонут,
На сапогах намокшая листва...
С кем говорить? Узавлены уроном,
Душевной болью грустные слова.
Нет, не усталость
в этом виновата,
Не снег с дождем
моей таске виной —
Скорбит душа, ее томит утрата:
Вчера в бою погиб товарищ мой.
Ну почему таилась эта мина,
Под палой порыжевшей листвой?
И почему не прошагал он мимо,
А на нее вдруг наступил ногой?
О, это поле! Это злое поле
И рожица, омытая дождем...
Он знал войну еще на Халхин-Голе,
Не раз бывал в атаках под онем.
А на Десне совсем еще недавно
О детях, о жене мне говорил.
Теперь она,
как в прошлом Ярославна,
Онем взрыдает...
Белый свет не мил.
Жене солдата горя не оплакать,
До дней последних не придет покой.
Что утешать?
Судьба бывает всякой,
И только память
властна над судьбой.
Груз боли, он воистину огромен,
Храм памяти на правой крови.
И только долг велит:
живи и помни!
Диктует сердце: помни и живи!

Благодарительная акция в госпитале

Убедиться в том, какой должна быть настоящая мебель, можно теперь, побывав в Главном военном клиническом госпитале внутренних войск, где не так давно одно из крупнейших предприятий России ОАО «Северсталь» провело благотворительную акцию — полностью оборудовало одну из палат госпиталя своей продукцией. А это медицинские кровати, столы, вешалки, ортопедические матрасы и многое другое.

Мебель эта современная и прежде всего удобная для раненых и больных, а еще и красивая и эстетичная. Доволен ею и обслуживающий персонал. В этом смогло убедиться руководство «Северстали».

Начальник мебельного производства «Северстали» Юрий Соловьев и директор московского представительства Борис Вишневецкий встретились с начальником госпиталя генерал-майором медицинской службы Сергеем Чадковым и, конечно, посетили палаты, где лежат раненые. Ну а тем, понятно, приятно было получить подарки — фрукты, соки, печенье, которые станут хорошим дополнением к казенному питанию.

Во время визита представители ОАО «Северсталь» и госпиталя договорились о дальнейшем сотрудничестве.

Подполковник
Андрей МАКАРОВ

Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА

Вадим РУССКИХ

Эти стихи, присланные нам ветераном внутренних войск, инвалидом войны, незамысловаты. Но они написаны искренне, и это не может не трогать.

В 1943 году после окончания медицинского института Вадима Валентиновича Русских призвали в армию. Ему выпало служить военврачом в 51-м полку войск НКВД, охранявшем железнодорожные сооружения. Уволился после войны по болезни, долгие годы работал врачом в Москве. В феврале нынешнего года он отпраздновал свое восьмидесятилетие.

БЕЖАЛ ПОСЛЕДНИЙ НЕМЕЦ...

ТВЕРЬ

Бежал последний немец.
Вот перед нами Тверь.
Разбитые коробки
Стоят одни теперь.

Засыпанные хламом,
Идут проспекты вдаль.
Еще недавно немцы
Горланили здесь "хайль!"

Идем. В одном домишке,
Мы видим, кто-то есть.
Стучим. В дверях старушка,
Ребенок. Просят есть.

Тотчас же отдаем им
Солдатский свой паек —
Кирпич ржаного хлеба
Да сахара кусок.

Как тянутся ручонки
(Мне это не забыть!)
Голодного мальчонки.
Теперь он будет жить.

Настала ночь. Не спится
Мне что-то до утра.
Верчусь под полушубком.
Рассвет. Вставать пора.

Бежал последний немец.
А перед этим сжег
Красивый древнерусский
Губернский городок.

НАЧАЛО ИЮЛЯ

Кончились белые ночи.
Где оно, счастье мое?
Только на память платочек
Я получил от нее.

С карточкой, словно святыню,
Спрячу в планшетку мою.
Жизнь сберегут мне отныне
Те талисманы в бою.

Если же буду я ранен
Вражеской пулею злой,
Рану платком перетянет
Друг мой — сосед боевой.

Дорог мне милой платочек
С тонкою синей каймой.
Помнит он белые ночи,
Что проводила со мной.

ПОДРУЖКА

Надев мундир и портупею,
Прощался юный лейтенант
С подружкой милою своею,
Вернуться думая назад.

А вот подружка изменила.
А он все карточку хранил,
И с ним в Берлин она вступила,
И с ней рейхстаг он покорил.

Хотя из вражеского стана
Его осколок не задел,
Зато в груди иную рану
Носил в удаче и беде...

В ТУМАНЕ ИСЧЕЗ ЭШЕЛОН

Играет оркестр
на перроне вокзала
Для них или, может, для нас.
Мы помним —
Россия вчера провожала
Солдат на мятежный Кавказ.
Повзводно в вагоны садятся
ребята,
И каждому полка дана.
Взволнованны.
Вроде слегка шумноваты.
Идет на Кавказе война.

Толпа у вагонов.
И слезы сверкают
На лицах отцов, матерей.
Ведь, может, сегодня
они провожают
На смерть дорогих сыновей.

Как выстрел, захлопнулись
двери со стуком
Назад отшатнулся перрон.
Умолкли оркестра прощальные
звуки.
В тумане исчез эшелон.

В декабрьском номере нашего журнала за прошлый год была опубликована сокращенная стенограмма “круглого стола”, состоявшегося в московском “Библио-Глобусе”. В разговоре на тему “Чечня: трагедия и подвиг” принимал участие известный публицист, критик Лев Аннинский. В журнале “Родина” (№ 4, 2001г.) опубликована его статья “Одиночество волка”, отправной точкой для которой послужило обсуждение книг А.Куликова и С.Лембика “Чеченский узел” и Б.Карпова “ВВ: кавказский крест” (с иллюстрациями О. Смирнова) и “ВВ: кавказский крест-2”.

С согласия автора и редакции журнала “Родина”, учредители которого — Правительство Российской Федерации и Администрация Президента России, мы решили перепечатать статью по ряду причин. Во-первых, мнение авторитетного в литературных и научных кругах специалиста, думается, с интересом узнают наши читатели. Во-вторых, после обилия “горячей” информации, репортажей, зарисовок с нынешней кавказской войны, которые в достатке присутствуют в каждом номере войскового журнала, нелишними и полезными будут глубокие размышления, содержащие анализ происходящего на российском Кавказе, а то и прогнозы развития там сложной ситуации.

Если разговор по наболевшим проблемам продолжат военные, политики, историки и просто читатели, вне зависимости от их профессии и убеждений, редакция будет только рада, ведь тема Кавказа сегодня волнует практически всех.

Одиночество волка

Говорят, что отношение к чеченской войне (к "первой чеченской войне") надломилось у нас после того, как появился фотоснимок: какой-то непрофессионал щелкнул "мыльницей" ребят, мобилизованных в Чечню, и вместо плакатно-победоносных воинов все увидели растерянных мальчиков.

Не знаю, кто был тот фотолюбитель, но снимок знаменитого профессионала Олега Смирнова, поехавшего в Чечню военным корреспондентом, недаром встал на обложку книги "Кавказский крест", написанной Борисом Карповым: мальчик уперся большой каской в стальное перекрытие БТРа (или танка?), круглый люк кажется нимбом... а выражение лица! Этот немой вопрос в глазах и подавленный усилием воли детский страх...

Чеченский снайпер помешал Олегу Смирнову продолжить фотосъемку на фронте, поэтому второй том своей журналистской эпопеи — "Кавказский крест-2" — Борис Карпов иллюстрировал работами других фотокоров. Точное название дилогии — "ВВ: кавказский крест"; ВВ — внутренние войска, в составе которых полковник Карпов и колесил по чеченскому бездорожью.

В унисон двухтомнику вышла недавно "Хроника вооруженного конфликта 1994-1996 годов" — "Чеченский узел"; эту книгу составил в соавторстве с полковником Генштаба Сергеем Лембиком генерал армии Анатолий Куликов, командовавший Объединенной группировкой федеральных войск в Чечне в том самом 1995 году.

Все вместе эти книги

Лев АННИНСКИЙ,
обозреватель
журнала "Родина"

представляют собой, наверное, самое полное собрание сведений о Кавказской войне XX века. "Снизу" — журналистские очерки, интервью, зарисовки, записные книжки, дневники, песни и стихи солдат; "сверху" — оперативные сводки, дислокации, приказы, донесения, телефонограммы... Клад для будущего историка. А может, и для Толстого грядущих времен? Потрясающие фотоснимки.

На одном из них — в томе "Хроники" — ликующие лица чеченских "тинэйджеров" в августе 1996 года.

Если бы не стволы в их руках, можно было бы подумать, что эти ребята выиграли матч в футбол.

Увы, это не футбол.

— Под улюлюканье вот таких сопляков мы уходил из Чечни после Хасавюрта, — заметил один из героев карповской книги на ее презентации.

Я всмотрелся. Прекрасные лица. Один уже пытается отрастить бородку, другой, за неимением оной, побрил голову, третий стянул волосы зеленой лентой, а четвертый оставил чубчик, как в пионерские советские времена. И смеются — счастливые.

Я подумал: это для нас они — "сопляки". А Мовлади Удугов сделает из них национальных героев. И поверят чеченцы ему, а не нам.

Из подсознания всплыла мысль о том, что не интриги политиков привели к этой войне, не распри нефтяных воротил определили ее неизбежность, не генеральские расчеты просчеты утопили ее в море крови и слез, а есть какая-то глубинная, то есть из глубин состояния народов идущая, взаимная непримиримость, и взгляды

Волк — самый поэтический зверь в понятии горцев. Лев, орел изображают силу — они идут на слабого; волк идет на более сильного, чем он сам; недостаток силы заменяет отвагой, дерзостью, ловкостью...

Петр Услар.

Из трудов по чеченскому менталитету.

XIX век

ваться надо — в лица, в выражение лиц вот этих мальчиков: и нашего, втиснутого в БТР, с нимбом люка над каской, и этих — залитых ясным солнечным светом, с автоматами в руках. Я читаю три чеченских тома, пытаюсь понять логику чеченцев, хотя события там освещены только с нашей стороны, посвящены всецело нашей армии и сверхзадачей имеют — снять горечь действительных или мнимых наших поражений: очистить армию от той грязи, которой забросали ее по ходу первой войны с разных сторон. Почему забрасывали из ведомства Удугова — это понятно: на войне как на войне. Но почему в спину солдатам из стана родной интеллигенции летела грязь — это еще предстоит понять. То есть понять, чего там было больше, выверенного злорадства: “пусть начальникам будет хуже”, или импульсивной обиды: “что же начальники так слабы, что никак не закончат дело...” (как? силами двух десантных полков за два дня?).

Теперь дипломатия отброшена: война так война.

Должен сказать, что по отношению к военному противнику (то есть к чеченским боевикам, сепаратистам, волкам, бандитам, террористам и т. д.)

здесь выдержан тон безусловного воинского уважения. В этом смысле Борис Карпов осеняет себя именем поручика Михаила Лермонтова, в стихах которого абрек обрисован как равный (и погиб поручик, как известно, не от пули абрека, а от пули русского же молоденького офицера, который ехал на Кавказ, наверное, с такими же вопрошающими, прячущими детский страх глазами).

Вчитываясь в книги сегодняшние, я хочу почувствовать, с кем же мы воюем, что против нас в них восстало и почему все произошло. Там достаточно материала для тяжелых раздумий на эти темы. Не только о боевиках. Еще страшней: о тех “толпах женщин и детей”, которыми боевики “прикрывались”.

В “Хронике” так и говорится, причем не раз.

“Боевики, верно рассчитав психологию русских военных, действовали под прикрытием безоружной толпы женщин и детей...”

Возникает жуткая аналогия из 1942 года: каратели, наступая на позиции партизан, гонят перед собой местных жителей. Естественно, белорусов, украинцев. Чтобы немецкие военные прикрыва-

лись жителями-немцами (скажем, в 1945-м) — не поверю. Русскими — пожалуйста.

С чеченскими боевиками 90-х такие картины как-то плохо вяжутся. Да, устраивали огневые точки в русских домах. А также в больницах, школах, детских садах. “В расчете на психологию русских военных”: что те не решатся стрелять. Военная хитрость. Но заставить детей и женщин идти впереди себя — нет, не могу себе этого представить.

Разница в том, что боевикам не нужно было заставлять их идти — женщины и дети шли сами. Это — страшный аспект их войны, и прежде всего событий 1991-1992 годов, когда никакой войны еще не было и тем не менее шло насильственное обезоруживание наших гарнизонов. Потом мы ломали головы, винули маршала Шапошникова, генерала Грачева, Гайдара-младшего, что те прошили — отдали дудаевцам оружие. Да вопрос-то уже не стоял: отдавать или не отдавать: оружие уже было отнято.

Каким образом?

Читаем Карпова:

“Колонна... заблокирована толпой... Боевые машины облеплены женщинами, детьми. Тут же старики. Поодаль — исподлобья глядящие мужчины... Давить? Стрелять? Попробуй! Остановившаяся колонна — в хитром, коварном капкане. Крутые чеченцы забираются в машины. Четыре БТРа и грузовик с солдатами уведены...”

Чтобы так прикрыться женщинами и детьми, необходимо одно условие: чтобы женщины и дети хотели этого.

Можно спорить, сумеет ли 12-летний пацан метко выстрелить из гранатомета, но что он сумеет замкнуть цепь взрывателя, спорить нечего. Что 12-летние разведчики действовали в расположении федеральных частей — факт. И что в 1996 году, уже во время переговоров, Масхадов разрешил раздавать оружие “всем желающим, включая 12-летних подростков”, — факт. И что в 1992 году, как раз тогда, когда “не отдавать” Дудаеву оружие было уже поздно, ибо он овладел им сам “без спросу”, — Грозный “представлял собой сплошной тир”: население обучалось стрельбе. Все обучались! Дети, которые еще не могли стрелять, участвовали в играх “убей русского”.

Торможу в сознании аналогии с 1942 годом, когда над страной звучал призыв “убей немца!” и 12-летние пацаны в той же Белоруссии были полноценными партизанами. Но ведь, доведенные до крайности, дети любого народа способны на все. Драма из современной жизни: в станице — смешанное население, казаки и чеченцы; в казачий дом являются соседи-чеченцы и требуют, чтобы казаки убирались вон: “Это наша земля”. В ходе начавшейся разборки

чеченец бьет хозяина дома ножом; тот падает и истекает кровью; тогда 12-летний сын хозяина хватается охотничье ружье и убивает чеченца. Объявлена кровная месть. Казачья часть станицы берет пацана под защиту...

Вы сумеете навести справедливость в этой ситуации?

“Непонятная, бестолковая, страшная, кровавая драма под названием “чеченская война”, — вырвалось у Карпова. Это уже во втором томе, применительно к событиям 1999-2000 годов, когда, кажется, уже все было расставлено по своим местам. А в 1995-м? Кто отсортирует “мирных” и “немирных” в городе, стреляющем из каждого дома? Кто заглянет в душу 12-летнего горца, мать которого проклинает русских? Где начало этой дикой карусели? Где тот момент, когда зло еще можно остановить?

Из диалогов Карпова:

— Ошибки были допущены в 1991-1992 годах, когда эту гидру надо было задушить в зародыше.

“Гидра”? Метафорически — понимаю. А реально? Реально я помню (в том самом 1992 году) разгневанную пожилую чеченку на экране ТВ и ее крик — телекомментатору:

— Вы нас не заставьте быть тише воды ниже травы!

Разумеется, ей предлагалось нечто другое: соблюдать общегосударственные законы и формы или, скажем так: жить по общепринятым правилам... Но в ее сознании эти правила не более чем хомут на шее. Она с детства слышала колыбельные песни об абреках, отважно ходивших в набег. Способность сходить в набег — первое качество настоящего мужчины-горца. “Тише воды ниже травы” он не станет по тысячелетней своей человеческой природе.

Но ведь не все же они такие?! — взвывает нормальный русский интеллигент, моралист и человеколюбец.

Разумеется, не все.

Убеленный сединами старик, упрекающий нашего командира, что в 1992 году “вы ушли и оставили нас дудаевцам”, — тоже чеченец.

И русских раненых солдат спрятал в своем доме в разгар боев декабря 1994 года — тоже чеченец.

— Не надо благодарности, они же как сыновья мне, ваши солдаты... Замерзали, раненные, там, на площади. Как не помочь? Или мы не люди? Спрятал на свой страх и риск. Сын мой... (Дальше читайте внимательно! — Л. А.) ...сын мой тоже служил в армии. До самой этой войны получал письма от друзей-однополчан с Украины, Дальнего Востока. А теперь...

А теперь свяжите это, если сумеете: дальневос-

точные однополчане штурмуют Грозный, волонтеры с Украины помогают отбить атаку, а дудаевцы, если узнают, пристрелят старика, который прятал русских...

Но почему "гидра войны" подымает голову, если до последнего момента дружески переписываются, и почему всегда наготове "дудаевец", которого "прикроет" толпа безоружных женщин и детей? Он-то откуда?

А откуда же, откуда сам Дудаев, генерал Советской Армии, выставивший ковровыми бомбометаниями позиции афганских боевиков-исламистов. Оттуда же, откуда его вице-президент, получивший высшее образование в московском Литературном институте, где он писал лирические стихи, находя свое место в дырявой системе социалистического реализма. Они все — из системы, которая второй раз за столетие сменила название (в 1917-м из Российской — в Советскую, в 1991-м из Советской обратно в Российскую). Они все ею обучены. От Абу Мовсаева, выпускника Университета дружбы народов имени Лумумбы, до Мовлади Джебраилова, выпускника Хабаровской высшей школы МВД, Дудаевские гвардейцы, люди чести, боевики, волки, воины Аллаха...

Так что же, участь в России, выходя в ее системах на высшие уровни профессионализма, они держали камень за пазухой и ждали момента?

Никогда не поверю. Не тот случай. В характере горца есть военная хитрость. Но подлости в нем нет.

Повернись по-иному — и служили бы эти профессионалы России верой и правдой, и разрабатывал бы генерал новые методы бомбометания, и писал бы поэт стихи во славу дружбы народов, и выпускники военных школ гордились бы тем, что они настоящие воины.

Повернулось иначе — надломилось прежнее, и попер народный темперамент в другую сторону.

Сложиться может по-всякому (в геополитике), но характер народа есть характер народа. Когда в войну втягиваются "толпы женщин и детей", война становится страшной. Ни солдаты, ни политики не могут разрешить эту драму: огонь бьет из самой глубины, почти из подсознания, из вековых инстинктов. Политики в такой ситуации могут разве что подставить какие-нибудь доводы.

Например: 1992 год — ответ на 1944-й. Да, все так — на элементарно-психологическом уровне. На этом уровне солдаты 1992 года отвечают: но ведь не мы же выселяли их в 1944-м...

Все познается в сравнении. Из записанных Карповым диалогов:

— "Дескать, когда чеченцев депортировали в 1944-м, то горячую пищу по эшелонам раздали уже

в Астрахани и до самого Казахстана в течение всех пятнадцати суток кормили исправно... По прибытии каждой семье дали по корове или по пять овец. А теперь что? Работы в Чечне нет... Ничего не дают, только бомбят..

Федералу, выслушивающему такое, естественно, "не хочется выглядеть сталинистом". В ответ он мог бы напомнить старику-чеченцу (а именно старик-чеченец ностальгически вспоминает 1944 год), сколько депортированных вообще не доехало до коровы и пяти овец, загнущись в пути, — при всей горючей пище. Но выше всех этих счетов другое. Пнев той женщины, которая кроет презрением всякого, кто согласен быть "тише воды ниже травы". Тут никаких коров и овец не подсчитывают. Все ставят на карту: благополучие, жизнь. Ради чего? Что получила Чечня в результате мятежа? Растерзанную землю, переполненные кладбища. Что светило мятежникам в случае безоговорочной победы? Свобода? Равенство? Братство? Да ничего подобного! Дудаевский режим: одним все, другим ничего. И тем не менее огромное большинство "простых людей" пошло в мятеж. Против заведомо сильнейшего противника. И интеллигенция чеченская не посмела слова сказать во вразумление народу. Потому что отговаривать бесполезно. Есть что-то сильнее рассудка. Превыше горячей пищи и овец, которых тебе поручили бы пасти. Одиноким волк нападает, не считаясь ни с чем.

По рассудку-то, депортация 1944 года тоже была не без причин. Это ответ на то, что во время войны называлось пособничеством. В конце концов было же Временное правительство Хасана Исапилова, подпольно созданное в 1940 году. И немцы действительно казались чеченцам избавителями от русских. Абдурахман Авторханов ведь тоже не вслепую ушел с немцами и жил в Германии до конца своих дней. Так что повернись мировая история иначе...

И что? Дикий волк ужился бы с "благородным волком" по имени Ад-Вульф, то есть Адольф? Не думаю. Не вернее ли предположить, что в 1992 году Яндарбиев клял бы не русских, а немцев и Дудаев сказал бы не русскому генералу, своему бывшему сослуживцу, а какому-нибудь чину абвера (или вермахта?): "Ты не стоишь того, чтобы из-за тебя проливать чеченскую кровь".

Нам он еще много чего сказал. И насчет чеченской крови тоже. "Семьдесят процентов чеченцев погибнет, но тридцать процентов будут свободными". Маоистская логика, между прочим, хотя Мао тоже, кажется, перефразировал кого-то из вождей рейха.

Так насчет свободы. Вождь Ичкерии сказал: "Раб, не желающий выйти из рабства, заслуживает двой-

ного рабства". Рассуждение, поразительное по своей точности, может быть, произвольной, потому что двойное рабство лучше бы не афишировать. Борис Карпов парирует дудаевское рассуждение так: хотят уничтожить рабство, а сами держат рабов и вовсю торгуют рабами-заложниками. Но Джохар Дудаев вовсе не надеется уничтожить рабство, он, похоже, не думает о таком социальном устройстве, когда рабства вообще не будет. Вождь революционной России, между прочим, именно об этом думал, когда говорил, что раб, смирившийся со своим рабским положением, есть хам, холоп. Но то была эпоха мечтателей, веривших в химеры. Теперь другой стиль мышления: или ты закабаляешься вдвойне, или "выходишь" из рабства. Но куда? В рабовладельцы? В работоторговцы? Тогда напомню вам афоризм вождя воюющих британцев, который сказал в разгар мировой войны: "Немцы могут жить только с ножом у горла или под сапогом".

Немцы во второй половине XX века опровергли эту жуткую характеристику. Что же до чеченцев, то их вожди и теперь повторяют, что они не могут ждать, что Россия и впредь каждые полвека будет их уничтожать. Это значит, каждые полвека — мятеж, взрыв копящейся энергии, бросок волка, не признающего над собой ничего главенства...

Но ведь есть же, наконец, родная стихия: ислам?

Не надо и тут иллюзий. Разумеется, в горячке войны и при наличии массы вольных стрелков, не находящих себе мирного применения в перенаселенных регионах Востока, нетрудно набрать охочих до войны людей, которые наймутся спасти ислам в Ичкерии. Допустим, спасут. Что дальше?

Дальше речь пойдет не о Коране, а о нефти. И что же, нефтяные магнаты Востока, отстегивающие сегодня миллионы волкам веры, станут вкладывать эти миллионы в северокавказскую экономику? Чтобы жирели конкуренты? Да они сгноят это все, затопчут скважины, взорвут заводы — только бы остаться мировыми монополистами!

Ну а если все-таки решат превратить Северный Кавказ в капиталистический рай? Думаете, оставят чеченскому волку его лес для свободного промысла? Загон ему отведут! И будут вольные сыны адата сидеть на общем исламском идеологическом пайке. И бунтовать каждые пятьдесят лет. Независимо от того, какая окажется над ними "система": исламская, советская, православная, американская, европейская. Какая-то ведь "глобальная" структура все равно будет. Не оставит человечество ни клочка земли, чтоб был он "сам по себе". Хотя на каждом клочке будут жить люди и думать: это наша земля.

Интересно, а входит ли в понятие "наша земля" то, что на земле построено? Или надо все это срыть, взорвать, а землю очистить, чтоб стала как дикое поле? Город Грозный сровнять с землей, потому что основан казаками. Про нефтяную инфраструктуру не говорю: копнешь — и обнаружишь, что и там затесались какие-нибудь Манташевы или Нобели.

Тяжело одинокому в лесу этих структур. Особенно если воинствен. Иной смирится, иной — никогда. Но и система ни одна не смирится. Не позавидуешь волкодавам, которым придется обеспечивать в этих потенциальных джунглях общий порядок. Но и участь волка бесконечно горька: не умеет он смириться с общим порядком и кровью платит за свое одиночество.

Начал я эти заметки со свидетельства этнографа-кавказоведа, создателя кириллического алфавита для горцев Петра Карловича Услара, российского академика немецких, видно, кровей. И закончу свидетельством русского немца Фридриха Брокгауза, который в словаре, выпущенном им совместно с Ильёй Абрамовичем Ефроном, поместил следующий пассаж:

"В обыкновенное время идеал чеченцев — грабеж. Угнать скот, увести женщин и детей, хотя для этого пришлось ползти по земле десятки верст и при нападении рисковать своей жизнью, — любимое дело чеченца".

Не подумайте, что я выискивал цитату. Я ее нашел у Карпова. Но и он не выискивал. Он нашел в чеченских изданиях: Брокгауза — в популярной книжке "Чечня и чеченцы", Услара — в брошюре Далхана Хожаева "О чеченском волке...", выпущенной в Грозном в 1993 году. Наверное, отрыв полковник Карпов эти книжки в отвалах какой-нибудь разметанной взрывом библиотеки.

Загляну и я в старые книжки.

"...Тогда волк будет жить вместе с ягненком..." (Исаия, 11,6).

Что-то не верится.

"...Волк пустынный опустошает их... ибо умножились преступления их, усилились отступничества их..." (Иеремия, 5, 6).

Их — это наши.

"...Ибо я знаю, что по отшествии моем войдут к вам лютые волки..." (ап. Павел; Деяния, 20, 29).

Господи... научил бы хоть через апостола, хоть через пророка, как преодолеть волчье одиночество!

Заместитель главнокомандующего внутренними войсками МВД России генерал-лейтенант Станислав Кавун в селе Веселоярск Алтайского края передал Золотую Звезду Героя Российской Федерации матери старшего сержанта Сергея Шрайнера.

В ПАМЯТЬ О СЫНЕ

14 июля прошлого года во время разведывательно-поисковых мероприятий в Аргунском районе Чечни героически погиб инструктор разведгруппы отряда специального назначения "Русь" старший сержант Сергей Шрайнер. Ранним утром недалеко от трассы Аргун — Гудермес группа обнаружила укрытую в развалинах автомашину "Нива", в которой находились неизвестные. Было принято решение их задержать. Увидев военнослужащих, неизвестные попытались скрыться. Когда до боевиков оставалось метров 15-20, один из них метнул в сторону военнослужащих гранату. Времени на раздумья не оставалось — Сергей накрыл гранату своим телом. Он героически погиб, но спас жизнь своим товарищам. Указом Президента России старшему сержанту С.Шрайнеру присвоено звание Героя Российской Федерации. Посмертно...

ИХ БЕСКОНЕЧНОЕ НЕБО

О подвиге военных вертолетчиков внутренних войск майоров Андрея Орлова и Андрея Анощенко рассказано уже немало. Трагедия эта случилась в дагестанских горах 11 августа 1999 года.

Для командира авиазвена майора Андрея Орлова нынешняя командировка на Северный Кавказ была не первой. Сотни часов налетал он на своем Ми-8 за время службы во внутренних войсках, и все больше — в горячих точках. На восьмой день этой командировки экипаж Орлова вылетел в район Ботлиха. Около 15 часов "вертушка" приземлилась на ботлихском аэродроме, и в это время боевики выпустили по винтокрылой машине ракету. Вертолет охватило пламя. Сила удара пришлась на грузовой отсек, где находились люди. Летчики бросились в пекло вытаскивать раненых и контуженных пассажиров. Майор Андрей Орлов получил тяжелейшие ожоги и через несколько дней скончался в ожоговом центре Махачкалы. Погиб и штурман авиационного звена майор Андрей Анощенко. Их похоронили в Ростове-на-Дону, где жили и служили последние годы, откуда уходили в свой очередной полет. Посмертно им было присвоено звание Героя Российской Федерации.

Недавно постановлением мэра Ростова-на-Дону средняя школа № 24, что в микрорайоне Мирный, названа именем военного летчика Героя Российской Федерации майора Андрея Орлова.

ЗДЕСЬ ВСЕГДА ЖИВЫЕ ЦВЕТЫ

Младший сержант Александр Бузин совершил свой подвиг в мае 1996 года под чеченским селением Бамут, когда со служебной собакой по кличке Джон выполнял боевую задачу по инженерной разведке местности, обеспечивая продвижение десантно-штурмового отряда. Обнаружив засаду боевиков, Александр вступил в неравный бой, дав возможность основным силам отряда развернуться в боевой порядок и массированным огнем уничтожить банду. В этом бою младший сержант Бузин погиб, но, вызвав огонь бандитов на себя, спас жизнь своим товарищам и обеспечил выполнение ими боевой задачи. Посмертно ему было присвоено звание Героя Российской Федерации.

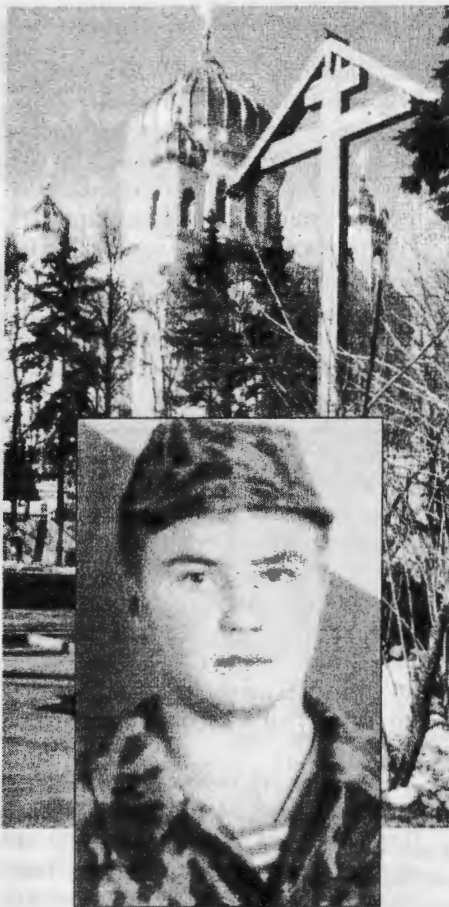
Похоронили Сашу с воинскими почестями на его родине. Все эти годы память о Герое жила в сердцах его земляков. Совсем недавно в Ханты-Мансийске на аллее Героев в парке Победы был установлен бюст младшего сержанта Александра Бузина.

Стараниями мамы Героя уральца копия этого бюста появилась и на Сашиней малой родине — в центре города Советский Тюменской области. Валентина Валентиновна сама ездила в Москву на предприятие-изготовитель и перевезла ценный груз. С помощью администрации города она установила бюст возле стелы, которую здесь называют "Наказ матери". Местные власти помогли маме Героя не только в увековечении памяти сына, но и в решении бытовых проблем: выделили благоустроенную квартиру, взяли на себя оплату коммунальных услуг.

Сашины земляки, принося к стеле живые цветы, надеются, что больше в их городе не придется устанавливать такие скорбные памятники.

Материалы подготовили
полковник Василий ПАНЧЕНКОВ,
подполковник Сергей КОЛЕСНИКОВ

**Епископ
Магаданский
и Синегорский ФЕОФАН**

Война — особое время. Время горькое, жестокое, но именно на войне как никогда раскрываются души наших солдат, наших воинов. Сегодня высокое звание Героя России присвоено 70 воинам внутренних войск, из них 38 на второй чеченской войне. 48 воинов получили это звание посмертно. И за каждым стоит подвиг, и человеческий, и воинский.

Старший сержант контрактной службы Сергей Шрайнер, спасая товарищей, лег на гранату. Рядовой Александр Аверкиев остался в горящем бронетранспортере, чтобы прикрыть огнем пулемета товарищей. Старший лейтенант Александр Ковалев, окруженный бандитами, взорвал их и себя гранатой.

И таких случаев воинского подвига и героизма можно привести сотни. Они — свидетельство высокого духа наших солдат.

Но как епископ, не могу пройти мимо одного подвига еще первой чеченской войны. Это подвиг воина Евгения. 13 февраля 1996 года пограничник рядовой Евге-

ний Родионов в Ингушетии был захвачен в плен и увезен на территорию Чеченской республики. Захватившие его бандиты потребовали, чтобы он отказался от веры и снял свой нательный православный крест. Евгений подвергся пыткам и был изощренно убит, но так и не отказался от веры. Убили его в день его рождения 23 мая 1996 года, в праздник Вознесения Господня, в селении Бамут.

*И нет больше той любви,
кто и душу положит
за други своя*

И ведь бандиты могли сорвать с него крест. Казалось бы, чего проще — протяни руку и сорви. Но они три с половиной месяца издевались над ним и хотели, чтобы Евгений сломался и сам это сделал. И это еще один ответ на вопрос, с кем мы воюем. Кто порой пытается прикрыть свои преступления знаменем веры. Ни один нормальный мусульманин не стал бы этого делать.

Герой России чеченец старший сержант Михаил Дангирiev погиб в бою, спасая товарищей. Он погиб как гражданин, как воин, защищавший свое Отечество.

Подвиг Евгения — это подвиг не только воинский, но и подвиг человека веры. Рядом с ним не было никого, кто бы его осудил, но он знал, что предательство веры — самый большой грех.

Кому-то, может, подвиг солдата-пограничника покажется исключительным. Но в русской истории хранится немало имен воинов, пострадавших за веру. Сто двадцать пять лет назад, 21 ноября 1875 года, после многочис-

Крест для воина Евгения

ленных и утонченных истязаний в Маргелане был варварски умерщвлен унтер-офицер стрелкового батальона 2-го Туркестанского полка Фома Данилов. Истязали его за то, что не хотел перейти в службу к кипчакам и принять магометанство. Сам хан пообещал ему помилование, награду и честь, если согласится отречься от Христа.

Поступки русских солдат словно связывает незримая нить, протянутая через века. И на чеченских войнах конца двадцатого — начала двадцать первого века они отказываются предать товарищей, своих родных, веру.

А нужна ли вера солдату? Это что, лишний патрон в автомате, лишняя граната в разгрузке или лишняя пластина в бронезилете? Нет, вера — это прежде всего спасение от безнравственного поступка.

Многие безнравственные поступки в нашей жизни идут именно от неверия.

Человек верующий знает, что всегда даст ответ за дурной поступок, и живет по законам совести.

Когда в ходе Отечественной войны 1812 года русская армия вступила в Европу, здесь ждали ее со страхом, как пришествия варваров. Но не было на ее пути ни поджогов, ни грабежей, ни мародерства. От этого солдат армии-победительницы удерживала прежде всего вера. В вере всегда была духовная сила Российской армии.

Далеко не у всех наших солдат примерное поведение дома, в части, а на войне они меняются на глазах. На войне идет переосмысление жизни. Здесь человек реально видит цену ей и мнимым радостям. Начинает понимать, что все счастье не в самоволке, выпивке, каких-то низменных интересах.

На чеченской войне солдат должен сам дать оценку себе и происходящему. Он видит бандитов и думает, что будет, если дать им свободу, что случится тогда с его домом, близкими. И слово "товарищ" для него наполняется новым смыслом.

А надо ли воину готовить себя к подвигу, если на войне он и сам преобразуется, найдет для себя верные ориентиры? Надо! Во все времена начиная с древнерусских дружин, когда лук, стрелы, копье были атрибутом не только воина, но и любого мужчины, любого мальчишки, они готовили себя к защите Отечества, а значит, готовили себя и к подвигу.

Подвиг — это поступок нравственный, поступок добра, когда личные интересы изначально ниже интересов Отечества, близких.

Но есть на войне и поступки низкие. Случаи предательства. Порой тот же отказ взять в руки оружие, воевать за Отечество поднимается на щит, раздувается некоторыми газетами, у таких псевдогероев берут интервью, они выступают на телевидении. Да только сколько ни было таких попыток, интереса в обществе они так и не вызвали.

Таких единицы, кто в первую войну предал товарищей, сломался в плену и перешел на сторону бандитов. Что с ними стало? Им пришлось сменить имена, сменить веру и отказаться от родителей.

— У меня нет матери, у меня есть только Аллах, — заставляли их говорить перед видеокамерой.

Ни один из предавших своих не стал счастливым, получив каинову печать на всю жизнь.

На маленькое кладбище в Подмосковье, где похоронен Евгений, сегодня приезжают со всей России. Едут и молодые, и

пожилые, военные и гражданские, матери, потерявшие на последней войне сыновей. Казалось бы, что им всем в его подвиге?

Евгений не подбивал в бою танков, не ходил в атаку. Его война длилась месяц, а потом был мучительный плен и не менее мучительная смерть.

Да, его захватили в плен, потому что он был солдатом, а убили, потому что был христианином.

Подвиг Евгения для нас, как яркая вспышка, ответ на вопрос, как надо жить, любить Отечество, веру, как надо защищать Родину.

Его нателный крест сегодня хранится среди святынь в московском храме святителя Николая, что в Пыжах.

Евгений причислен к лику святых, и солдаты, наши воины, будут молиться ему, как молятся уже сегодня.

На могиле Евгения стоит двухметровый крест, горит лампадка.

Его мать — Любовь Васильевна — сегодня все свое время отдает помощи солдатам, воюющим в Чечне.

Вспоминая сына, она говорит:

— То, что он оказался достойным христианином, утешает меня. Если бы он отрекся от Христа, от православной веры, от России, от матери, я не смогла бы этого пережить.

Не всегда подвиги на войне отмечаются наградами. Не все подвиги наших солдат становятся известными, но знайте и помните, что без них не было бы нашей победы.

ЛИТУРГИЯ ПОД ЗАЩИТОЙ «РУСИЧЕЙ»

Уважаемая редакция!

С интересом ознакомился с содержанием журнала «На боевом посту» №7 за 2000 год, где опубликован материал полковника Юрия Кислого «Литургия под защитой «русичей».

Отрадно, что в центральном издании внутренних войск все чаще появляются статьи на духовные темы, отражающие православное видение происходящего в стране и в сердцах людей, особенно в таких горячих местах, как Чечня.

Писать о Чечне, о судьбах человеческих, зачастую трагических, непросто, ибо здесь, в сложнейших условиях выживания, человеческая душа как бы обнажается, освобождаясь от бремени телесности, при этом она или сияет своими добродетелями, или же, напротив, проявляется вся мерзость запустения, собравшаяся в ней.

На мой взгляд, статья «Литургия под защитой «русичей» и смогла запечатлеть это состояние человеческих душ и, по сути, отразить мысль святого Максима Исповедника: «Мужчины, женщины, дети, глубоко разделенные в отношении расы, народа, языка, образа жизни, труда, науки, звания, богатства... — всех их Церковь воссоздает в Духе... Все получают от нее единую природу, недоступную разрушению, природу, на которую не влияют многочисленные и глубокие различия, которыми люди отличаются друг от друга... В ней никто отнюдь не отделен от обще-

го, все как бы растворяются друг в друге простой и нераздельной силой веры».

По этой причине сюжетная линия статьи нам близка и понятна, ибо в ней понимание того, что мир, социум, государство, являются объектом любви Божией, ибо предназначены к преображению и очищению на началах богозаповеданной любви, верой в Которого и спасается человечество.

В Первосвященнической молитве Господь Иисус просил Небесного Отца о своих последователях:

«Не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла» (Ин. 17, 15).

Поэтому и Церковь, как богочеловеческий организм, для спасения рода человеческого не только через прямую проповедь, но и через благие дела направляет свои усилия на улучшение духовно-нравственного и материального состояния окружающего мира. Для этого она вступает во взаимодействие с государством и с различными общественными ассоциациями и отдельными людьми, даже если они не идентифицируют себя с христианской верой.

При этом Церковь не ставит прямой задачей обращение всех в Православие в качестве условия сотрудничества, но уповает, что совместное благотворение приведет ее соратников и окружающих людей к познанию Истины. Поможет им сохранить или восстановить верность богоданным нравственным нормам, подвигнет их к миру, согласию и благоденствию, в условиях которых Церковь может наилучшим образом исполнять свое спасительное дело.

Призываю Божие благословение на сотрудников редакции журнала «На боевом посту», а также его читателей — воинов МВД, с честью исполняющих свой долг перед Отечеством и народом.

С любовью о Господе —
архиепископ Краснодарский
и Новороссийский ИСИДОР

НА ПОВЕСТКЕ ДНЯ — **БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ**

**В Санкт-Петербурге прошла IV Всероссийская
научно-практическая конференция
“Актуальные проблемы защиты и безопасности”**

Около четырехсот ее участников, а это видные ученые, производственники, представители силовых ведомств и ВПК, различных НИИ и учебных заведений Министерства обороны и МВД России, собрались в городе на Неве, чтобы обсудить вопросы координации и единой технической политики при разработке средств и методов обеспечения безопасности, защиты и борьбы с терроризмом, провести независимое от ведомственной принадлежности рассмотрение научно-технических и практических проблем обеспечения безопасности, эффективности индивидуальных и коллективных средств и методов защиты, специального снаряжения и вооружения.

Среди важных целей, поставленных перед конференцией ее организаторами, были названы обеспечение содействия реализации целевой Федеральной программы развития боевой экипировки на период до 2005 года с привлечением специалистов на межотраслевой основе, а также защита особо важных объектов, в том числе ядерных центров.

Обращаясь в своем приветствии, присланном участникам конференции, заместитель Председателя Правительства Российской Федерации Илья Клебанов, в частности, отметил, что ежегодно проводится конференция — “весьма своевременная и полезная инициатива научно-технического сообщества России. Это несомненное свидетельство вашей

высокой профессиональной ответственности и гражданского долга.

Вы нашли удачную форму самоорганизации научно-технического сообщества высоко развитого российского региона. Вас объединили многоцелевые задачи по созданию военной и специальной техники, средств связи, других видов высокотехнологичного обеспечения современной армии и специальных служб”. Своё приветствие с пожеланием успешной работы конференции прислал и легендарный конструктор-оружейник генерал М.Т.Калашников.

Организаторами конференции, как и прежде, выступили Российская академия ракетных и артиллерийских наук и ИПО специальных материалов. Пленарные и секционные заседания проходили в Военно-морской академии им.Н.Г.Кузнецова.

В работе конференции приняли участие генеральный директор Российского агентства по обычным вооружениям А.В.Ноздрачев, президент РАН В.П.Киреев, первый вице-президент академик РАН В.В.Панов, генеральный директор ИПО спецматериалов, профессор, лауреат Государственной премии Российской Федерации М.В.Сильников, начальник ГУВД генерал-майор милиции В.Г.Петухов, начальник Санкт-Петербургского университета МВД России генерал-лейтенант милиции В.П.Сальников, другие

известные руководители и специалисты.

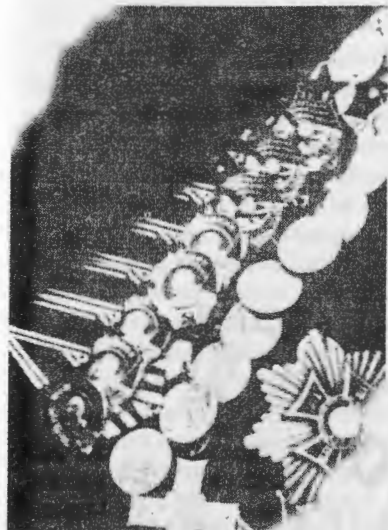
На открытии конференции с приветственным словом выступил командующий войсками Северо-Западного округа внутренних войск МВД России генерал-лейтенант А.И.Климентьев. Он отметил, что в частях вверенного ему округа нашли применение многие средства защиты личного состава, который выполняет служебно-боевые задачи в ходе контртеррористической операции на Северном Кавказе. Военнослужащие внутренних войск убедились на собственном боевом опыте, что от надежной и удобной экипировки во многом зависит сохранение здоровья и жизни на поле боя. Несколько офицеров округа приняли участие в работе секций конференции, где поделились своим практическим опытом по применению некоторых образцов вооружения и средств защиты, высказали полезные предложения их разработчикам.

Всего к обсуждению в рамках нынешней конференции было предложено около трехсот докладов и сообщений.

Нет сомнения в том, что этот очередной форум научных работников, промышленников и практиков, чьей главной задачей является обеспечение безопасности России, даст новый импульс в их всегда актуальной деятельности на благо защиты Отечества.

Полковник Борис КАРПОВ

ФРОНТОВИКИ, ПРЯЧЬТЕ ОРДЕНА!

Увы, к сожалению, именно так приходится перефразировать известные слова из песни "Фронтовики, наденьте ордена!".

А дело все в стаях мошенников, носящихся по необъятной России и пытающихся найти, где, кого и как еще можно облапошить. И добралась-таки она до ветеранов войны. И сыграли, мерзавцы, на их святых чувствах. Не пощадили стариков...

Семидесятивосьмилетний Иван Митрофанович Савельев, Герой Советского Союза, кавалер четырех боевых орденов, очень удивился, когда в начале года ему позвонила женщина и, представившись корреспондентом известной газеты, спросила, можно ли к нему прийти и сделать несколько снимков для фотоальбома, посвященного Дню Победы. Приятно стало старику. Давно его не баловали вниманием журналисты. А, оказывается, не забыли. И конечно же, согласился.

На следующий день с утра пришли двое — молодая женщина и солидный мужчина с академической бородкой. Усадили Ивана Митрофановича в кресло, потом на стул, на диван, и мужчина сделал несколько снимков. А затем попросил снять с пиджака Золотую Звезду и ордена. Расстелил на столе бархатную материю, положил награды, а рядом принесенную с со-

бой красную гвоздику и орденскую ленту. И пока женщина записывала на диктофон ответы ветерана, фотографировал сделанную композицию.

Закончив работу, мужчина хотел прикрепить награды на место, но Иван Митрофанович отказался, вспомнив, что дочка давно хотела сдать пиджак в химчистку, и все равно медали придется снимать.

На этом, отказавшись от чая и рюмочки домашней наливки, распрощались, пообещав ветерану ко Дню Победы прислать альбом.

История на этом вполне могла бы закончиться, и ждал бы Иван Митрофанович обещанного альбома, если бы не одно "но".

Вечером того же дня пришли к нему в гости дочь и внук-курсант. Увидев на серванте Звезду Героя и орден Ленина, юноша их взял и сразу ошарашил деда заявлением, что это не его награды. На них нечетко было написано "Монетный двор" и, главное, стояли совсем другие номера. А уж он-то точно знал, какие должны быть. С детства его интересовали боевые награды, он тщательно изучил дедовы, в

школе и в военном училище писал рефераты по истории орденов и медалей. Подмена была налицо.

Поохав, Иван Митрофанович позвонил в милицию, а потом в городской совет ветеранов. Нужно было предупредить, что начала действовать группа мошенников, подменяющая награды. И его звонок стал очень своевременным. Оказалось, что лжежурналисты уже побывали у четверых ветеранов войны, и при проверке выяснилось, что и их награды фальшивые. А секретарь совета ветеранов вспомнил, что несколько дней назад к нему приходила симпатичная молодая женщина и просила список участников Великой Отечественной войны, награжденных боевыми орденами.

После того как мошенников задержали при попытке очередной подмены, выяснилось, что подлинные боевые награды стоят почти на порядок дороже, чем обходится изготовление подделок.

Но дело по большому счету не в деньгах. Мошенники даже не подумали о той душевной травме, которую нанесли старикам-ветеранам. А их у нас с каждым годом становится все меньше и меньше... Может, хоть их пожалеем?

Майор Николай КАЗАКОВ

Алексей ВИНОГРАДОВ

ОТ РЮРИКА ДО АЛЕКСАНДРА I

*О предыстории российского
Министерства внутренних дел*

В преддверии двухсотлетия со дня образования Министерства внутренних дел Российской Федерации появляется немало серьезных исследований и монографий, посвященных истории одной из ведущих силовых структур нашего государства. Благодаря этому достоянием широких кругов общественности стали многие из ранее неизвестных этапов его истории, в том числе уникальные по своему содержанию документы и материалы.

Однако совершенно резонна постановка вопроса: кто и как осуществлял правоохранительные функции до исторического манифеста Александра I "Об учреждении министерств"? Ведь проблема обеспечения правопорядка своими корнями уходит в глубину веков. Свою версию ответа, которая если и не является бесспорной, то безусловно представляет познавательный интерес и позволяет в очередной раз обратиться к истории нашего Отечества, предлагает в публикуемой статье А. Виноградов.

Подполковник Виктор БАСКАКОВ,
кандидат исторических наук

Первые упоминания о наших древнейших предках — славянских племенах — относятся к 495 году. И уже тогда, выражаясь современным языком, существовала необходимость надзора за соблюдением правопорядка в этом, еще слабо организованном обществе.

Если провести аналогию между тем временем и нашими днями, то на роль "начальника милиции" у наших предков вполне мог претендовать глава племени. В одном лице он являл собой и воинскую, и судебную власть.

Территории некоторых славянских племен делились на округа — жупанства (древнее слово "жупа" означает "селение"). Во главе жупанства стоял жупан, или старейшина, главным предназначением которого было вершить суд. В разборе судебных дел ему помогали суддавы, или частные судьи. В отдельных славянских деревнях земледельцы избирали между собой правителя — краля, или короля, то есть, по мнению некоторых историков, наказателя преступников (от слова "кара", или "наказание").

Глава племени вершил суд торжественно, в собрании старейшин, чаще всего в лесу. Славяне считали, что бог суда Прове живет в тени древних густых дубов. Эти заповедные рощи были священны: всякий проникающий в них был обречен на смерть. Этим зачастую и пользовались преступники, укрываясь в заповедных рощах от суда.

Хотя славянские племена и находились в постоянных распрях между собой, но уже к 860 году часть северных племен начинает объединяться в одно государство. И правителем нового государства — Руси — становится князь Рюрик из племени варягов, а первой столицей — Новгород.

При нем Русь была небольшим государством, и князь лично решал многие государственные вопросы — обеспечивал защиту земель от внешней угрозы, управлял территориями, в том числе занимался проблемами обеспечения внутренней безопасности, устанавливал законы, вершил суд.

Князь Олег, не менее известный российский правитель, расширяет территорию государства и переносит столицу в Киев. Для управления городами Олег назначает своих дружинников, которые именуются мужами. В определенной степени они являли собой прообраз сотрудников местных отделов органов внутренних дел, в обязанности которых, помимо поддержания правопорядка и разбора судебных дел, входил сбор финансовых средств с вверенных им территорий.

Великий князь Ярополк, правнук Рюрика, переименовывает мужей в посадников. Они осуществляли административные и судебные функции, а также сбор дани и пошлин. Часть собранных средств поступала на содержание самого посадника и его дружины.

В XI веке "местный отдел внутренних дел" уже включал в себя посадника, который выполнял роль начальника, и его заместителей — тиунов. (Тиун — название различного рода должностных лиц на Руси: управляющие княжеским или барским хозяйством, судьи низшей инстанции.) Тиуны выполняли определенные функции по указанию посадника: присутствовали на суде, замещали его во время отсутствия. В распоряжении посадника была дружина. Кроме того, существовали особые чиновники — вирники, взимавшие виру — денежный штраф за убийство свободного человека.

С середины XII века должность посадника постепенно стала вытесняться должностью наместника. Наместник возглавлял местное управление, ведал судом и сбором пошлин. В его распоряжении имелись административный персонал и военные отряды для местной обороны и подавления противоправных выступлений. Наместник назначался на несколько лет, в течение которых он пополнял свои животы (имущество) за счет кормлений (сбора налогов с вверенных земель), после чего наместник возвращался в столицу исполнять бездоходные поручения великого

князя, ожидая новой кормовой очереди.

В связи с необходимостью укрепления обороноспособности государства во второй половине XV века на передний план выдвигалась проблема обустройства и укрепления городов — городовое дело. Были введены особые должностные единицы местного управления — городовые приказчики. Их появление привело к отстранению наместников — кормленщиков — сначала от военно-административного, а затем и от ряда отраслей земельного, финансового и судебного управления. Городовым приказчикам поручались надзор за великокняжескими землями в городах и уездах, опись земель, сбор ряда общегосударственных налогов и надзор за таможенными и мытными (торговыми) сборами. Кроме того, они принимали участие в наместничьем суде по уголовным и гражданским делам.

После свержения монголо-татарского ига происходит рост экономики, политического влияния городов. В связи с этим возникает много недовольных новыми порядками. В конце XV — 1-й половине XVI века значительно возрастает уровень преступности, борьба с которой на местах затрудняется тем, что наместники в целом не были заинтересованы в борьбе с лихими людьми, так как суд над разбойниками в случае их поимки приносил дополнительные расходы.

В 1539—1541 гг. правительство по многочисленным ходатайствам поместного дворянства выдало наместникам так называемые губные грамоты, в которых регламентировался порядок организации и деятельности новых губных органов власти на местах ("губа" — обозначение территорий, волостей на северо-западе России). По губной реформе дела о заведомо известных лихих людях — разбойниках и ворах — были изъяты из суда наместников и переданы губным властям. Новый орган местного самоуправления с судебно-политическими функциями получил название "губная изба" (административный и

судебный центр губы). Судебником — сводом законов — 1550 года губное управление устанавливалось на основной территории государства.

Наибольшее развитие губные органы получили во 2-й половине XVI века. В результате земской реформы Ивана IV губные учреждения превратились в главные органы уездного управления. В их ведение перешли составление кабальных книг, почти все уголовные дела, надзор за общественным порядком в уездах (губах) и другие полицейские функции.

Губная власть состояла из губного старосты с целовальниками и дьяка. Нижний чин — губной дьяк — занимался составлением и переписыванием документов. Впервые должность целовальника упоминается в Судебнике 1497 года. При вступлении в должность целовальники давали присягу и целовали крест (откуда и происходит сам термин). Губной целовальник являлся непосредственным помощником губного старосты. На должность целовальника выбирались представители тяглого (платившего налоги) населения, обычно — зажиточные тяглецы. Глава губной избы — губной староста — избирался из местных дворян и отвечал, наряду с целовальником, перед местной правительственной администрацией (воеводами) за исправное поступление денежных доходов, участвовал в судебном и полицейском надзоре за населением.

Введение губных учреждений на местах вызвало организацию в 1555 году Разбойной избы — центрального правительственного учреждения, ведавшего сыском и судом по уголовным преступлениям. В 1571 году она переименовывается в Разбойный приказ. Компетенция Разбойного приказа регламентировалась изданной в 1555 году специальной уставной книгой.

В 1682 году на базе Разбойного приказа создается Сыскной приказ. Руководство приказом было коллегиальным. Возглавляли приказ назначаемые царем судьи приказа (обычно

из числа членов Боярской Думы) с товарищами из дворян и дьяков.

Военное противостояние с сопредельными государствами, постоянная угроза внешнего вторжения и внутренняя нестабильность привели к переходу высшей должности в местном управлении от наместника к воеводе — военному представителю царской власти со своими вооруженными отрядами. В XVII веке местное правление России стало целиком воеводским. В 1702 году Петр I отменил прежние должности губных старост и передал их полномочия воеводам. Таким образом, воевода единолично стал исполнять военные, административные, судебные и полицейские функции.

18 декабря 1708 года Петр I издает указ о новом административно-территориальном делении России на 8 губерний с губернатором во главе. Перед созданными властными структурами Петр I ставил несколько целей: ликвидация произвола местных чиновников и подчинение их новым центральным учреждениям, установление более совершенной системы контроля и отчетности, отделение судебной деятельности от административной, придание губернскому управлению новой функции — полицейской. То есть губернатор становится высшей полицейской властью в губернии. Контроль за деятельностью губернаторов осуществляли военные, проходившие службу в данной губернии. Офицерам петровских времен было разрешено даже арестовывать губернаторов в случае обнаружения каких-либо серьезных нарушений.

Губернии делились на провинции, а провинции — на уезды. Во главе провинции стоял воевода провинции, который подчинялся губернатору, во главе уезда — воевода уезда, который подчинялся воеводе провинции. В каждой губернии были учреждены верхний земский суд — для дворян, губернаторский магистрат — суд для горожан и верхняя расправа — для государственных крестьян.

В 1718 году для поддержания порядка в Петербурге указом Петра I учреждается полиция. (Термин “полиция” в переводе с греческого означает управление государством, администрация.) Руководил полицией Петербурга генерал-полицмейстер. В 1722 году подобная организация, но только во главе с обер-полицмейстером, появляется и в Москве. По указу 1733 года полиция во главе с полицмейстером учреждается еще в трех крупных российских городах. Ей предписывалось следить не только за порядком, но и за чистотой городских улиц. По своим задачам она подразделялась на общую, наблюдающую за порядком (ее сыскные отделения вели расследования по уголовным делам) и политическую (информация и охранные отделения). Имелись также специальные службы полиции (дворцовая, портовая, ярмочная и т.д.).

В 1782 году создается новый орган полицейского управления — управа благочиния. Возглавлял управу в Петербурге — генерал-полицмейстер, в Москве — обер-полицмейстер, в губернских городах — городничий. Кроме того, в руководство управы входили пристав по гражданским делам, пристав по уголовным делам и два ратмана. Должность ратмана была учреждена для предупреждения фактов некомпетентности и злоупотреблений в полиции, а также для внутреннего контроля за полицейской деятельностью со стороны представителей местного населения. Они, не являясь служащими полиции, включались в управы благочиния и должны были принимать участие в решении всех дел наряду с городничими и приставами.

В обязанности управы благочиния входило наблюдение за выполнением законов, преследование тайных и незаконных обществ, наблюдение за нравственностью горожан, забота о благоустройстве города и т.д. Она выполняла также судебные функции — рассматривала мелкие гражданские и уголовные дела.

Деятельность управы благочиния регламентировалась уставом благочиния. В нем перечислялись требования, которым должно было соответствовать руководство управы: “1) Здравый рассудок. 2) Добрая воля в отправлении порученного. 3) Человеческое. 4) Верность службе Императорского Величества. 5) Усердие к общему добру. 6) Радение к должности. 7) Честность и бескорыстие”.

Устав благочиния также давал наказ начальствующим должностным лицам: обеспечивать всем, независимо от состояния, правый и равный суд, давать покровительство невинному и оскорбленному, воздерживаться от взяток, “ибо они ослепляют глаза и развращают ум и сердце, устам же налагают узду”.

Административно-территориальное деление России постоянно менялось. Численность губерний и уездов колебалась за счет разукрупнений либо слияний различных территорий в соответствии с государственной необходимостью.

К началу XIX века основными административно-территориальными единицами являлись губернии (46 в начале XIX века) и уезды. Во главе уезда стоял земский исправник, который находился в полном подчинении губернатору и сообщал ему обо всех случаях правонарушений на вверенной территории, а также информировал о проявлениях политической неблагонадежности и бунтах. В аналогичных отношениях с губернатором находился и начальник городской полиции (городничий, в губернских центрах — полицмейстер).

Что же касается непосредственно организации Министерства внутренних дел, то, как известно, в России оно было создано на основании манифеста Александра I от 8 сентября 1802 года “Об учреждении министерств”. И первым министром стал Виктор Павлович Кочубей.

Андрей Макаров родился в 1962 году в семье военно-служащего. Его первые рассказы появились в печати в конце восьмидесятых годов в Ленинграде. Их героями были моряки, так как автор и сам десять лет отработал на научно-исследовательских судах ВМФ СССР. Там же, в городе на Неве, вышла его первая книжка.

Ныне подполковник Андрей Макаров служит во внутренних войсках, в журнале "На боевом посту". В нынешнем году завершает учебу в Юридическом институте МВД России. Готовит очередную книгу прозы, с некоторыми рассказами из которой мы и знакомим вас сегодня.

Подполковник Андрей МАКАРОВ

ОТ ВОЙНЫ ДО ВОЙНЫ

Рассказы

132-й

Я долго ходил за ним и ныл, выдавая нечто вроде:

— Дяденька, ну возьмите меня с собой!

Выглядело это наверняка комично, поскольку "дяденька" был ниже меня на полторы головы, да и вообще... Я тогда каждое утро аккуратно подшивал к новенькому стоявшему колом камуфляжу белый подворотничок и шел, по-

махивая папкой, за свой стол в штабе в строю таких же военных клерков. Мы как бы негласно соревновались между собой, у кого камуфляж пятнистей, а подворотничок белей. "Дяденька" же носил какой-то странный защитного цвета балахон, на лысой голове криво сидела камуфлированная шляпа, что носят военные в Таджикистане или таскали на войне в Афгане, на ногах спортивные тапки. Ходил он, слегка согрившись, и своим потрепанным видом напоминал уголовника, ненадолго вышедшего на волю где-то между третьей и четвертой ходкой.

В штаб его обычно не пускали. Вышколенный часовой не сдавался, даже когда подозрительный субъект в балахоне говорил па-

роль, совал красные корочки, которых у него было штук пять или шесть, и перетягивал на круглый живот кобурю со здоровенным "стечкиным". Часовой, вероятно, думал, что его как-то особенно хитро проверяют, и стоял насмерть.

— Не пускают... — обиженно тянул субъект, растерянно оглядываясь.

Если я оказывался рядом, то милостиво подхватывал его под локоток и, небрежно махнув пропуском, вел в штаб.

Вообще-то этот субъект был подполковником, служил в одном из главков и имел кабинет на Житной в новом здании министерства. Но это там, в Москве. А здесь, на Северном Кавказе, он послушно шел следом, своим затрапезным, босяцким видом не

годясь и в подметки бравым штабным капитанам вроде меня.

Проведя своего знакомого в штаб, я, прежде чем свернуть в свой кабинет, назойливо спрашивал:

— Ну так когда?

А он лишь пожимал плечами, норовя улизнуть.

Проблема была в том, что моя месячная кавказская командировка подходила к концу. Чеченская война давно закончилась. Уже не платили тройные суточные и награды штабным не раздавались щедро направо и налево. А мне так хотелось привезти из командировки медаль или хотя бы золотой знак "За отличие в службе". Невзрачный же подполковник занимался такими делами, что, пристегнувшись к нему, можно было запросто претендовать на любую награду.

Наконец в один из дней он согласно кивнул и бросил:

— Ладно. Поехали прямо сейчас. Подходи к стоянке.

— О'кей, только спецназ возьми, — метнулся я к комнате дежурного.

— Нет. — Он успел ухватить меня за рукав и мотнул головой. — Едем вдвоем.

— Ну ладно... — Я еще хотел как-то убедить подполковника взять охрану, но он уже зашагал к стоянке.

Здесь была своя иерархия. Первой стояла "Волга" командующего. Затем машины замов, начальников отделов. Даже если какая из них и выезжала из гарнизона, пустое место никто занять не смел. Потрепанная "Нива" подполковника приткнулась в стороне, въехав двумя колесами на газон.

Он резко вывернул руль, газанул, и сразу ушли назад врытые в землю блиндажи, часовые под грибками. Бетонные аэродромные плиты сухо щелкали под колесами, пока мы не выехали на асфальт шоссе.

Подполковник молчал, на поворотах что-то погромыхивая как талось в бардачке машины. Я опустил стекло и ловил рукой упругий и жаркий осетинский ветер. Мелькнула табличка у шоссе "Комарово", и стало казаться, что все происходит под Петербургом, где я любил отдыхать когда-то, и нет рядом никаких застав, блокпостов и чеченских банд, а мы сейчас свернем на уютную боковую дорожку, чтобы выехать через сосновый лес прямо к Финскому заливу.

Через полчаса показался КПП. "Лежачий полицейский" — асфальтовый горб через дорогу — заставил сбросить скорость. От БТРа с задраным вверх стволом к нам неторопливо пошел замурзанный боец в резиновых тапках на босу ногу. Подполковник сунул ему через окно несколько сигарет.

Боец заулыбался, махнул кому-то рукой, и полосатый шлагбаум медленно пополз вверх. Мы тронулись.

— Вот это да! — крутнулся я, оглядываясь на оставшийся позади блокпост. — Он же нас без проверки и досмотра пропустил. Где у них старший? Мы же тут на прошлой неделе с инспекцией...

— Отгадай загадку: не зверь, не птица, летит и матерится.

— Что? — не понял я.

— Не что, а кто. Солдат внутренних войск. У них наблюдатель на дереве, — равнодушно пояснил мой спутник. — Только он не в сторону границы, а назад смотрит. Когда с инспекцией едут, они, как "Волгу" заметят, сразу "на товсь".

— Да их же так когда-нибудь чечены повяжут!..

— Это точно, — равнодушно согласился подполковник. — А мы менять будем.

За КПП машина свернула и поехала по проселку вдоль телеграфных столбов. Поднялась пыль, а когда сбросили скорость, полезла в салон. Пришлось за-

крыть окно. Неожиданно "Нива" свернула с дороги, и солнце ударило прямо в глаза. Машина заколыхалась, съезжая в кювет. На дне пришлось включить второй мост, и наш легковой вездеход стал упрямо карабкаться наверх.

Уже не пылила дорога. Степная трава мягко стелилась под колеса, и мы плыли по зеленому ковру, словно на корабле. Через несколько минут, обернувшись, я уже не увидел ни блокпоста, ни пыльного проселка, и лишь телеграфные столбы торчали над морем травы.

— Так это Чечня, что ли? — удивленно спросил я.

— Чечня, — согласился подполковник, всматриваясь в дорогу, стараясь угадать ямы под травой.

— Нам же нельзя сюда.

В сводках то и дело проскакивали истории об офицерах и солдатах, украденных на границе и увезенных в Чечню. А тут сама республика, нахалавшая независимости выше крыши. У меня к тому же в удостоверении личности лежит справка о праве на льготы за чеченскую войну.

— Ты еще можешь вернуться. — спокойно заметил мой спутник. Я оглянулся. Телеграфных столбов уже не было видно. Куда ни глянь — степь.

— Нет уж. Нам еще долго?

— Скоро приедем.

Минут через пять мы выбрались на заброшенный проселок и остановились у разбитой БМП — боевой машины пехоты. От нее остался лишь зелено-ржавый остов — ни двигателя, ни сидений, словно использованная и выброшенная консервная банка. Мы сели сверху у оторванного люка. Подполковник посмотрел на часы и пояснил:

— Сейчас должны солдата подвезти, заберем и назад.

Было жарко, подполковник распахнул свой балахон и лег пря-

мо на броне, подставив грудь солнцу. Лицо он накрыл своей выцветшей армейской шляпой. Поерзав на горячем железе, я расстегнулся, открыв спрятанный под камуфляжем бронезилет — кевларовый, легкий, почти невесомый, а не десятикилограммовый из стальных пластин, который, потея, таскают солдаты.

Солнце висело прямо над нами. На камень взбежала ящерица и изогнулась под солнцем, задрав чуткую змеиную головку. Степь дышала покоем. Конечно, я-то рассчитывал, что все это пройдет как обычно, где-нибудь на нашем КПП, под прикрытием пулеметов, а не посреди чеченской степи. Но, в конце концов, мой напарник не первый и не десятый раз ездит на такие вот обмены, так что остается надеяться, что все пройдет нормально.

— Если так каждый раз за одним-двумя солдатами таскаться, то десяти лет не хватит, чтобы всех освободить, — заявил я, растягиваясь рядом.

— А что делать? — пожал плечами подполковник. — Они же иначе не отдадут. Мы им предлагали всех на всех.

— Ха, что делать?! — приподнялся я. — Дать им так, чтоб дым пошел. Да этих пленных за неделю вытащить можно, еще и попросят, чтоб забрали.

И тут же вывалил кучу планов. За месяц в штабе я нахватался громких слов и излагал уверенно:

— ...Наносим на карту решение... отряды спецназа... усиленные снайперами и гранатометчиками группы... эскадрилья десантных вертолетов, при поддержке штурмовых МИ-двадцать четвертых...

Подполковник повернулся на бок, прикрыл глаза, казалось, внимательно слушая.

— Опять кровь, — наконец бросил он. — Мы это все еще в Афгане прошли.

— Так ведь пленные. Мы же не можем и не должны оставлять их.

— Засранцы они все, — неожиданно вставил он. — Все эти пленные.

— Как это? — изумился я.

— Да так. Или почти все. Там из захваченных в бою раз, два и обчелся. Их, как правило, тут же и убивали. А это те, кто форму на базаре продавал, из части сбежал. Теперь выменивай их тут...

— Да как же?! — Я даже вскочил. — Как же...

— Тихо! Кажется, едут. Пошли в машину.

Он поднялся. Я, как ни вслушивался, ничего не мог расслышать, кроме шелеста травы под ветерком.

— Точно едут, — подтвердил он и спрыгнул с БМП.

Сначала вдали показалась блестящая на солнце крыша автомобиля. Уже можно было различить, что это "Жигули-шестерка". Машина шла медленно, осторожно, над ней дрожал привязанный к высокой антенне зеленый флажок. Наконец "шестерка" подъехала и встала метрах в десяти от нас. Открылись задние дверцы, из салона вылезли двое чеченцев. Бородатые, с "калашниковыми" в руках, в набитых под завязку гранатами и автоматными магазинами разгрузках. На голове у каждого зеленая полоска ткани кольцом с белой арабской вязью — то ли "непримиримые", то ли еще кто. В общем, крутые, взгляд из-под зеленых полосок дикий.

Они поводили стволами из стороны в сторону, проверяя, все ли вокруг в порядке.

Наконец открылась передняя дверца и появился третий чеченец в белой рубашке и темных брюках. Наряд завершали лакированные туфли. Видимо, старший. Его черные с проседью волосы были аккуратно подстрижены. Выглядел он вполне цивилизованно, если бы только не сдвинутая вперед

открытая кобура с ТТ.

За рулем оставался еще один. Итого четверо. Особенно мне не понравились те двое с автоматами, вылезшие из машины первыми.

— А где пленный?

Мой сосед не ответил. На коленях у подполковника оказался здоровенный "стечкин". Он перевел его на автоматический огонь и положил на торпеду "Нивы". Затем завел руку за спину и вытащил банальный офицерский ПМ, повертел его в руках и спросил:

— Ты стреляешь?

— Да так... — неуверенно передернул я плечами.

Подполковник засунул ПМ на прежнее место и стал тяжело выбираться из машины.

— Сиди здесь, — бросил он мне. — там в бардачке, если что...

Я не понял, о чем он, но согласно кивнул. Вылезать из "Нивы" мне и самому не хотелось.

Он шел навстречу чеченцам обычной развалистой походкой в своем балахоне и полевой армейской шляпе. Чеченец в белой рубашке широко улыбнулся и развел руки, словно хотел обнять подполковника. Но тот остановился метрах в двух от него.

— Где солдат?

— Слушай, дорогой, нет солдата, был солдат, но у вас Умаров в Москве арестован, родственники его приехали, забрали солдата.

Их разговор был отлично слышен через опущенное стекло дверцы.

— Нет солдата, нет обмена. Ваш Костоев так и останется в СИЗО.

— Слушай, почему в СИЗО? Клянусь, я солдата по всем аулам искал. Совсем нет солдат, всех отдали. Этот один, последний был. Хороший солдат, за Умарова и Костоева отдадим солдата.

— Ты слово давал, я этого Костоева сюда в местный СИЗО перевел. Ему суд светит, срок будет.

Потом трех солдат дашь, а его уже не достать, в тюрьме будет.

— Слушай, каких трех? Я одного солдата еле нашел, за свои кровные купил, клянусь, а тут родственники Умарова приехали, все с оружием, совсем ничего не понимают. Горе у них, мальчика забрали ни за что в Москве...

Охрана чеченца старательно пялилась по сторонам. Все так же палило солнце, над степью кричали какие-то птицы. Я открыл бардачок машины, там в углу лежала зеленая граната. РГД-5, с кокетливым колечком над предохранительной скобой. Гранату я тут же взял в руку и поразился, какая она теплая и даже влажная. Стоило раскрыть ладонь, и на ее тусклом боку появились мокрые пятнышки. Сообразив, что это просто капельки моего пота, я аккуратно положил гранату назад и тщательно вытер ладони о колени.

— ...Клянусь, ты же меня знаешь. Я сам в армии служил, у меня столько друзей в России. У меня пленные были, у меня шесть пленных сидело. Клянусь, просто так отдал, даром отдал. Теперь вот по всей республике, по аулам езжу, солдат ищу, чтобы людям помочь.

— За что арестован Умаров?

— Ни за что! Такой хороший мальчик. Порезал кого-то не на смерть, тот уже выздоровел, к нему родственники ездили, он и заявления не подавал, а Умаров все в тюрьме сидит.

— Что мне твой Умаров? Мы насчет Костоева договаривались? Договаривались. Нет, оставляя себе солдата, а Костоев завтра в суд поедет. Статья у него нехорошая, лучше бы ему в зону не садиться.

Подполковник развернулся и пошел к "Ниве".

— Вах! — Чеченец воздел руки, и сразу стали видны темные пятна пота под рукавами рубашки. —

Аллахом клянусь, я все сделал, что мог.

Чеченец сел на переднее сиденье "шестерки", следом в машину забралась и охрана.

Подполковник сосредоточенно склонился за баранкой.

— Кто такой Костоев? — спросил я.

— Бандит.

— А Умаров?

— Тоже бандит.

Он еще посидел немного. Машины стояли напротив, не разъезжаясь. Палило солнце, и в салоне было сущее пекло. Подполковник решительно повернул ключ зажигания. Мотор с готовностью заурчал.

— Стой, стой! — раздалось из чеченской машины.

Фокус повторился. Сначала из "шестерки" вышла охрана, старательно поводила стволами по сторонам, потом вылез их босс и, ступая лакированными туфлями по траве, как по ковру, пошел к нам.

Он положил руки на подрагивающий капот "Нивы" и, широко улыбаясь, заговорил:

— Хорошо, хорошо. Ты что, первый день меня знаешь? И я тебя еще с войны знаю. Хорошо, с родственниками я договорюсь, разберусь сам. Хорошо, забирай солдата. Ах, какой хороший солдат! Папа, мама есть, но бедный, совсем бедный, выкупить не могли. Бери солдата...

Он снял с пояса рацию и буркнул в нее что-то на чеченском.

Подполковник заглушил мотор, потянулся за папкой на заднем сиденье. Выйдя из машины, они вместе с чеченцем перебирали какие-то бумаги, называли чьи-то фамилии, еще о чем-то спорили. Чеченец часто смеялся.

Не прошло и двух минут, как в степи показалась спешащая к нам вишневая "Лада" последней модели: видно, стояла где-то неподалеку, ожидая сигнала. Когда она затормозила, в кругу оказа-

лось сразу три машины, словно на загородном пикнике. На "Ладе" желтел международный номер, только буквы "RUS" в углу были старательно залеплены черным пластилином. Из нее вытолкнули паренька в спортивных штанах и футболке с набитым пакетом в руках. Парень испуганно крутил головой, оглядываясь. Следом выбрался щуплый чеченец с видеокамерой.

Похоже, дело было слажено и шло к завершению. Я щелкнул ручкой дверцы и тоже выбрался наружу. Чеченец в белой рубашке старательно поставил нас всех рядом и сам пристроился впереди с опустившим голову пленным. Он толкнул паренька, тот испуганно отшатнулся, а потом, опомнившись, принялся старательно улыбаться в видеокамеру.

Быстро оформили все бумаги, мы с освобожденным солдатом сидели в "Ниве", когда старший чеченец подошел к нам и, склонившись над окном водителя, то ли сказал, то ли спросил:

— Умаров?

Подполковник молчал.

— Слушай, совсем ни за что мальчик сидит.

— Если ни за что, то это три солдата, — наконец ответил подполковник.

— Слушай, какие три солдата? Во всей Чечне нет теперь столько, чтобы три солдата, клянусь, всех отдали. Один вроде есть в ауле в горах, но там деньги хотят, большие деньги.

Он так возмутился, что, обидевшись, махнул рукой и пошел к машине.

Едва он сел, как маленькая колонна тронулась. "Шестерка" шла первой, из окон воинственно торчали автоматы с подствольными гранатометами. Когда колонна поравнялась с нами, подполковник нажал сигнал на руле машины. Клаксон рывкнул неожиданно резко и громко.

Шедшая второй "Лада" остановилась окно в окно с нами.

— Завтра в час дня на КПП заберете Костоева.

Подполковник замолчал, но машины не разъезжались.

— Умаров — два солдата. — наконец бросил он чеченцу.

— Хоп! — тут же с готовностью ответил тот.

Он, довольный, что-то еще кричал нам, когда машины наконец разошлись в степи.

"Нива" неторопливо двигалась обратной дорогой. Я до отказа открыл окно, в машине сильно воняло. Запах шел от притихшего на заднем сиденье освобожденного. Мылся он последний раз, видимо, еще до плена.

— У тебя что в пакете? — неожиданно спросил подполковник.

— Форма. Что осталось, — неуверенно ответил солдат.

— Штаны и футболку тебе вчера на базаре купили?

— Сегодня утром, когда сюда ехали...

Подполковник притормозил.

— Выбрось пакет.

Дальше двигались уже молча. Перевалили через кювет и выехали на пыльный проселок. Наконец солдат, оглянувшись назад, набрался смелости и спросил:

— А мы сейчас прямо домой поедем?

— Домой, — просто ответил подполковник.

Почти не снижая скорости, мы проскочили КПП. Солдат у шлагбаума без слов пропустил нас и даже помахал рукой знакомой машине.

Неожиданно пленный заплакал. Плакал он совсем по-детски, то со всхлипами, а то и неуклюже поскуливая, словно щенок.

— ...Товарищ капитан, товарищ капитан, — только и повторял он, размазывая слезы по грязному лицу.

Обращался он ко мне, подполковника в его балахоне, видимо,

принимая за шофера.

Пустынное у границы шоссе оживилось. Мимо, прижав нас к обочине, с гулом промчался бронетранспортер с бойцами спецназа на броне. Задранные стволы автоматов, на головах зеленые козыньки.

Пошли вдоль дороги казацки станицы. Было время урожая. На обочине сидели женщины. Все продавалось ведрами — виноград, яблоки, груши.

— Останови, — тронул я руку подполковника.

Дородная казачка степенно встала с ящика.

— Мамаша, почему белый налив?.. Нет, я и за два ведра столько не дам... Все, уезжаю... Заводи... Ну, так сколько?..

Казачка не уступала, я яростно торговался, хотя цены все равно были бросовые. Наконец, пересыпав в пакет яблоки, я самое крупное протянул подполковнику. Тот сидел, положив голову на руль и сжав ее руками.

— Сто тридцать второй, — наконец глухо произнес он и, наткнувшись на мой недоуменный взгляд, повторил: — Сто тридцать второй пленный.

Яблоко он не глядя протянул назад солдату. Мы наконец тронулись и уже минут через двадцать были у штаба.

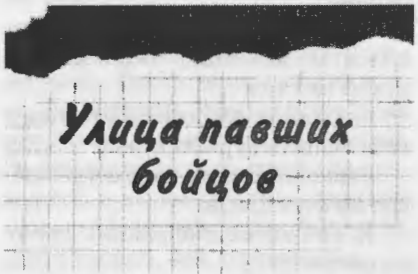
Все закончилось успешно, и в кругу офицеров можно было небрежно козырять словами: ... глубинная разведка... освобождение незаконно удерживаемых военнослужащих...

Капитаны завистливо слушали, полковники пожимали плечами и рассудительно замечали, надо ли так лишний раз приключений на свою ж... искать, а я все не мог остановиться: проникновение на территорию... личное участие...

Прошло несколько дней, и наконец истек срок моей командировки. Я сдал сменщику письмен-

ный стол в штабе, последний раз вычистил форму и подшился, прикрутив на грудь новенький знак "За отличие в службе". Все утро старательно паковал в припасенный ящик яблоки, виноград, персики, кизлярский коньяк и черную икру.

Когда я уже тащил сумки к аэродромному автобусу, мне встретился подполковник. Он топтался у дверей штаба. Мимо сновали наши "крутые уокеры", увешанные оружием, с охотничьими ножами в ножнах, рациями в руках, в разгрузках, полных снаряженных магазинов и гранат. Через полчаса я улетал плановым транспортником и уже к обеду надеялся быть в Москве. Подполковник оставался здесь, как говорили, уже третью командировку подряд. Оставался, чтобы таскаться, как Сталкер, в эту черную дыру, называемую гордо Республика Ичкерия. Сегодня его, видимо, опять не пускали в штаб, и он с надеждой смотрел на меня. Впрочем, я уже сдал свой пропуск, не знал сегодняшнего пароля и, улыбнувшись ему на прощание, лишь пожал плечами.

От шоссе к части дорога короткая. Не улица и даже не переулок. Метров пятьдесят асфальта упираются в зеленые ворота с красной звездой. Нет у этого отрезка никакого официального названия, но с чьей-то легкой руки имя ему дали: "Улица павших бойцов". Наверно, потому, что сразу за воротами стоит обелиск из черного

камня с полутора десятками фамилий погибших на последней войне солдат и офицеров. И строй, идущий из палаток на плац или в столовую, никак памятника не минует и, поравнявшись, по команде старшины начинает печатать шаг.

Старший лейтенант Николай Федосеев, кавалер ордена Мужества, ротный-2, постучал в дверь кабинета командира полка. Не дожидаясь разрешения, шагнул через порог. И когда увидел за столом напротив командира полка подполковника, прибывшего в их полк с проверкой, у него аж скулы свело. Подполковник только что побывал на занятиях в его роте. Сидел за последним столом, что-то чиркал в большом блокноте, потом стал шумно пыхтеть, а под конец дал команду:

— Ротный! Занятия прекратить, распустите личный состав.

Солдаты радостно гурьбой повалили к выходу. А теперь вот этот проверяющий подполковник наверняка успел накапать на него командиру. И блокнот тот, с занятий, лежит на столе раскрытый, и подполковник по нему пальчиками, как по клавишам пианино, барабанит.

Старший лейтенант представился, но командир лишь махнул рукой на стул.

— Садись, Федосеев, что там у тебя? Опять куролесишь?!

Николай только вздохнул. Сейчас начнут драть.

И точно, подполковник сразу заговорил:

— Старший лейтенант, вы что же? Планы занятий определены на весь период обучения. Они утверждены. Значит, это приказ. И не надо никакой отсебятины...

Подполковник поднялся и, продолжая выговаривать, стал ходить по кабинету. Старший лейтенант тоже поднялся. Невысокий и щуплый, он вытягивался по стойке смирно и лишь поворачи-

вался вслед расхаживающему подполковнику.

— ...Есть же конспект, методички. А называть солдата "салабоном" нельзя, это и методически неверно. Вы, старший лейтенант, какое училище заканчивали?

Во рту оказалось неожиданно сухо и горько. С трудом слотнув, Федосеев глухо доложил:

— Пищевой техникум. Потом экстернат при училище, полугодичный.

— У тебя какая тема занятий по плану? — спросил командир полка.

— Конституция Российского государства — основа стабильности современного общества.

— Так, а ты о чем рассказывал?

— Как в Чечню входили. О боях в горах...

— Вот, вот, — удовлетворенно подтвердил проверяющий, — тема, конечно, хорошая, жизненная. Я тоже побывал в Чечне...

Федосеева качнуло так, что он ухватился за спинку стула.

— Федосеев, — громко и четко сказал командир. — Иди в роту. Иди, доложишь комбату — и домой. Скажи, я отпустил.

Когда ротный ушел, подполковник, вздохнув, бросил:

— Кулинарный техникум... Нет, я понимаю, на войне было не до учебы. Но сейчас-то поднатаскать можно! Где комбат? Почему его на занятиях нет?

— Увольняется комбат.

— Пойдите. — Проверяющий пролистал блокнот. — Ему ж и тридцати нет. Только майора получил.

— Осетино-ингушский конфликт, потом Чечня. Пять лет и все год за три....

За широким окном раздался рев моторов. Два бронетранспортера в пятнах камуфляжной раскраски сорвались со стоянки. Каждый гроздью облепили бойцы в масках, бронезилетах, увешанные оружием. БТРы летели через

плац. Солдаты на КПП натужно растаскивали створки ворот. Они едва успели открыть проход, и машины, не снижая скорости, выскочили за ворота.

— Куда это они?! — удивился проверяющий. — Вот она, партизанщина, — с горечью заключил он и повернулся к командиру: — Вы почему отослали ротного?

— У него контузия, вы на него лучше не давите.

— Контузия?! Но солдаты-то не виноваты. Увольняйте, если контузия, уж 50 процентов пенсии будет.

— Это от оклада ротного-то? — усмехнулся командир.

— Ну а так, не война ведь, ему учить солдат надо, а чему он научит? Будет все рассказывать, как Берлин брал?

— Не война...

На окраине города, среди частных домов построили многоэтажку. Здесь теперь так и говорили — район высотки. Хотя было в высотке лишь семь этажей, но по местным масштабам — небоскреб! Федосеев на шестой, предпоследний, этаж поднялся пешком. Запыхался и, прежде чем нажать кнопку звонка, решил отдышаться. Но дверь неожиданно открылась. Мужчина за порогом загородил собой весь проем. Огромное тело нависало над казавшимися неожиданно тонкими костылями.

— Здорово. Проходи, пыхтишь как паровоз, я тебя еще с третьего этажа слышал.

Инвалид повернулся, уступая дорогу в тесной прихожей.

— Да ладно, Серега. — Старший лейтенант пожал протянутую руку, зашел и стал привычно пристраивать куртку. — Услышал он... Торчишь у окна целый день, как в засаде.

— Чай будешь? — Инвалид, привычно перекидывая костыли, перебрался на кухню и хлопотал у плиты, ухитряясь работать обеими руками.

— Ловко, — одобрил Федосеев. — освоился.

— А то, вот и машину с ручным управлением в следующем году обещают, тогда и в город выезжать буду.

— Тут в полк звонили, искали тебя, какая-то местная организация ветеранов-инвалидов. — Федосеев взял чашку, потянулся за сахаром. — Говорили, не отзывается, на письма не отвечаешь, мероприятия игнорируешь.

— Да ну их, — скривился Сергей, — подружились кривой с хрым. Что в полку-то нового? Что-то ты рано.

— Проверка комплексная. Всех забодали.

— И тебя достали? — весело спросил инвалид.

— Да Бог с ним, — махнул рукой старший лейтенант. — У нас вчера последний солдат уволился, что в Чечне воевал.

— Вроде поздно уже? — удивился Сергей. — Мы же, помнишь, прикидывали, уже все срочники ушли.

— Он в госпитале был, в последних боях в августе зацепило. Только сейчас оклемался, заехал за документами, чтоб уволиться, ну и на льготы там, справки...

— Это сколько ж в полку "чеченцев" осталось? Ведь двух лет не прошло.

Инвалид привстал на костылях, достал из шкафчика початую двухлитровую пластиковую бутылку, наполовину заполненную темной, цвета чая, жидкостью.

— Коньячок, ребята прямо с завода привезли, — пояснил он.

— Что? — очнулся задумавшийся старлей. — Да, все меньше нас. Прапорщиков так вообще человек пять, офицеры... вот комбат пенсию набрал и уходит. Куда-то в охрану. И сам тут порой думает...

— Да, все меньше наших, — вздохнул инвалид.

— Я не о том, — ротный досад-

ливо махнул рукой. — Вот пополнение пришло, смотрю на них, думаю, ведь если опять начнется, по новой нас покروشат...

Он решительно отвел от чашки горлышко бутылки.

— Нельзя мне. Тут и на трезвую голову порой накатит...

— Думаешь, снова начаться может? — засомневался Сергей, щедро плеснув из бутылки в свою чашку. — Я тут все новости гляжу. Ты по ящику не видел, вчера показывали...

— Да не смотрю я телевизор. Все вранье. Там я тебе видеокассеты принес, ребята передали. Боевики, как просил.

Они поднялись. Сергей пошел первым, в два приема добравшись до комнаты, бутылку он прихватил с собой. Федосеев в прихожей достал из карманов куртки кассеты. В комнате пришлось включить свет: за окном резко потемнело и пошел снег.

Строй солдат заходил в ворота части. Наверно, шли из бани. Лица у всех красные, а может, просто потому, что дул резкий встречный ветер. Мокрый снег летел большими хлопьями. Он полностью покрыл обелиск. Из черного тот стал белым, ни одной фамилии не было видно на камне. Строй солдат поравнялся с памятником и, не дожидаясь команды, начал печатать шаг.

Приятель из учебной части под Питером уговорил меня пойти по грибы. Вроде и осень уже, но, по его словам, не все еще в лесу вымели.

Заядлым грибником я никогда не был, просто перед зимой хотелось надышаться про запас лесом. Приятель же напирал на грибы, на то, что есть одна заветная низинка, где на каждой кочке гриб, от утренних холодов словно хрустальный — дашь берцем, а он аж звенит.

Насчет звона я усомнился, но возражать не стал. Дачный сезон уже заканчивался, полупустая грязная электричка еле тащилась, останавливаясь у каждого столба.

От станции еще надо было ехать минут двадцать на автобусе, обшарпанном "скотовозе" с реликтовой надписью над дверью: "За безбилетный проезд — штраф 3 рубля".

— Осколок прошлого, — восхитился друг, — жили же люди!

Он держался за сломанный поручень и аж губами причмокивал от зависти к тем заповедным временам.

Автобус нещадно трясло. Он проваливался в очередную яму, и казалось, вот-вот рассыпется. Но, поднатужившись, вышлюнув сизый дым частью в сосновый лес, частью в салон, машина выползала на дорогу.

Мы сошли у озера.

Грибы в низинке действительно были. Пусть не на каждой кочке, но торчали темные в хвойных иголках шляпки то здесь, то там. Задубевшие за ночь грибы не срезались, а выламывались целиком и потом лежали в корзине друг на друге твердо, как деревянные.

Мы разбрелись. Приятель в своем камуфляже порой терялся из виду, потом появлялся, ступая берцами по мху осторожно, словно по минному полю.

Наконец доползло до верха солнышко. Теплее не стало, лишь посветлел разноцветный осенний лес.

— Привал, — подошел ко мне напарник.

Плянули друг к другу в корзины. Было ровнень, вполовину.

— Куда их, на закуску? — спросил я.

— Да ну! На поджарку да на суп грибной детишкам.

— Во! — удивился я. — Ты ж полгода назад холостой был. Когда успел?

— Не, — засмеялся он, — пока не окольцован. Это хозяйке, отдам ей, пускай мне сжарит, ну и своим.

Видно, хозяйка его сегодня и собирала: нехитрая снедь была у него аккуратно упакована в бумажки: отдельно бутерброды с сыром, отдельно — с колбасой.

Перекусив, двинулись дальше. Искать грибы стало лень, и мы просто шли рядом. Друг плюнул на яркий мухомор, нагло торчащий у самой тропинки.

— Вот погань. Всегда так: хорошее появится — срежут в момент, а всякая дрянь стоит, — сказал он и сразу перескочил на свое. — У нас в полку половина офицеров по общагам рассована или комнаты, дачки снимают. И я снял. Двухкомнатная квартира, комнаты смежные, так баба с тремя детьми в проходной, а я в дальней комнате. Лето, духота, вонища, а дети дома сидят. А квартира! Мебели ноль, решил, алкаш живет. Аванс, говорит, за два месяца дай. Дал. Та удрала, думал за бутылкой. А она мешок картошки волокет, крупы какие-то. Так дети эту картошку еще несваренную из кастрюли хватали... — Он нагнулся, сломал гриб, повертел в руках. — Черт его знает, съедобный, нет?.. Я им тушенку нашу времен Бородина, что в солидоле... Думал, комнату сниму девок водить, а тут аж в душе ломит... А, черт! — зло закрычал он, проваливаясь по колено в яму. И матюгнувшись, счистив кое-как грязь, зашагал дальше, осторожно проверяя палкой подозрительные места.

Исходив низинку вдоль и поперек, мы набрали почти полные корзины. Было и приятно, что быстро управились, и обидно, что лишь чуть-чуть не хватило до верха, так, чтобы с горочкой. Можно, конечно, как многие грибники, навалить на дно корзины шишек и идти гоголем, да время еще было, и, оставив низину, мы пошли в лес. В нем, хотя и трудно что-то угледеть среди опавшей разноцветной листвы, все же должны были быть свинушки. Приб этот непопулярный, но если его грамотно засолить...

Но грибов не было, хотя по лесу явно никто до нас не ходил. Вскоре, пройдя с полкилометра, мы уткнулись в высокий сетчатый забор. За ним виднелись каменные трехэтажные дома.

— Вот гадство! — ругнулся друг, пробираясь вдоль сетки. — Тут целый город, обходи теперь.

Забор тянулся, теряясь между деревьями, потом мы вышли к пролому. Огромное дерево, завалившись на сетку, подмяло ее, открыв проход на территорию.

Мы переглянулись. Бог его знает, что здесь такое, ладно, окажется войсковая часть, удостоверения личности с собой, отпустят, а если городок охраняется собаками? Да уж больно не хотелось пробираться дальше вдоль забора или возвращаться к дороге через низину.

Была не была. Мы вскарабкались на дерево и, словно по мосту, перебрались за ограду.

Пробегая между домами, невольно остановились посреди широкого двора. Стоявшие квадратом дома смотрели на нас тусклыми стеклами давно не мытых окон. Дома, да и весь городок, были брошены, причем брошены в спешке. На траве валялись втоптанные в землю игрушки. Машинки, деревянный паровозик с вагонами у развороченной песочницы. В слежавшемся песке ос-

талась сидеть кукла с оторванной рукой.

У стоявших в стороне умывальников с облупившейся краской была свалена посуда. Тарелки и кружки, маленькие эмалированные кружки с нарисованными ягодками. Все ягодки разные, видно, чтобы малыши не путались, где чья.

Потянул ветер, и сразу ответно заскрипела дверь в ближайшем доме. Невольно показалось, что выбегут сейчас из-за нее детишки, построятся под нарочито строгими окриками воспитателей и зашагают к озеру.

Вокруг не было ни души. За открывшейся дверью беспорядочно стояли детские кровати, тумбочки.

— Эпидемия, что ли? — спросил я, чтобы не молчать.

— Ага! — удивленно подхватил друг, за десять лет службы где только не побывавший. — Прямо как в Чернобыле.

Он подошел к дому, ухватился за высокий карниз, подтянулся и заглянул в окно.

— Представляешь, все цело, — растерянно сказал он, тяжело спрыгнув вниз.

— А где же дети? — не унимался я.

— Как где? — нехорошо усмехнулся друг. — На Канарах, в Болгарии на Золотых Песках. Да ладно, — продолжил он почему-то хриплым голосом, — ты лучше глянь, какие маслята.

Протоптаные тысячами детских ног тропинки были усыпаны маслятами, крепкими, скользкими, сидевшими стайками среди сосновых иголок.

Мы быстро добрались корзины и торопливо пошли к станции. Над оставшимися за спиной распахнутыми воротами городка голубела потускневшая надпись: "Добро пожаловать!". Мы шли все быстрее. По сторонам дороги стояли старые пионерские лаге-

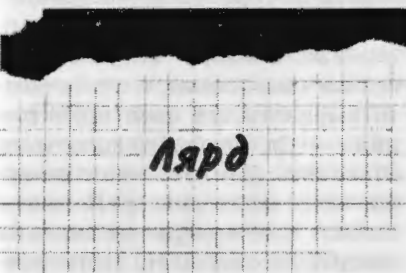
ря, все с открытыми воротами и пустые, лишь названия чередовались на столбах: ...детский оздоровительный лагерь объединения имени Карла Маркса... Металлического завода... "Голубая стрела" Ленинградского метрополитена... Арсенала...

Потом эта Пионерская улица, как было написано на уцелевших указателях, резко свернула и вывела нас к шоссе.

Солнце растопило грязь, и до станции мы добрались вымазанные по уши. В ларьке у платформы взяли по банке немецкой водки, чтобы окончательно отойти, согреться. Выпив, друг зафутболил пустую банку на рельсы, чтоб ее раздавило поездом.

— Не было ничего, — зло сказал он непонятно о чем, — нет и никогда не было.

Согревшись, мы залезли в электричку и всю дорогу до Питера молчали.

К пятидесятилетию Победы в войсках отыскивали ветерана. Последнего. Он, как призвали на срочную красноармейцем в 1940 году, так и тянул до сих пор лямку. И сегодня служил старшим прапорщиком. А выслуги у него с учетом войны было в три раза больше, чем мне, лейтенанту, лет.

Его бы давно с почетом уволили в запас, да полк их стоял за городом, далеко от глаз начальства. Дед, как звали его в части, не вы-

совывался, а при проверках и наезжающих время от времени комиссиях попросту прятался в своей каптерке — от греха подальше.

Но к юбилею кадровики Деда отыскали, приказали начистить потускневшие фронтовые медали и стали возить по президиумам торжественных собраний. В один из дней завернули и к нам, в окрестную газету, чтобы я, ее корреспондент, быстренько, к Девятому мая, сделал о ветеране очерк.

Дед бойко наговаривал на диктофон воспоминания: о том, как его призвали сразу после финской войны на границу, как он в патруле в блокадном Ленинграде задержал вражеского ракетчика, подававшего сигналы фашистским бомбардировщикам, о годах службы после войны.

Воспоминания кончились, как и пленка в диктофоне. Ветерана должны были забрать на очередное торжественное собрание, и пока машина не приехала, мы пили чай. Я чисто по инерции интересовался уже для себя: видел ли он маршала Берия? Какая ему за такую зверскую выслугу положена пенсия? И о том, что же было такого на той давней войне самого страшного.

— Страшного? — переспросил Дед, ломая сильными узловатыми пальцами сушки. — Страшного-то, конечно, на войне много.

Он покосился на выключенный диктофон и неуверенно, как бы решаясь, продолжил:

— Мне, лейтенант — ты уж прости, что я так запросто, не по уставу, — так мне ж главный страх после войны вышел.

— СМЕРШ, особый отдел? Репрессии? — деловито переспросил я.

— Да не... — досадливо махнул рукой Дед. — Это, слава Богу, не задело. Я ж женился тогда, в сорок пятом, в июле, аккурат после войны, тогда и приключилась со мной эта штука...

***

Ах какое лето стояло в Ленинграде в 1945 году! Жаркое и прозрачное. А красные флаги как повесили еще на Первомай, так и висели до Дня Победы и дальше, словно праздник продолжался все лето. На вокзалах цветами и оркестрами встречали первые поезда с возвращающимися фронтовиками. И хоть обычные, пассажирские поезда еще толком и не ходили, из эвакуации потихоньку ехали те, кому удалось вырваться на Большую землю в страшные блокадные годы.

Старшина Егор Кондеев повел ладонями по ремню, поправляя парадный китель. Перед зеркалом надел новенькую с васильковым верхом фуражку и невольно коснулся рукой медалей. "За боевые заслуги", "За оборону Ленинграда" и "За победу над Германией". Все три на месте. Новые сапоги сверкали наготове у выхода из каптерки. Егор натянул сапоги, поднявшись, словно проверяя, притопнул и заправил галифе такого же, как и фуражка, ярко-василькового цвета. Потом прошелся по голенищам бархоткой — навел лоск. Напоследок поднес кусок зеркала друг ефрейтор Славка Копцевич и сам же показал большой палец — хорошо.

А дальше старшина взял давно приготовленный сидор, предъявил на КПП увольнительную на три дня и зашагал по бульвару Профсоюзков, бывшему Конногвардейскому. Сидор он закинул на плечо. Лежало в нем целое богатство: отрез офицерского сукна, две буханки черного хлеба и банка тушенки. Это свое, выменянное и сэкономленное. Остальным старшина разжился на толкучке у Сенной площади. Теплый пуховый платок, бутылка водки и сладкого вина, батон ситника. Отдельно в кармане кителя лежало золотое колечко. Простое, тонень-

кое в ниточку, без камушка, как и требовалось сегодня.

Путь был недолог: через мостик, мимо разрушенного бомбой дома и дальше переулком до улицы Декабристов, к которой углом примыкал нужный старшине дом. В крайнем распахнутом окне второго этажа торчало несколько детских головок. Увидев вышагивающего старшину, дети бросились в глубь комнаты, а в окне появилась девушка в белом платье. Когда старшина остановился под окном, перегнулась через подоконник.

— Вот и жених! — прыснула она и исчезла.

Старшина поправил фуражку и зашел в подъезд.

На лестнице Егор поднял руку к гирлянде звонков у двери. Но дверь открылась без звонка. Открыла та самая девушка и, не пропуская старшину, завертелась на пороге в своем белом приталенном по фигуре платье. Девушка строго взглянула на старшину, и тот, кашлянув в кулак, смущенно бросил:

— Люд, ты чего, ведь люди ждут уже.

— Подождут, — строго заметила она. — Как платье? Подруга за ночь скроила.

— Блеск! — заключил старшина, еще раз оглядев девушку, и полез в карман за кольцом.

От прежней анфилады остались широкие двустворчатые двери между комнатами коммуналки. Сегодня от них оттащили шкафы, и свадебный стол растянулся на две комнаты. На табуретки по его краям положили доски, и места хватило и гостям, и всем тридцати шести жильцам коммуналки.

Во главе стола жених и невеста: Егор и Людмила. С одной стороны от них тетка Людмилы, с другой подсел поближе к Егору, а скорее к стоявшей напротив бутылке инвалид войны Харченко,

тоже с медалями. Дальше сидели соседи, подруги Людмилы. Из его части никого не было. Не отпустили. Пришли лишь двое знакомых кладовщиков из других частей, таких же сверхсрочников, как и он. Было шумно и весело. За нехитрым столом с винегретом гуляли до вечера. Заставляли целоваться жениха и невесту так часто, что у них опухли губы. Потом, впрочем, о них уже особо не вспоминали. Пели, плясали, не уставали заводить граммофон. Окосевший инвалид наставлял Егора, что поскольку у Людмилы отец погиб на фронте, а мать померла от голода в блокаду, то он, Егор, должен быть ей не только мужем, но и отцом, и матерью. Старшина степенно соглашался, протягивал инвалиду шикарную пачку "Казбека". Инвалид, хоть и пьяный, ухватывал разом три папиросы. Одну курил, остальные прятал про запас. Потом принесли от соседей трофейный, весь в перламутре аккордеон. Лишь ночью, напешись и напльсавшись, гости разошлись. Инвалида Харченко Егор отнес в его крайнюю комнату.

Когда свернули стол, шкаф поставили поперек, поделив комнату. Одна половина — тетке Людмилы, вторая — молодым. Тетка сразу, как управилась с перестановкой, легла и затихла на своей половине. Людмила стелила постель. В комнате стоял полумрак. Ночи летом в Ленинграде светлые. Старшина, расстегнув китель, сидел на стуле, следил взглядом за невестой, кашлянул, достал и разломил пачку "Казбека".

— Я, Людмила, так думаю, жить мы в Ленинграде будем. Поскольку к моим не поедешь, пожгли немцы деревню. Когда еще отстроятся. Так что здесь на сверхсрочную останусь, все-таки положение официальное. Шутка ли, начальник продсклада. Опять же армия — организация надежная:

и обмундирование, и паек. И платят мне, как военному НКВД, на пятнадцать процентов больше, чем другим. Ну а ты учись, заканчивай пока свой техникум.

Он говорил, и самому было приятно, какой он серьезный и основательный. Глава семьи.

Людмила, закончив хлопотать, сидела на краю кровати.

— Егор, а ты как любишь спать, у стенки?

У старшины руки неожиданно дрогнули. Он нарочито медленно вложил в пачку так и не закуренную папиросу.

— Я, Людмила, в этом вопросе...

Начав, он так и не нашел, что ответить, встал, подошел к окну и резким движением задернул темные, еще со светомаскировки, шторы...

Три дня спустя старшина Егор Кондеев, как и было указано, вернулся в часть. Он сдал увольнительную и первым делом пошел к себе в каптерку. Ефрейтор Слава Копцевич, увидев в дверях друга, подскочил, бросился навстречу.

— Ну как, женатик?

— Эх, Слава, — старшина повел плечами, словно и слов не было выразить все свои впечатления. — Да что тебе, холостому, объяснять. Дом, это же не казарма, жена не командир. Комроты сказал, мне теперь увольнения каждый выходной. На сверхсрочную оформлюсь и вовсе каждый вечер дома. А хочешь...

Они уже заботали чай в литровой банке, сидели у стола, и старшина все рассказывал об этих трех днях и о том, какая у него замечательная невеста, вернее, теперь уже жена.

— ...Хочешь, с подругами ее познакомлю. Также на сверхсрочную останешься.

— Нет, Егор, я, как увольнять начнут, в первых рядах. И прямым ходом домой, в Белоруссию. Девчонки и на Полесье есть.

— Как тут? Справился без меня? — перешел к делам старшина и повел носом. — Что-то от тебя запашок вроде?

— Да посидели в выходные, там одному, с третьей роты, самогонки привезли. Хорошо тут у тебя, спокойно, всех гоняют, а ты знай себе на счетах щелкай. Выдал-принял. Да не бойсь, на складе все как в аптеке, продукты выдал, в книгу записал, приход-расход, держи. — Он положил на стол связку ключей. От продовольственного склада, холодильной камеры, весовой.

Егор взял ключи, оглянулся на опечатанную дверь. Посидел в нерешительности. Сладко потянулся и зевнул.

— Чтой-то меня разморило. — Он поднялся, хлопнул Славку по плечу. — Пойду-ка я в казарму, отдохну. — Он еще раз широко зевнул и под понимающую улыбку приятеля вышел из каптерки.

На следующее утро старшина Кондеев с раннего утра был на складе. На выходные продукты в столовую выдали вперед. Теперь в понедельник в весовой толпился народ. Повар, начальники караулов за сухим пайком, начальник службы собак. Кондеев еле успевал, сверяясь с раздаточными ведомостями, бегать на склад и обратно. Наконец, выдав мелочевку и отпустив начкаров, он стал отвешивать продукты в столовую.

Повар, плотный и краснолицый, с редкими усиками, под сорок лет сержант, пристально смотрел на стрелку весов. Когда вешали масло и Егор под толстый желтый брусок подложил лист бумаги, повар тут же сунул такой же под гири. Грамм! Егор покрутил головой и бросил ему сверху на брусок довесок с ножа, грамм на десять. Сержант поднял голову от весов, посмотрел на Егора.

— Убери. — сказал он наконец. Потом долго ждал, когда установится стрелка и, сняв масло, акку-

ратно завернул его в бумагу.

Потом вешали мясо, крупы. Помощники повара, два призванных уже после войны из Ленинграда первогодка (их и пристроили на кухне, чтобы подкормились), увезли на тележке продукты, а Егор все шарил по кладовке.

— Что там еще? — не выдержал повар.

— Да лярд. — с досадой отозвался старшина, — был ведь ящик, только открыл.

— Лярд, — подтвердил повар, глянув в ведомость. — Лярд получить осталось, килограмм двести. Три пачки.

Наконец Егор не выдержал, выволок со стеллажа и распечатал новый ящик, содрав плоскогубцами жестяные полосы окантовки.

Когда повар наконец ушел, Егор, взяв амбарную книгу и карандаш, стал сверять наличие продуктов на складе. Работы было не на один час. Когда он наконец управился, аккуратной галочки в книге не стояло лишь напротив лярда. Импортного свиного жира, получаемого из Америки по ленд-лизу. Не хватало одного ящика из трех, на сорок кило, сто аккуратных пачек по четыреста грамм. Егор вытер вспотевший лоб и снова стал пересчитывать продукты в кладовой.

— Егор! Ты где там зарылся? Или решил после домашних харчей на обед не ходить?

Старшина поднял голову от полка. На пороге стоял Славка Копцевич.

— Ты чего? — не дождавшись ответа, повторил он. — Сказал бы, что не пойдешь, я бы твою пайку задвинул, за милую душу.

— Славка, ты лярд не видел? Здесь у двери ящик распечатанный стоял.

— Лярд? — переспросил ефрейтор. — Да Бог его знает. Тут перед выходными человек двадцать топталось, я как пчелка на склад и обратно летал.

— Ящика не хватает.

— Иди ты! — Славка аж присел на стоявшую у двери колоду для рубки мяса. — Это что ж, сперли, что ли? Ты еще раз все посмотри.

— Да смотрел уже, — махнул рукой Егор и, подтащив ящик, сел рядом. — Скажи лучше, при выдаче не заметил ли чего?

— Да как обычно, — пожал плечами Копцевич. — Я-то и не смотрел по сторонам, все считал, не перевесить бы кому, лишку не дать...

Он было замолчал под взглядом старшины, но тут же обиженно продолжил:

— Егор, ты что, на меня думаешь? Тут же, сам говоришь, целый ящик. Куда его?.. Я и из части эти дни никуда...

Старшина неожиданно вскочил, бросился в угол, где лежала пустая тара, ветошь для уборки. Раскидал все, переворошил и обреченно вернулся на место.

— Вот что, — хлопнул себя по лбу Копцевич, — осенило, надо этот лярд собрать.

Егор непонимающе глянул на друга.

— Ну, у тебя же бывает, что-то на замену идет, маргарином там лярд заменяют, маслом, да и на рынке можно прикупить.

Егор ненадолго задумался.

— Слава, ты только никому не проговорись. А то узнают, сразу ревизия и под суд.

— Само собой! — кивнул Копцевич. — Могила.

Егор не пошел и на ужин. Да и чего идти, кусок в горло не лезет. Из того ящика он успел выдать лишь шесть пачек. "Значит, ушло в столовую два кило четыреста. Остается девяносто четыре пачки, 37 килограмм шестьсот грамм. И вырисовывается хищные государственной собственности в крупных размерах лет на десять тюрьмы. — Он ладонью вытер разом вспотевший лоб. — Ну

скосят, как фронтовику, лет до семи. Семь лет! А жена, Людмила, как с ней?"

И словно отозвавшись, по лестнице, ведущей к продкладу, загрохотали сапоги. Егор весь сжался. В открытую дверь зашел посылный, из молодых. Приложил руку к пилотке и четко доложил:

— Товарищ старшина, вам приказано явиться к дежурному. — И, уже опустив руку, добавил: — Там девушка вас, товарищ старшина, на КПП ждет.

На КПП дежурный без лишних слов махнул в сторону комнаты посетителей. На лавке с большой сумкой на коленях сидела Людмила. Увидев мужа, она подскочила и бросилась навстречу.

— Ну ты чего, чего? — обнял ее Егор, косясь в сторону часового за дверью.

Тот, впрочем, равнодушно отвернулся.

Они сели рядышком на стулья.

— По карточкам муку давали, так я тебе оладий напекла, — достала из сумки бумажный пакет Людмила. — вкусные...

Егор на секунду задержал в руках ее руку с подаренным колечком на безымянном пальце. А жена, освободив руку, протянула пачку "Казбека".

— Ты что? Ты зачем такие дорогие купила? Да ты знаешь...

Старшина не заметил, как перешел на крик. В комнату озабоченно заглянул часовой.

Людмила, опешив, глядела на Егора с раскрытым ртом.

— Ты же сам говорил, что теперь, когда семейный и как сверхсрочник, только эти курить и будешь.

Они помолчали.

— Ты вот что, — с трудом выговорил старшина, — у вас с теткой ценностей нет каких, золота там или денег?

— Егорюшка, так голод же был какой, блокада, все на хлеб сменяли. И мамино, и тети. Отца портсигар уже после похоронки на рынок снесли..

Жена говорила виновато словно оправдываясь, что оказалась бесприданницей. Егору неожиданно стало стыдно. "Может, сказать?" — мелькнула мысль.

— Егор, а Егор, у меня же стипендия через неделю.

Они помолчали.

— Люд, я в выходные прийти должен был, в увольнение, так если не придут...

Он, не договорив, поднялся и пошел в часть. Когда в дверях оглянулся, жена плакала.

В каптерке старшина прикинул, что можно продать на толкучке. У него была парадная форма, часы, что подарили на свадьбу. Пожалуй, и все. У жены... там все ясно. Дома — погорельцы, живут в землянках.

Прибежал после ужина Славка Копцевич.

— Держи. — протянул несколько кусков хлеба. — Тут наши пайки. И еще двумя у ребят разжился.

— Хлеб?.. — усмехнулся Егор. — Что, его в обертку от лярда, что ли, завернуть?

— У тебя ведь ревизия в начале месяца была? — уточнил ефрейтор. — Когда следующая, знаешь?

— Где-нибудь через месяц, — пожал плечами старшина, — если внезапной не будет. Тут не угадаешь.

— Ну за месяц-то что-нибудь придумаем, — продолжал утешать друг.

На следующий день в девять утра на складе, как обычно, получали продукты. Выдавая масло, старшина нарочно постелил на весы три слоя бумаги, положив желтый брусок, хотел снять его, пока еще качалась стрелка. Но, наткнувшись на жесткий взгляд повара, остановился. Пришлось добавить пятнадцать грамм до нормы. Повар аккуратно завернул масло.

— В другой раз бумаги поменьше клади, — буркнул он напоследок.

Вместо лярда под замену Егор выдал ему пачку маргарина.

Начальникам караулов ушло вместо двух пачек лярда одному банка тушенки, второму лишняя буханка хлеба. С завтрака Копцевич притащил еще хлеб. Вечером Егор чувствовал себя разбитым. Голова от бесконечных переводов в граммы норм разных продуктов раскалывалась. За день ценой всяческих ухищрений удалось со всеми пересчетами сэкономить полпачки лярда.

На следующий день Егор решил обойти часть. Конечно, укромных мест в старых, еще царской постройки, казармах было столько, что не то что ящик, слона можно спрятать. Но что-то делать было надо. Да и верный Копцевич поддержал идею и даже прикинул, кто из них где пошарит, посмотрит, не валяется ли разломанный ящик или обертка с украденных пачек.

За собачьими будками был проем, туда обычно осенью закидывали дрова про запас, а сейчас там было пусто. Егор прошелся. До этого он где только в полку не побывал. И теперь подковыривал слежавшийся мусор уже равнодушно, от безнадёги. Собаки в будках не лаяли. Кроме дрессировщиков они отличали командира полка, полкового ветеринара, поваров и его, Егора. Когда он вышел из-за будок, увидел прохаживающегося взад-вперед капитана Суковатых, из СМЕРШа (смерть шпионам). Капитан остановился и левой рукой поманил Кондеева.

"А его, оказывается, тоже собаки привечают", — мелькнуло в голове.

Старшина на негнущихся ногах подошел к капитану и доложил.

Капитан внимательно, словно первый раз видел, посмотрел на старшину и протянул левую руку.

Правая рука была у него пока-

лечена. Он вообще мало с кем здоровался, а из солдат и сержантов лишь с фронтовиками, протяживая здоровую руку.

— Говорят, ты женился, Кондеев?

— Так точно, товарищ капитан.

— Ну так ты, сам знаешь, в полку НКВД служишь. Давай рассказывай. Кто невеста, родители, родственники...

Командир роты, как и обещал, отпустил его в субботу в увольнение. До толкучки на Сенном рынке было три минуты ходу. Егор в старой форме пробирался через плотные ряды торгующих. Куда приятнее было неделю назад ходить здесь в парадке, прицениваясь к кольцу, недоверчиво щупать платок и сбивать цену.

Ему припомнилось: в сорок третьем, зимой в патруле, обходя темные, словно умершие, кварталы блокадного города, они вышли на Сенную. Здесь неожиданно оказалось многолюдно. Не вся площадь, как сегодня, но ее центр был полон людей. Какие-то странные, совсем неистощенные, похожие друг на друга мужчины в драповых пальто с поднятыми воротниками и полушубках переминались с ноги на ногу. У некоторых в руках были мешки. У других в свертке, цепко удерживаемом под мышкой, угадывалась буханка хлеба. Восемь иждивенческих норм. Были здесь и женщины, блокадницы, все с вещами, видно, принесенными на обмен или продажу. Какие-то статуэтки, утварь. Тощая, несмотря на наверченное на себя тряпье, старуха застыла у швейной машинки.

Мужики деловито приценивались к добру, один уже паковал в бумагу большую, в размах рук, картину в красивой золоченой раме...

Егор, словно очнувшись, невольно тряхнул головой, отгоняя воспоминания. А рынок гудел, че-

рез одного продавали форму, несмотря на лето, трясли телогрейками. Было много перелицованной из мундиров женской одежды. Но покупали лишь яркие трофейные вещи, привезенные первыми вернувшимися из Германии и Австрии фронтовиками. Продавцов было много, куда больше покупателей. Егор протиснулся через весь рынок, неся на согнутой руке свою вычищенную, наглаженную парадку и сапоги. К вещам так никто и не приценился. Наконец он догадался сдернуть с головы васильковую фуражку.

Форма ушла за четыре пачки лярда, еще две ему дали за часы и пять за сапоги. Дело провернул один из сновавших в толпе "жучков". Молодой парень, лет двадцати, в огромном клетчатом пиджаке, который называли американским. Выяснив, что нужно старшине, брезгливо повертев часы и наконец сторговавшись, он быстро притащил откуда-то с продуктовых рядов лярд.

"Не мой ли?" — мелькнула у старшины мысль. Но он все равно был доволен. Тем, что быстро разделался с делом. Что удалось вернуть еще немного. Что сейчас зайдет в часть и можно будет идти в увольнение дальше. Нет, даже не в увольнение, а домой, к жене. Да и достать оставалось уже меньше, еще восемьдесят две пачки лярда.

На КПП Егора придержал выбежавший из дежурки помощник, одногодок из старослужащих. Он отвел Егора в сторону и, оглядываясь, прошептал прямо в ухо:

— Копцевича арестовали.

— Славку? За что?

"Лярд, он же про лярд все знал!" — пронеслось в голове.

— Копцевич, — помощник дежурного все шептал, поглядывая на часового. — он в своем взводе хлеб у молодых забирал. Теперь его на губу и лычку наверняка снимут.

В стене кладовой в углу, где проходила сквозь стену труба, рядом с полкой была отдушина. Если руку снаружи просунуть, до полки с трудом, а дотянешься. Знали об этом лишь Егор и Копцевич. Теперь на полке лежала буханка хлеба.

"А Славка под арестом. Значит, мне теперь одному как-то выкарабкаться надо, — думал старшина. — Еще восемьдесят две пачки. Восемьдесят одна", — бросил он взгляд на буханку.

Дома Людмила, заплакав, повисла на шее Егора.

— Думала, ты уже не придешь....

— Типун тебе на язык.

Егор прошелся по комнате.

— Тетка где?

— Ушла, чего вам, говорит, мешать. К вечеру только будет.

Она подошла к нему сзади, обняла, положила голову на плечо.

— Егор, ты на свадьбе такой красивый был, в той форме. А эта какая-то старая.

— Ты, Люд, вот что, — Егор деликатно освободился от объятий. — Сбегай за папиросами.

— Дешевые брать? Я мигом.

Обстановка в комнате была простой. Этажерка, стол, две железные кровати. Стулья и комод. Остальное. Люда говорила, погжли в блокаду.

Жена — тут все ясно, платье на вешалке и полка с учебниками. Но тетка...

На ее половине запирался только комод. Ключ тетка всегда таскала с собой. Старшина поковырялся в хилом жестяном замочке, загнал между дверцами лезвие перочинного ножа, провел им сверху вниз, поднажал, и дверца со скрипом открылась.

Сверху лежал аккуратно сложенный подаренный им отрез. Платок. Одеяло. Пухлые, набитые пером подушки. Пошарив за подушкой, старшина нащупал плотный, твердый на ощупь мешок.

Егор выволок его, распутал туго затянутую горловину. Мешок под завязку был набит сухарями...

В понедельник старшина аккуратно грамм в грамм отвешивал продукты. Когда дошел черед до повара, тот, выверив выдачу, отправил помощников с телегой, полной продуктов, и подступил к Егору.

— Ты почему лярд меняешь?

— Маргарина много завезли, — бросил старшина и протянул повару ведомость, — на, проверяй.

— А в караулы? Им-то зачем? Лярд тушенкой, тем более хлебом не меняют, — отвел ведомость повар.

— У тебя своя кухня, у меня своя. Я же тебя не учу борщ варить.

— Смотри. Друг твой. Копцевич, уже на губе. Тоже чего-то химичил. Дохимичился. Смотри, старшина...

Ближе к ночи, перед отбоем. Егор подошел к комнате дежурного.

— Разрешите, товарищ капитан?

Дежурный поднял голову, узнал Кондеева, кивнул:

— Заходи, кормилец, зачем пожаловал?

— Мне бы позвонить, товарищ капитан, по оперативному телефону, разрешите?

Капитан глянул на часы, встал, надел фуражку.

— Давай. Кондеев, звони, а я пойду отбой проверить.

Старшина прикрыл дверь, снял трубку.

— Алло. Дежурный. Дайте округ ПВО, продсклад, потом флотский экипаж...

Маленькая комната весовой была заполнена военными всех родов войск. Привалился к стене моряк — старшина второй статьи в форсистых клешах, с медалью Нахимова на синей фланелевке. Рядом летчик, старшина с кры-

льшками на погонах. Пограничник в зеленой фуражке. Артиллерист и танкист, как старшие, не по званию, по возрасту, заняли места на пустых ящиках. Остальным мест не хватило, и они подпирали стены. Стояли, переговаривались. Наконец танкист, старший из всех, лет пятидесяти, со страшным ожогом на лице и тремя нашивками за ранения на гимнастерке, откашлялся и начал силным голосом:

— Так что у тебя, чекист, случилось?

Егор принялся рассказывать про увольнение на свадьбу на три дня, про ящик лярда. Он сказал и про то, как пытался восстановить недостачу, и сам поражался своему спокойствию, словно говорил про случай, приключившийся с кем-то другим, едва знакомым.

— ...Была б война, так рапорт — и на фронт...

Старшина махнул рукой, все молчали.

Первым не выдержал моряк:

— Хорошее дело, восемьдесят одна пачка. Лет на десять потянет. Одна радость, что конфисковать у тебя нечего...

— Пропало бы сено, — среди завскладами оказался и невесть как попавший в победный Ленинград кавалерист, — вот сена хоть тонну достану.

— Сам свое сено жуй, — перебил его летчик, — что, твой ящик улетел, что ли? Ключи-то у кого были?

— У друга, да он не мог. Неопытный просто, на выдаче бегал туда-сюда, видно, и свистнули..

Молчавший до этого артиллерист свернул сигарку, пыхнул дымом.

— Ну и где сейчас твой неопытный друг, почему его здесь нет?

— На губе он. Хлеб у молодых взял, — пояснил Кондеев.

— Молодых обижать — последнее дело, — просипел обожжен-

ный танкист, — плохой у тебя друг. Чем солдат обирать, лучше бы ящик тот берег.

Танкиста слушали не перебивая.

— Так что делать будем? — Он взял у соседа самокрутку, затянулся и долго кашлял. Из глаза, что прятался над развороченной щекой, потекли слезы. — Ладно, что говорить зря, лярда у меня нет. Даю консервы, рыбные и мясные, крупы немного.

— Ну, Егорка, — поторопился обозначить свою широту моряк, — треска есть, забирай хоть завтра. Но к сентябрю уж, крайний срок, верни...

Егор едва успевал поворачиваться, чтобы поблагодарить хоть взглядом.

Разошлись все уже под вечер.

Всю неделю в полк навещались посетители к Егору. Пустым он с таких встреч не приходил, то и дело таская от КПП полный вещмешок.

Дорога на толкучку Егором Кондеевым была уже исхожена. От продсклада, мимо столовой, где повар как раз навешивает на дверь амбарный замок, через КПП и дальше, пять минут переулками. Привычно прихватив банку тушенки, старшина шел на Сенную площадь. Там уже многие в продуктовых рядах знали, что в выходные придет старшина, чтобы поменять наши и ленд-лизовские продукты, на ленд-лизовский же лярд. Дважды он покупал лярд за деньги. Один раз потратил разом стипендию Людмилы, другой... отдал все, что скупо давали старшинам в сорок пятом победном году.

Егор прошелся по ряду. Сидевший с краю на тележке мордастый безногий инвалид с подколотым пустым рукавом пиджака поманил его и достал из зажатого меж культишек вещмешка пачку лярда. Тушенка старшины тут же исчезла в вещмешке. Старшина

не уходил. Мордастый засмеялся, сунул единственную руку в вещмешок, не глядя достал и протянул вторую пачку.

Неожиданно старшина почувствовал словно укол в спину. Обернувшись, он наткнулся на ненавидящий взгляд повара. Тот стоял, держа руки в карманах, покачиваясь с каблука на носок, и в упор смотрел на Кондеева. Наконец он резко повернулся и, расталкивая торговцев, направился к выходу с толкучки.

Увольнение в этот день у Егора было до отбоя. Вернувшись в полк, он обнаружил на дверях предсклада две наклеенные крест-накрест длинные бумажки с печатями.

...— Масло сливочное, пять коробок по двадцать килограмм нетто. Упаковка целая, фабричная, вес соответствует.

— Есть, сливочное пять по двадцать.

Ревизия началась с утра. Два сержанта не из их части, но сразу видно, что кадровые, споро перебирали мешки и ящики, то появляясь, то вновь исчезая в закутках продовольственного склада. Командовавший ими младший лейтенант с химическим карандашом в руках едва успевал переворачивать большие, в газетный лист ведомости. Он пробегал графы, найдя нужную, слюнил грифель карандаша и ставил в нужном месте галочку.

Кондеев стоял в стороне, равнодушно глядя на их слаженную работу.

— Тушенка говяжья, американская, поставка ленд-лиз...

— Есть, тушенка...

— Лярд, импорт, все ящики вскрыты.

Младший лейтенант недовольно оторвался от ведомостей.

— Пересчитать по пачкам, — и повернулся к Кондееву. — Ты бы, старшина, еще селедку по хвосту

в разные места растащил.

Из-за кипы мешков выглянул один из ревизоров:

— По лярдлу недостача.

Кондеев молча протянул ему две пачки.

— Теперь ажур, — кивнул головой тот и сразу исчез. Слышен был лишь доносящийся из глубины кладовой голос.

— Гидрожир, двенадцать ящиков по двадцать килограмм нетто.

— Есть гидрожир. — Младший лейтенант пробежал карандашом по списку, лизнул карандаш и поставил в списке птичку.

"А у него язык уже весь синий от карандаша". — подумал Егор, снял фуражку и вытер потный лоб.

Офицер оторвался от бумажек, подмигнул согласно:

— Сам маюшь, лето как взбесилось, не продохнуть...

За пять с лишним лет службы Егор если и видел командира полка, то только из строя, на плацу. А так, чтобы лицом к лицу... Правда, когда медаль давали, тут он подходил, представлялся, как и положено. Но тогда ведь почти всем медаль за Ленинград давали. Он получил, а следом уж другой из строя поапет. Нет, так, чтобы один на один, у него еще не было.

Старшина навтыяжку стоял в кабинете командира. У полковника Быкова, даже когда он сидел в кресле, угадывался богатырский рост. На столе перед полковником лежал лист бумаги.

— Я, старшина, твой рапорт у командира роты забрал. — Полковник говорил тяжело и весомо. — У меня в полку, на таком месте, как предсклад, только фронтовик будет.

Командир полка, не поднимая руки, подвинул рапорт к старшине так резко, словно хотел смахнуть бумагу со стола.

Егор стоял молча, рапорт так и остался на столе.

— Ишь, герой, в строй он хочет. Не сорок первый...

Командир глянул на стоящего навтыяжку старшину, недовольно засопел, развинтил ручку-самописку, притянул лист назад и резко, вгрызаясь пером в бумагу размашисто расписался в углу рапорта.

***

Старик давно выпил чай и лишь машинально продолжал крошить пальцами уже сломанные сушки.

— И на этом та история кончилась?

— Да нет, мы с женой, считай, еще полгода с теми кладовщиками рассчитывались.

— Так как же тот ящик, так и не нашелся? — упрямо выпытывал я.

— Нашелся. — Старший прапорщик отряхнул от крошек руки. — Извини, намусорил тут у тебя.

Он отодвинулся от стола, тихо звякнули медали на кителе.

— Через год где-то после этого увольнять солдат стали, мне Славка Копцевич на вокзале и сказал. Уже в вагоне был и говорит через окно, прости, мол, Егор, это я по пьянке тот ящик взял.

— Продай, что ли?

— Сменял на Сенном, на толкучке на че-ты-ре бутылки водки. — Он так и произнес эту цифру раздельно, по слогам и даже презрительно.

— А почему не сознался?

— Так ведь кому охота в тюрьму садиться, да еще сразу после Победы.

— В тюрьму, за ящик жира? — усомнился я.

— Время такое было, строгое. — заключил Дед, и было непонятно, осуждает он те уже давние порядки или нет.

— И вы его простили тогда?

Прапорщик лишь пожал плечами.

Тут под окном скрипнула тор- мозами машина. За ветераном приехали. Очередное торжест- венное собрание должно было где- то вот-вот начаться. Все вокруг забегали. Деда под локотки пове- ли к машине.

Вскоре, впрочем, День Победы отметили, юбилейная годовщина прошла. Я потом, года через два, заехал по делам в эту часть, и за- одно поинтересовался, где Дед. Но его там уже не было. Вроде уво- лился наконец в запас, и где он сейчас, никто не знал. У них как раз прибыло молодое пополнение, и забот было выше головы.

Что-то не так

Сквозь низко натянутую мас- кировочную сетку отлично видны звезды, необычно крупные и яр- кие, какие можно встретить лишь здесь, на юге. Под сеткой стоит сколоченный из грубых досок до- бела выскобленный стол. На нем большой закопченный чайник, рядом тарелки с белым хлебом и с крупным, сбившимся в комки са- харом.

Четверо мужчин за столом до- пивают уже четвертый чайник. Двое в камуфляжных майках, один, самый старый из всех, в ко- мандирской куртке на молнии с полевыми погонами подполков- ника. Самый молодой — в новом не по росту большом, еще не об- мятом камуфляже с лейтенант- скими звездочками. Дневная ду- хота не отпустила и ночью. Каза- лось, вода тут же выступает на их коже. Плечи, лица в тусклом свете

подвешенной к маскировочной сетке керосиновой лампы матово блестят, покрытые капельками пота. Но два комбата и два рот- ных упорно, стакан за стаканом, тянут густой, крутой заварки чай.

Весь день шла передача дел, только к ночи удалось кое-как расписать по палаткам солдат. Ут- ром подадут грузовики, и полови- на батальона после нескольких месяцев, проведенных на Север- ном Кавказе, отправится колон- ной к железнодорожной станции. Второй половине, прибывшей ут- ром, предстоит несколько меся- цев нести здесь службу.

Комбат-раз, плотный, уже по- трепанный годами и изрядно се- дой подполковник, довольный, что беспокойная командировка наконец заканчивается, не в си- лах скрыть улыбку. Он так дово- лен долгожданной сменой, что ему не спится. Напряжение всех этих месяцев начало отпускать, и он уже весь в предвкушении доро- ги и встречи с домом. Меняющий его комбат-два, высокий, сутулый майор, еще не успел въехать в хлопоты и заботы службы. Ему еще предстоит устать и вымотать- ся в бесчисленных усилениях, тревогах и проверках караулов, когда сон приходится рвать на не- сколько частей, ухватывать часок днем, а то и просто, махнув рукой, откладывать отдых на потом, на дом. Впрочем, об этом майор сей- час не думает. Он хорошо, с зап- сом, выспался в поезде и теперь не торопится уходить в командир- скую палатку. И ротные сидят за столом. Старый ротный, матерый капитан, сегодня дежурит — по- следний раз перед убытием. Он то и дело снимается с места, наки- дывает камуфляжную куртку, бе- рет стоящий здесь же у стола ав- томат и идет на проверку службы. Его сменщик, молодой лейтенант, только что призванный на два го- да после института, единственный из всех, кому до смерти охота

спать. Но и очень хочется послу- шать бывалых офицеров, что они расскажут про службу в этом Бо- гом забытом месте. Когда тебя только месяц назад призвали из запаса и через несколько недель неожиданно-негаданно, повысив до ротного, бросили на дальнюю за- ставу в ногайской степи, неволь- но будешь слушать кадровых офи- церов с раскрытым ртом и мотать все на ус, которого, впрочем, у лейтенанта еще и нет.

— Все три месяца как один день, — роняет слова седой под- полковник, — и все три месяца трех дней не было, чтобы усиле- ние не объявили.

— Чичики беспокоят? — пони- мающе кивнул майор.

— Да Бог его разберет. Постре- ливают, не без этого. Чеченцы или местные, кто его знает. Больше сверху, с группировки, накат идет: то нападения ждут, то про- рыва. Обеспечить... перекрыть... отразить... усилить... сам скоро увидишь. — Он махнул рукой и потянулся за чайником.

— А я после Чечни думал уж и не попаду больше в эти места. — Майор подставил свой стакан под янтарно-черную в полумраке чайную струю.

— Ну да! Нам сюда теперь лет сто ездить. Это же, как в этих мес- тах в прошлом веке было, десяти- летиями Шамиля гоняли.

— Лермонтов, — решилс я вставить слово лейтенант. — “В полночный жар в долине Дагеста- на с свинцом в груди лежал недви- жим я...”

— Да уж, — вроде как и согла- сился майор, — лежало здесь не- мало нашего брата. И до сих пор наверняка кое-где лежат..

Чай в железных кружках в по- лумраке казался густым и тем- ным, как деготь.

— И все же, что делать-то здесь? — Майор все пытался вы- пытывать, что-нибудь о будущей службе.

— Да ничего! Стой в поле, сам себя охраняй. Если куда машина идет, за продуктами или водой — вперед саперов на разведку, а то подорвут в момент. Местным и мы не нужны, и беспредел надоел. Через день то разбой, то угон скота, то захват заложников. Бандиты наскочат, нагадят и сразу к себе в Чечню, куда нам и сунуться нельзя.

— Ров выкопать надо, проволоку натянуть, и пусть они там в своей Ичкерии жрут друг друга, как пауки в банке, — сказал, словно отрубил, вернувшийся к столу капитан.

— Как китайскую стену, — проявил эрудицию лейтенант.

— Давай, — согласился подполковник, — завтра лопаты раздать и начинайте, чтобы бойцы не расслаблялись. Заодно и заставу укрепите.

— Ой, не нравится мне все это, — вздохнул майор, — стена китайская... Я ж в грозненском полку служил. Красивый город... Хорошо, вовремя уехал.

Он взял крупный желтый ноздреватый кусок сахара и аккуратно покрошил в чай.

— С продуктами-то как?

— Как обычно, — пожал плечами подполковник. — Хочешь есть — проявляй инициативу. Овощи местные подвозят. А мясо... раз бандиты отару угнали, вертолет спецназ на них навел, так за неделю месячную норму по мясу покрыли. Три комиссии друг за другом из штаба приезжали, всех накормили.

— Да ладно, — засмеялся капитан, — потерпите, через месяц арбузы пойдут.

Ротный взялся за автомат, майор поднялся следом:

— Пройдусь с тобой, посмотрю, где посты.

Подполковник с лейтенантом остались вдвоем за столом напротив друг друга. Помолчали. Подполковник глянул на лейтенанта снис-

ходительно и по доброму устало.

— Вам налить? — потянулся к чайнику лейтенант.

— Давай, — кивнул седой головой подполковник, — Тебя как звать-то?

— Миша, то есть Михаил, — сразу поправился лейтенант.

— Так ты, Миша, говоришь, институт в мае закончил?

— Ага. Педагогический. И сразу призвали.

— Педагогический? Лихо... Тебе бы в замполиты.

— Наверно. У меня по педагогике и психологии пятерка. И практику проходил в спецшколе. Только у них взводных не было. Сказали, хоть год взводным побудешь, а то все равно через два уйдешь.

— Ага. Пятерка это хорошо, только тут не психолог порой, а психиатр нужен. Хотя бы чтобы осмотреть того, кто тебя через месяц сюда командовать ротой прислал.

— Я буду стараться...

— Да уж постарайся. Но ты не робей. Ты давай, главное, документы. Пиши бумажки, не ленись, за документы главный спрос и идет. Комиссии понаедут, думаешь, солдат будут смотреть? Первым делом бумажки проверять начнут.

Наконец вернулись капитан и майор.

— Товарищ подполковник, — довольным голосом доложил капитан, — до рассвета осталось два часа, до погрузки в машины — четыре. До полустанка, где эшелон, семь. А послезавтра будем дома.

— Не говори гоп! — суеверно заметил майор.

— И еще, — торопился закончить капитан, — до дома доедем и сразу рапорт на стол. У меня уже неделя, как контракт кончился.

— Ага, — озадачился подполковник, — это ты мне напоследок сюрприз решил сделать?

— Да нет, я роту доведу, и все

нормально будет. Только, командир, не могу я больше. Надоело. Жена пишет, у них в конторе как раз начальник охраны нужен.

— Ну и что для тебя изменится?

— Все. — Капитан быстро выложил все, о чем, видно, не раз уже думал. — Никаких командировок, солдат, каждый день дома. Опять же зарплата день в день и уж побольше, чем здесь.

— У тебя же квартиры нет, — все не мог понять его подполковник.

— И не будет, — согласился капитан, — пока я здесь. А там ссуду дают беспроцентную, так что буду потихоньку выплачивать.

— А может, ты и прав, — неожиданно согласился подполковник. И он кивнул на осоловело хлопавшего глазами лейтенанта. — Только служить, выходит, я да вот он останемся.

Лейтенант уже, похоже, засыпал, и подполковник, поглядев на него, грустно повторил:

— А может ты и прав. Что-то не так у нас. Я весной на вечер выпускников ездил. Я же армейское закончил. Двадцать лет выпуска. На ребят посмотрел, никому еще и сорока пяти нет, а служат лишь двое. Остальных сокращали, разогнали, без жилья, пенсий. Здоровые все мужики, а ни устроиться толком, ничего. Какие-то рекламные агенты, автослесари, дворник один есть. Что-то не так.

Услышав про квартиру, сразу завелся майор:

— Вот слышал раньше сколько раз "кувшинное рыло" да "кувшинное рыло", а тут зашел, увидел и сразу понял — вот он, родимый. Сидит за столом, как в окопе, на компьютере шарики разноцветные катает.

— Кто?

— Да квартирный подполковник один. Мне как раз квартиру тогда выделили. Документы, — говорю, — все поданы, почему ор-

дер не выписываете? А тот: "Думайте, думайте..."

— Ну, думаю, куда им деться, все равно дадут, первый же в очереди. В командировку съездил. А приехал, и квартиру уже у части отняли, поскольку, говорят, документы не представил, что жилье в Грозном сдал... Я к квартирщику этому в кабинет зашел, тот за столом сидит. А на лице выражение, будто дерьмо жует. Ну я и сказал ему, что о нем и всей их обозной братии думаю. Так мне потом... Как ты посмел?.. Честнейший офицер!..

— Судился бы.

— Была мысль... Я в квартиру эту зашел посмотреть, кто да что, а там такой же бедолага с детьми.

— И что теперь? — заинтересовался подполковник.

— Теперь? Теперь он там, а я здесь. К генералу вызвали. "Ну чего ты шумишь? — говорит. — Снимаешь квартиру? Ну и хорошо, значит, крыша над головой есть..."

Подполковник как-то грустно рассмеялся:

— Слушай, эти все истории после трех месяцев здесь будто из другого мира. Вот ты. Вот солдаты. Вот степь и горы вдали эти проклятые. И ни одного из таких "обозных друзей" здесь и на сто километров рядом нет.

— А если и появится, — уточнил капитан, — так лишь до первой заварушки.

Они помолчали и, словно многогочие, тишину разорвала автоматная очередь вдали.

Лейтенант дернулся не испуганно, а скорее от неожиданности, вопросительно поглядел на офицеров.

— "Чичики" балуют, — пояснил майор.

Капитан быстро, одним длинным глотком допил чай и поднялся:

— Пойду бойцов успокою. Хочешь пострелять? — спросил он лейтенанта.

Тот лишь замотал головой.

— Тогда ставь чайник. Скоро приду.

— А генералы, они все такие?

— неожиданно спросил лейтенант.

— Так ты не спишь? — удивился подполковник. — Шел бы в палатку, завтра день будет суматошный.

Неожиданно очереди раздалась совсем близко. Автоматные. Сначала длинная, на полмагазина, и следом три коротких. Где-то вдали, откуда раньше стреляли, после этого словно взбесились. В небо полетели ракеты, застрочил пулемет.

Вскоре вернулся капитан.

— Пойду резерв поднимать. Это я у них салют заказал, на прощание. — Он стал разряжать магазин. — Так и стоим, мы их караулим, они нас. Командир, будет еще война?

— Будет. — грустно сказал комбат. — И вот таким воевать придется. — кивнул он на лейтенанта.

Тот, положив голову на руки, сладко спал, будто не было только что рядом стрельбы.

— Во дает! — восхитился майор. — Под такую-то канонаду! Наш человек!

— Тише ты, — остановил его капитан. — еще набегается, пускай спит.

Когда пришло утро, хлопот стало выше головы. Никто уже не вспоминал о ночной стрельбе. Лишь высланная разведгруппа нашла неподалеку оставленную лежку, кучу гильз и сняла растяжку.

Наконец стали грузиться.

Лейтенант подбежал к подполковнику, козырнул:

— Вы знаете, Валерий Сергеевич, товарищ подполковник, вот вы сейчас уедете, вы ночью так правильно все говорили, у меня тетрадка специальная есть, я ваши слова запишу и на всю жизнь

запомню.

Подполковник посмотрел на лейтенанта хмуро, насупился и бросил:

— Ночью надо спать или службу нести, а не разговоры запоминать, лейтенант. Записал он! Писатель нашелся!

Лейтенант ошарашенно молчал, растерянно глядя на подполковника.

А комбат неожиданно разозлился вконец.

— Лейтенант!..

Тот в своем нелепом, на два размера больше камуфляже неловко переминался с ноги на ногу.

— Лейтенант! — в голосе подполковника зазвенел металл.

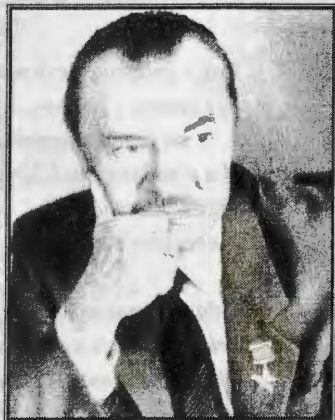
— Я! — наконец гаркнул тот и вытянулся, как струна.

— Займитесь наконец службой, принимайте подразделение. Вам с этими солдатами, может, завтра в бой идти.

И, отходя к головной машине, он, уже улыбаясь, все еще бурчал:

— Насмотрятся, наслушаются и сразу выводы делать — демократы...

Колонна тронулась.

Михаил Федорович БОРИСОВ родился в 1924 году на Алтае. Буквально со школьной скамьи ушел на фронт. Сражался под Сталинградом и на Курской дуге, где в неравном бою под Прохоровкой лично уничтожил из орудия семь фашистских “тигров”. Герой Советского Союза. После войны, которую завершил в Берлине, учился, работал, служил во внутренних войсках, в том числе и в нашем журнале. Полковник в отставке. Автор двух десятков поэтических книг, к которым совсем недавно прибавился том избранного.

НАВСТРЕЧУ СТОЯЩИМ В СТРОЮ ОБЕЛИСКАМ...

***

На самом светлом берегу
И на межзвездном перевале
Я жить спокойно не могу,
Пока граненый штык в опале.

Опять выслушиваю высь
Почище всякого радара,
Опять прошу себя:
— Держись
В районе главного удара.

И если меч поднимет враг,
Назад не сделаю ни шагу
И на него, отринув страх,
Седую глыбой тотчас лягу.

***

Над Волгой притихшей
ни тучки на небе.
Вокруг разметались в жару
буераки.
А в этих местах
наши редкие цепи

Когда-то не раз поднимались
в атаки.

Вставали.

Ложились.

И снова вставали.

Рвались напролом,
задыхаясь от зноя.

Сегодня здесь тихо —
недвижимы дали,
Лишь белое солнце дрожит
надо мною.

В глубоком безмолвии
жухнут осоты,
Горят под ногами дорожные камни,
И, кажется, смотрят степные
высоты

Пустыми глазницами
прямо в глаза мне.

Наверно, не зря я припомнил
при этом,

Как грезил о бое.
Победном.

Неблизком.

...Иду пересохишим заклеплым
кветом

Навстречу стоящим в строю
обелискам.

Иду, как на суд, справедливый
и скорый,

И совесть моя оправданий
не ищет.

Без ярого боя родные просторы
Зачем отдаю беспощадной жарнице?!
Вот эти безводные

волжские степи,
Вот этот примолкший ручей
в буераке...

Здесь даже совсем поредевшие
цепи,

Бывало, как шквал
поднимались в атаки.

ЖИЗНЬ

По-за Днепром
звонит пшеничный колос,
А для солдата в этой стороне
Еще по-бабьи вьюга воет
в голос

И мечется по танковой броне.
Он сам лежит в раздолбанном
квете

От смерти клятой,

может, в двух шагах,
И точит грудь сильнее всего
на свете
Тоска о ненаписанных стихах.

Есть в этом смысла,
Как есть он в яви зримой,
В миллионах рек, что некогда
слились

И донесли до нас неповторимой
В промозглой тьме родившуюся
Жизнь.

Сюда б еще по-щедрому
добавить

Оттуда же,
Точней, издалека
Людскую нестареющую память
С державною разверсткой на века.
Такая память будет не напрасной,
Она расскажет вроде бы впервые,
Какою Жизнь веселой
и прекрасной
К солдату шла дорогой фронтовой.

Пусть вьюга та еще повоет
в голос

И тот солдат погрезит
среди снегов —
По-за Днепром звенит
пшеничный колос,
Как лучший из задуманных стихов.

НА ДОРОГАХ ВОЙНЫ

Не тропинками-недотрогами,
Не асфальтами, что в чести,
Фронтowymi опять дорогами
Потянуло меня пройти.
Под Морозовском поле ровное.
Заросли травой блиндажи.
Не дымит и частица кровная
Отгоревшей моей души.
По-былому уже не свыкнуться
С тем, о чем поют соловьи,
Позову —
Может быть, откликнется,
Отзовутся друзья мои?!
Но друзья, и поныне близкие,
Не услышат ни слов, ни строк.

Память серыми обелисками
Замерла вдоль степных дорог.
В теплом дождике,
в белой замети,
В переплеске листвы она.
И стоит на часах у памяти
Придорожная тишина.

***

Раскрылать мне, ветер,
плащ-палатку
И, отправив в дальний-дальний
путь,
Не забудь, что я под Пятихатку
Тридцать лет стремился
завернуть.
Тридцать лет...
А будто бы все было,
Все случилось только лишь
вчера.
...Мины землю рубят,

как зубилом,
Как кувалдой, лупят "мессера".
Вот из мглы вперед рванули
танки,
Вот они надвинулись уже...
Скоро их пятнистые останки
Задымят на этом рубеже.
Мы стоим на выбитой опушке
Среди нагих израненных корней.
Весь заслон —

четыре полковушки
С горсточкой беззусых пушкарей.
Тут с судьбою просто
породниться,
Встречный марш играя на басах,
И ребят обветренные лица
Каменеют прямо на глазах.
Пусть земля и кажется им шаткой,
Но стальной откатывает вал,
Словно наш заслон
под Пятихаткой
Глыбою базальтовой стал.
Мне сюда пробиться бы
сквозь годы,
Побывать на старой огневой,
И мои житейские невзгоды,
Как тогда, пройдут над головой...

***

Как в старину исхаживали Русь,
Без суеты
по транспортным дорогам,
И я к подножью Шипки доберусь
Таким макарон —
С посохом и пехом.

Годам своим немалым вопреки
Вскарабкаюсь на кручу вековую,
Где предков наших славные полки
Отчаянно ходили в штыковую.

Взберусь наверх с трудом,
Как старый конь,
А может, и взлечу туда,
как птица...
Там много лет горит живой огонь.
Там кровь моих ровесников
дымится.

***

Не сложил я песни самой звонкой,
Я ее не вынес из огня,
Потому и ласковый мальчонка
Посуровел, глядя на меня.
Вряд ли сыщешь слушателя тише,
А попробуй подойди к нему —
Сразу каждой клеточкой услышишь,
Словно посвист пули:
— Почему?
Быть бы с ним посдержаннее надо,
Только кто другой еще при нас
И прожить сумеет без разлада,
И допеть неспетое сейчас?
Многого мы сделать не успели
Из предназначенья своего.
Тут же ввявь веселье апрели
За спиной взметнулись у него.
И не раз по Курскам да Рязаням
Он взбодрит бессмертного коня,
Широко раскрытыми глазами
Не взглянув, как нынче, на меня.

ПИСЬМО В НОМЕР

Уважаемая редакция!

В ходе первой чеченской войны я служил срочную в Чечне, принимал участие в боевых действиях, некоторые выплаты получил на месте, а по некоторым мне было обещано, что деньги переведут по месту жительства. Прошло уже несколько лет, а я так и не могу разобраться, что положено, а что нет военнослужащему, принимавшему участие в боевых действиях на территории Чеченской республики в 1995 г.

*С уважением,
Вадим Матросов.*

От редакции.

В соответствии с приказом МВД России от 22 февраля 1993 г. № 73 "О гарантиях и компенсациях военнослужащим внутренних войск, сотрудникам органов внутренних дел, выполняющим задачи по защите конституционных прав граждан в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах" установлено:

— военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, при выполнении задач по защите конституционных прав граждан в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах установить должностные оклады по 1-4 тарифным разрядам и ежемесячные дополнительные виды денежного содержания по нормам, предусмотренным для военнослужащих

сверхсрочной службы, а при увольнении с военной службы выплачивать им единовременное пособие в размере двух должностных окладов (пункт 2);

— военнослужащим и сотрудникам органов внутренних дел, выполняющим задачи по защите конституционных прав граждан в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах, для назначения пенсии засчитывать в выслугу лет (трудовой стаж) один месяц службы за три месяца (пункт 3).

В соответствии с приказом МВД России от 9 сентября 1992 г. № 315 "О дополнительных мерах по обеспечению социальных гарантий сотрудникам органов внутренних дел и военнослужащим внутренних войск, выполняющим задачи по охране общественного порядка в Северо-Кавказском регионе" предусмотрена выплата военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, входящим в группировку для охраны общественного порядка в Северо-Кавказском регионе, единовременного денежного пособия в размере двухмесячного должностного оклада пропорционально фактическому времени нахождения в Северо-Кавказском регионе (пункт 1).

Приказом МВД России от 5 марта 1996 г. № 113 "О мерах по реализации постановления Правительства Российской Федерации от 27 января 1996г. № 61" установлена выплата военнослужащим, направленным на террито-

рию Чеченской республики и прилегающего к ней Северо-Кавказского региона для выполнения задач в условиях вооруженного конфликта, полевых (суточных) денег в трехкратном размере (пункт 1). Данный приказ введен в действие с 27 января 1996 г. и не может быть распространен на военнослужащих, выполнявших боевые задачи на территории Чеченской Республики до 27 января 1996г. В то же время данной категории военнослужащих положены полевые в однократном размере.

Федеральным законом от 16 мая 1995г. №75-ФЗ "О распространении действия Закона Российской Федерации "О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим, проходящим военную службу на территориях государств Закавказья, Прибалтики и Республики Таджикистан, а также выполняющим задачи в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах" на военнослужащих, а также лиц рядового и начальствующего состава, курсантов и слушателей учебных заведений Министерства внутренних дел Российской Федерации, выполняющих и выполнявших задачи в условиях вооруженного конфликта в Чеченской Республике" действие закона распространялось на военнослужащих внутренних войск, а правительству поручалось определить зону вооруженного конфликта в Чеченской республике, время выполнения задач в этой зоне и по-

рядок предоставления им дополнительных гарантий и компенсаций. Постановлением Правительства от 11 декабря 1995г. № 1210 "Об определении зоны вооруженного конфликта в Чеченской Республике" вся территория ЧР отнесена к зоне вооруженного конфликта.

Вышеназванным законом фактически предоставлены те льготы и компенсации, которые были введены приказами МВД России от 22 февраля 1993г. № 73 и от 9 сентября 1992 г. № 315.

Кроме того, согласно статье 2 закона на членов семей военнослужащих, погибших при выполнении задач в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах, распространяются льготы, гарантии и компенсации, действующие в отношении членов семей военнослужащих, погибших в Великой Отечественной войне.

Согласно части 2 статьи 4 закона военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, по истечении шести месяцев выполнения задач в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах предоставляется дополнительный краткосрочный отпуск: старшинам и сержантам — 30 календарных дней, солдатам и матросам — 25 календарных дней. Время проезда к месту проведения отпуска и обратно в срок отпуска не засчитывается.

Федеральным законом от 19 ноября 1997г. № 146-ФЗ статья 5 настоящего закона дополнена частями второй и третьей, которыми военнослужащим, выполнявшим задачи в условиях вооруженного конфликта немеждународного характера в Чеченской республике и на непосредственно прилегающих к ней территориях Северного Кавказа, отнесенных к зоне вооруженного конфликта, наряду с гарантиями и компенса-

циями, предусмотренными настоящим Законом, предоставляются следующие права и льготы:

— определяются указанным военнослужащим, проходившим военную службу по призыву, размеры единовременных пособий, установленных пунктами 2 и 3 статьи 18 Закона Российской Федерации "О статусе военнослужащих", и страховых сумм по обязательному государственному страхованию военнослужащих, исходя из месячного оклада по воинской должности, установленного на день их выплаты для военнослужащих, проходящих военную службу по контракту на соответствующих воинских должностях.

В настоящее время действует Федеральный закон от 27 мая 1998г. № 76-ФЗ "О статусе военнослужащих";

— принимаются указанные военнослужащие, проходившие военную службу по призыву, в избранные ими военные образовательные учреждения профессионального образования, в том числе и в образовательные учреждения МВД России, без вступительных экзаменов при условии их соответствия всем другим требованиям профессионального отбора и приема в указанные образовательные учреждения, а в гражданские образовательные учреждения профессионального образования — вне конкурса;

— распространяются на указанных военнослужащих, ставших инвалидами вследствие ранения, контузии, заболевания, полученных в результате выполнения задач в условиях вооруженного конфликта немеждународного характера в ЧР и на непосредственно прилегающих к ней территориях Северного Кавказа, отнесенных к зоне вооруженного конфликта, права и льготы, установленные законодательством Российской Федерации для инвалидов Великой Отечественной войны.

Дети военнослужащих, погибших (умерших), пропавших без вести, ставших инвалидами в связи с выполнением задач в условиях вооруженного конфликта... обеспечиваются ежегодно федеральными органами исполнительной власти бесплатными путевками в детские оздоровительные учреждения. В случаях непредоставления указанных путевок выплачивается денежная компенсация в размере их стоимости.

Для решения вопроса о причитающихся вам выплатах следует обратиться в воинскую часть по месту прежней службы.

КТО ОТВЕТИТ?

Прослужив в спецчастях внутренних войск 28 лет, я в 1983 году был уволен в отставку по болезни. Перенес несколько хирургических операций, потерял ногу. Мне, как инвалиду 1 группы, был предоставлен автомобиль. А кроме того, по постановлению Правительства РФ № 544 от 3.08.1992г. мне ежегодно выделяется компенсация за расход бензина, ремонт и техническое обслуживание автомобиля в размере 21 рубль 50 копеек. Что же можно отремонтировать в машине за такие деньги? И кто решил, что двух с половиной литров бензина, которые я могу на них купить, мне хватит на год?

Между прочим, те, кто получил автомобили по линии соцзащиты в городе Москве, получают компенсацию в размере 1100 рублей.

Почему же правительство забыло о нас?

**К.Алейников,
майор в отставке
г. Москва**

В год 55-летия Великой Победы наш журнал (№ 6.7, 2000 г.) опубликовал очерк военного журналиста из Украины капитана Сергея Коваленко о ветеране внутренних войск полковнике в отставке Иване Семеновиче Смикодубе. Заголовок был интригующим: "Сталин сказал ему: "Осторожно, лейтенант!" А он дослужился до полковника".

И вот недавно в редакцию пришла бандероль из Киева, в которой оказалась

В его руках был королевский меч

книга самого И.Смикодуба с незамысловатым, обыкновенным названием — "Записки старого солдата". А заголовок прошлогоднего журнального очерка помещен на форзаце как подтверждение того, что мимолетная встреча офицера войск НКВД с "отцом народов" осталась одним из самых ярких воспоминаний в большой и многогранной жизни ветерана. Похвально и отрадно, что ему удалось издать свои мемуары (Киев. Издательство Европейского университета финансов, информационных систем, менеджмента и бизнеса, 1999, 272 стр.).

Автор книги — полковник в отставке, прошедший длительный и сложный путь от солдата до командира дивизии. В трудные годы войны он командовал взводом и ротой Кремлевского полка. Затем — учеба в Военной академии им.М.В.Фрунзе, служба в должности начальника отдела боевой подготовки Управления внутренних войск в Украине и в ГДР. С 1956 года И.С.Смикодуб — командир полка, которому была поручена охрана правительства Украины, затем — дивизии, охранявшей знаменитый ныне Арзамас-16.

Богатая событиями жизнь, огромный опыт, активная жизненная позиция автора позволили ему написать увлекательную и полезную книгу, которую с интересом прочтут не только военные, но и все, кому интересно узнать новое о славном прошлом нашей Родины.

На обложке книги помещена фотография лейтенанта Ивана Смикодуба, в руках которого меч английского короля Георга IV, подаренный городу-герою Сталинграду. О тех исторических событиях, которые, естественно, волнительны и памяты автору, он также подробно рассказывает на страницах своих мемуаров.

Вступительное слово к книге написал еще один ветеран, которого хорошо знают во внутренних войсках, — генерал-майор Николай Дмитриевич Титов, служивший в Главном управлении ВВ МВД СССР. Ныне генерал в отставке является председателем совета ветеранов Главного управления внутренних войск МВД Украины. Обращаясь к читателям представляемой книги, он пишет: "Книга интересная и поучительная. Недавно Ивану Семеновичу исполнилось 83 года. Но он полон сил и энергии. Принимает активное участие в работе ветеранской организации, был избран председателем совета ветеранов воинской части. Он считает своим долгом передать молодому поколению секреты науки побеждать, прививает юношам чувство личной ответственности за судьбу своей Отчизны..."

В книге И.Смикодуба много не только познавательного материала, многие страницы можно рассматривать как учебное пособие, изложенное в популярной форме человеком, прошедшим от солдата до комдива отнюдь не по паркету.

Автор завершает свое повествование такими напутствиями нынешним офицерам: "В армии офицер должен работать над собой, повышая свой профессиональный и общий уровень. В своей повседневной работе надо искать что-то новое, что может улучшить учебный процесс, ускорить подготовку личного состава к несению службы или выполнению боевой задачи. Офицер должен найти себя, работая с людьми. К подчиненным надо относиться с должным уважением и пониманием, делить с ними все

то, что выпало на их общую долю. Найдет себя офицер среди подчиненных — будьте уверены, что они никогда не подведут своего командира ни в мирное время, ни в военное..."

Ищите себя в труде.

Любите Родину так, как ваши деды и отцы".

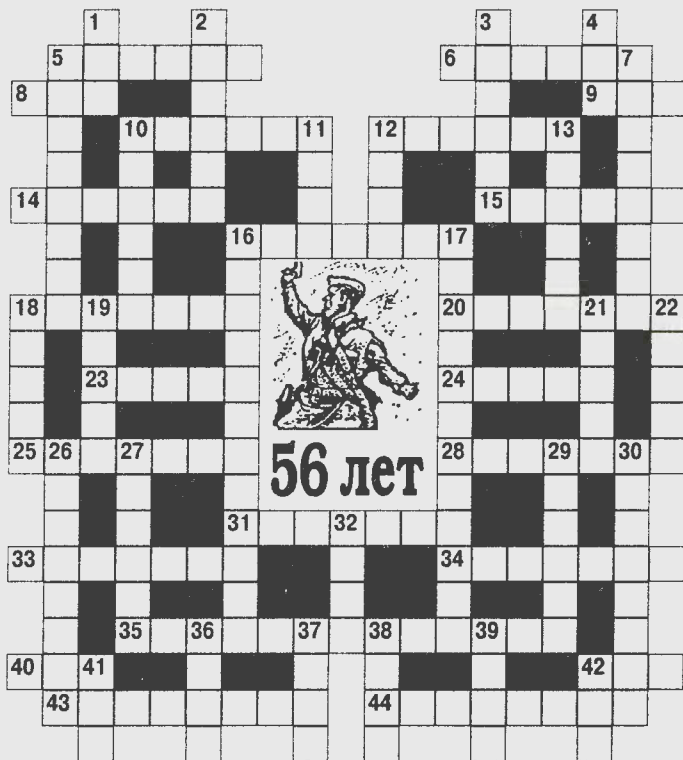
Интересная, добрая, полезная книжка вышла в Киеве. Отрадно, что ветераны находят силы, чтобы написать записки старого солдата.

Тимофей СИБИРЦЕВ

КРОССВОРД

9 мая — 56 лет со Дня Победы

По вертикали: 1. Плавающий знак (поплавок) на реке, озере для обозначения отмели. 2. Бризантное взрывчатое вещество. 3. Момент взлета ракеты. 4. Трос для ввода в действие парашюта без участия человека. 5. Сооружение, создаваемое в память какого-либо исторического события. 7. Студентка в романе А. Чаковского "Блокада". 10. Норма обеспечения продуктами людей и фуражом животных на определенный срок. 11. Построение пехоты для отражения атаки противника со всех сторон, применяемое в русской армии до 1881 г. 12. Вертикальная часть хвостового оперения самолета. 13. Маршал Советского Союза, участник Великой Отечественной войны, министр обороны СССР в 1967—1976 гг. 16. Термопара, применяемая в измерительной технике. 17. Лица офицерского состава, возглавляющие воинские формирования. 18. Привал войск под открытым небом. 19. Общая работа на судне всей командой. 21. День месяца в его порядковом ряду. 22. Боевой порядок русской рати в 9—11 вв. 26. Сочинение, в котором описывается что-нибудь. 27. Народная песня на слова М. Исаковского, написанная в годы войны. 29. Колющее и рубящее холодное оружие. 30. Боец, наводящий орудие или пулемет на цель. 32. Город-герой. 36. Химический элемент из группы благородных металлов. 37. Столица одного из прибалтийских государств. 38. Время года. 39. Музыкальный инструмент в виде трубки из дерева или тростника. 41. Торжественное стихотворение о каком-либо историческом событии или герое. 42. "Щит и ..." — роман В. Кожевникова о разведчиках.

Составил
Евгений КУЛИКОВ

По горизонтали: 5. Суровая система воспитания, обучения военнослужащих. 6. Русский поэт, детский писатель, автор сборника стихов "Почта военная". 8. Поперечный брус на мачте судна. 9. Прибор для измерения глубин океана, моря, реки с борта судна. 10. Воин в древнерусском государстве. 12. Военный предводитель у древних скандинавов. 14. Приспособление на огнестрельном оружии для наведения его на цель. 15. Городская крепость в старых русских городах. 16. Военачальник, участник Великой Отечественной войны, с 1987 г. — главнокомандующий войсками ПВО. 18. Композитор, автор песен "Катюша", "В лесу прифронтовом" и др. 20. Единица измерения продолжительности работы машины. 23. Город на Украине, центр партизанского сопротивления в годы войны. 24. Машина для накачивания или выкачивания жидкостей или газов. 25. Фигура пилотажа, выполняемая в вертикальной плоскости. 28. Основной вид военных действий. 31. Короткоствольное ар-

тиллерийское оружие. 33. Город в Югославии, на севере Словении. 34. Русский флотоводец, адмирал, один из руководителей героической обороны Севастополя в 1854—1855 гг. 35. Организация, предназначенная для противодействия разведке противника. 40. Семья советских цирковых артистов-иллюзионистов. 42. Марка советских самолетов, созданных под руководством А. Микояна и М. Гуревича. 43. Старинное русское артиллерийское гладкоствольное орудие. 44. Немецко-фашистский концентрационный лагерь на территории Польши, действовавший в 1941—1944 гг.

Ответы на кроссворд, опубликованный в № 4

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

5. Показки. 6. Врагам. 10. Сиди. 11. Умей. 12. Смелого. 13. Глубок. 15. Солдат. 17. Конца. 19. Нельзя. 20. Смерти. 24. Крови. 25. Золото. 27. Бывать. 28. Ремесло. 29. Штык. 31. Всех. 32. Фашист. 33. Уносят.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Ноги. 2. Натиск. 3. Матрос. 4. Шагу. 7. Гитлер. 8. Сильна. 9. Делает. 14. Одолеет. 16. Обороны. 17. Казак. 18. Армии. 21. Стоять. 22. Победа. 23. Хитрее. 26. Оружие. 27. Боевое. 30. Клад. 31. Воин.

Василий СУББОТИН

Василий СУББОТИН — поэт и прозаик, автор многих замечательных книг — родился в Вятской губернии, в деревне Субботицы. С малолетства работал в колхозе, потом на угольной шахте. В 1939 году поступил в Литературный институт им. А.М. Горького, а завершил образование уже после войны на Высших литературных курсах.

С 1941-го — на фронте, танкист, участник штурма рейхстага. Василий Ефимович — один из немногих поэтов фронтовой обоймы, по сей день остающихся в творческом строю. Недавно он отметил свое восьмидесятилетие.

БРАНДЕНБУРГСКИЕ ВОРОТА

*Не гремит колесница войны,
Что же вы не ушли от погони,
На верху бранденбургской стены
Боевые немецкие кони?*

*Вот и арка. Проходим под ней,
Суд свершив справедливый и строгий.
У надменных державных коней
Перебиты железные ноги.*

Универсальное объединение

Высококачественное,
с повышенной износостойкостью
обмундирование

для силовых
и охранных структур

У/У

Россия, 344064, г. Ростов-на-Дону,
ул. Вавилова, 57, тел/факс: (863-2) 77-95-12
Универсальное объединение «У/У»